

МГППУ

ФАКУЛЬТЕТ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ»

МЕЖВУЗОВСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Сборник тезисов участников

15 – 24 мая 2024
Москва

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**Сборник тезисов участников научно-практической
интернет-конференции по юридической психологии**

(15-24 мая 2024 года)

**Москва
2024**

ББК 88.47

С 23

Сборник тезисов участников научно-практической интернет-конференции по юридической психологии (15-24 мая 2024 года). – М.: МГППУ, 2024. – 250 с.

Редакционная коллегия:

А.А.Марголис, Н.В. Дворянчиков, Е.Г.Дозорцева, М.Г. Дебольский, Л.М.Карнозова, И.Н. Коноплева, Н.В. Путинцева, Ф.С. Сафуанов

Материалы сборника представляют результаты исследований и практических разработок в сфере юридической психологии и смежных с ней областей науки. Студенты, аспиранты и молодые учёные российских вузов обсуждают на страницах сборника проблемы как традиционных областей юридической психологии (правовой, криминальной, судебной, пенитенциарной), так и новых, интенсивно развивающихся направлений, таких как юридическая психология детей и подростков, рассматриваются также возможности восстановительной медиации как способа разрешения конфликтов в контексте предметного поля юридической психологии. Сборник адресован психологам, юристам, педагогам, социальным педагогам и другим специалистам, профессиональная деятельность которых связана с решением широкого спектра задач юридической психологии.

ISBN 978-5-94051-345-2

© ФГБУ ВО МГППУ, 2024

Оглавление

Дворянчиков Н.В. ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	10
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	11
Аликберов К.Д. Значимость психологических аспектов в юриспруденции	11
Дядькин Г.А. Методологические проблемы определения, диагностики и профилактики виктимности в сети Интернет у молодых взрослых	14
Иванова В.Е. Влияние автобиографических практик на развитие субъектности личности	17
ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ	21
Анисимова Д.Д. Особенности рефлексии и саморегуляции у лиц со склонностью к суицидальному и самоповреждающему поведению	21
Бажанова И.С. Связь половой конституции с импульсивным поведением и уровнем тревожности среди молодых взрослых	24
Ванин Ф.С. Эмоциональное выгорание у студентов: связь с факторной структурой киберлафинга	27
Ведерникова П.О. Особенности проявления перфекционизма и переживания чувства одиночества у взрослых с высоким и низким уровнем склонности к трудоголизму	30
Власова А.Д. Особенности саморегуляции и копинг-поведения у юношей и молодых взрослых с проблемным использованием интернета	33
Выродова А.В. Особенности психологического благополучия и жизнестойкости у юношей и молодых взрослых со склонностью к думскроллингу	37
Давыдкина М.А. Особенности межличностных отношений у молодых	

взрослых со склонностью к фаббинг-поведению	40
Деева А.Р. Факторы риска становления личности сексуального преступника	43
Денисенко А.П. Особенности альтруизма у несовершеннолетних со склонностью к виктимному поведению	46
Диденко Е.Д. Преследование (сталкинг): формы поведения, типологии, проблемы влияния средствами уголовного правосудия	49
Дуденкова Е.А. Исследование особенностей восприятия образа серийного преступника в контексте жанра “true crime”.....	53
Климовицкая В.А. Особенности аддиктивного поведения у женщин, вовлеченных в занятие проституцией	55
Кузнецова У.А. Влияние информации об экстремальном событии на косвенных участников молодого возраста	58
Маругаева Э.Э. Исследование связей созависимости и уровня дезадаптации в братско-сестринских диадах	60
Натурина Д.А. Особенности эскапизма, эмоциональных переживаний и субъективного качества жизни у лиц со склонностью к зависимости от просмотра стриминговых платформ	64
Некрасова В.В. Когнитивное интервью как метод проведения допроса: общая характеристика, виды, зависимость эффективности от возраста, когнитивных способностей и процессуального статуса допрашиваемого. Обзор зарубежных исследований.....	67
Петренко А.А. Связь уровня правосознания и номофобии у подростков с разным восприятием отношения родителей	71
Плахтий Д.С. Особенности восприятия образа трудного подростка у лиц разных возрастов	74
Сборщик А.О. Рекомендации по психокоррекции самооотношения и чувства удовлетворенности жизнью у молодых женщин со склонностью к нарушениям пищевого поведения	77

Сергеева Ю.М. Психологическая суверенность и субъективное отчуждение как детерминанты отклоняющегося поведения	80
Сидорова Е.С. Вклад психологической травмы насилия в выстраивание сюжета художественных текстов	83
Филиппова М.Д. Связь стиля юмора и уровня правосознания у молодых людей	86
Цветков И.В. Профайлинг как способ выявления признаков употребления наркотических веществ в образовательных организациях.....	88
Чернышова Д.О. Ценностно-смысловые ориентации как индикатор риска развития девиантного поведения	91
ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	94
Васильева М.С. Особенности образа преступника среди студентов разных специальностей.....	94
Ельмеева М.Б. Макиавеллизм как психологическая особенность лиц, осуществляющих профессиональную деятельность в рамках нормотворчества	96
Корсакова Л.Д. Военно-профессиональный стресс у участников боевых действий	99
Кофанова В.С. Прочтение восстановительного посредничества в контексте уголовно-процессуальных конфликтов.....	102
Крамаренко И.С. Особенности эмоционального выгорания у молодых преподавателей, работающих онлайн.....	105
Кубахова Е.С. Особенности рефлексии, идентичности и самоопределения в процессе профессионализации у студентов-психологов (на примере студентов факультета юридической психологии).....	108
Панова Н.А. Профилактика посттравматического стрессового расстройства	

у лиц, освободившихся из мест лишения свободы и участвующих в специальной военной операции.....	112
Супрун Л.С. Стрессоустойчивость и её роль в обучении курсантов МВД.....	115
Сухарева В.А. Особенности акцентуаций характера курсантов университета МВД.....	118
Тарасенко Д.С. Особенности ответственности, рефлексии и эмпатии у студентов-психологов с разными типами просоциального поведения.....	121
СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ	125
Воложанина В.В. Особенности саморегуляции у подростков с расстройствами пищевого поведения	125
Голованова Е.Е. Особенности суицидальных переживаний у матерей с различным стажем воспитания детей, страдающих аутизмом	128
Гомелля Ю.И. К вопросу о мишенях психологической реабилитации лиц, имеющих травматический опыт утраты	131
Иртегова М.М. Эмоционально-личностные особенности мужчин, страдающих алкогольной зависимостью.....	135
Коробова Д. К. Уровень импульсивности и субъективного контроля у юношей и молодых взрослых со склонностью к несуйцидальному самоповреждающему поведению	138
Осиневич С.Е. Особенности аутоагрессивного поведения лиц старшего подросткового возраста	141
Солдатова К.М. Оценка экспертных решений в судебной практике.....	143
Туйчиева М.Д. Когнитивные искажения и осознанная саморегуляция у лиц с шизотипическим и пограничным расстройствами личности.....	147
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ	151
Барабанова А.А. Проявления агрессивного поведения в дошкольном	

возрасте и способы его коррекции.....	151
Барина В.С. Психологическая профилактика вторичного сиротства: мотивирование приемных родителей на взаимодействие со службами сопровождения	154
Беликова К.Р. Связь родительского отношения к подростку с успешностью его обучения	156
Василенко О.В. Психологические особенности подростков при семейном неблагополучии	159
Василиадис О.А. Особенности самоотношения старших подростков, склонных к самоповреждающему поведению	162
Галютин А.С. Ксенофобские установки у несовершеннолетних и молодых взрослых	166
Гамова Д.Д. Психологические особенности показаний несовершеннолетних свидетелей	169
Гулиева А.Р. Характеристики виктимного поведения у несовершеннолетних, потерпевших от сексуальных преступлений, совершенных в интернет-среде	172
Дмитриева Е.В. Особенности взаимоотношений в семьях, воспитывающих ребенка-инвалида	175
Дубровина М.Н. Особенности эмоционального интеллекта у несовершеннолетних, имеющих опыт употребления ПАВ	178
Исаева Д.А. Влияние хоррор-контента на подростков, склонных к девиантному поведению	180
Каменева В.Д. Кинотерапия как способ проживания утраты у воспитанников детского дома	183
Меркулова И.В. Влияние совместного пребывания родителя и ребенка в детском саду на процесс адаптации	186
Остапенко К.В. Особенности проявления буллинга в детском	

дошкольном учреждении	189
Ратошнюк Ю.А. Влияние участия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в принятии решений на их психологическое благополучие в условиях институциональной системы	192
Романцова Д.А. Нарушения привязанности, чувство одиночества, переживание отчуждения и социальная дезадаптация у воспитанников социально-реабилитационных центров	195
Сергеева А.К. Нарративы взрослых людей об опыте жестокого обращения со стороны родителей в несовершеннолетнем возрасте	198
Скотникова (Лемишко) О.А. Мотивация волонтерской деятельности в индивидуальном наставничестве	201
Суханова А.Д. Стиль поведения в конфликте у подростков с девиантным поведением.....	204
Уварова Е.В. Гендерные особенности диссоциальных черт личности у подростков.....	207
Шибанкова Е.А. Исследование сформированности ценностных ориентаций у подростков с девиантным поведением	210
Щетникова Е.Р. Романтические установки у подростков с девиантным поведением.....	213
ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ	217
Егорова Е.Н. Психологический кризис в жизни осужденных женщин, употреблявших психоактивные вещества	217
Зайцева А.Д. Психологические особенности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных, выросших без родителей	220
Запорожец Д.В. Особенности проведения восстановительной программы «Круг сообщества» с осужденными, отбывающими наказание в исправительной колонии строгого режима	224
Левин Л.М. Особенности детско-родительских отношений	

несовершеннолетних осужденных	227
Тарасова В.А. Психические состояния осужденных в зависимости от оснований направления в ИК-поселение	230
Туманова Е.П. Фольклор как средство оптимизации детско-родительских отношений между матерью и ребенком, находящимся в доме ребенка при исправительной колонии	233
ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД В РАБОТЕ С КОНФЛИКТНЫМИ, КРИМИНАЛЬНЫМИ И ИНЫМИ СЛОЖНЫМИ СИТУАЦИЯМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	238
Ватагина И.А. Влияние восстановительных технологий на ценностно-мотивационную сферу учащихся-волонтеров школьной службы примирения	238
Жбанникова Е.А. Формирование самоконтроля поведения младших подростков посредством технологий восстановительного подхода	240
Пан Н.В. Проблемы адаптации подростков, обучающихся по программам среднего профессионального образования	243
Полякова А.В. Профилактика и коррекция агрессивного поведения детей младшего школьного возраста с использованием восстановительного подхода	246

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вашему вниманию материалы 13-ой Межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии, ежегодно проводимой факультетом "Юридическая психология" Московского государственного психолого-педагогического университета.

В фокусе внимания участников конференции – обсуждение теоретических основ юридической психологии и практических результатов последних исследований. Широкий спектр актуальных проблем юридической психологии в данном году определил необходимость систематизировать тезисы в следующих разделах: методологические проблемы юридической психологии; психология девиантного и криминального поведения; юридическая психология детей и подростков; психология профессиональной деятельности; судебная и клиническая психология в юридическом контексте; пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний; восстановительный подход в работе с конфликтными, криминальными и иными сложными ситуациями человеческих отношений.

В конференции приняли участие молодые исследователи из различных учебных заведений России: Московского государственного психолого-педагогического университета, Тверского государственного университета, Казанского (Приволжского) федерального университета, Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Государственного университета просвещения, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, а также из Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России.

Материалы интернет-конференции будут интересны студентам, магистрантам и аспирантам, специализирующимся в области юридической психологии.

Декан факультета
юридической психологии МГГПУ,
канд. психол. наук
Н.В. Дворянчиков

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Значимость психологических аспектов в юриспруденции

Аликберов К.Д.

Институт законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации
(г. Москва)

Научный руководитель – Семькина О.И.

В мире юриспруденции важным является субъективная сторона, которая представляет собой психическую деятельность конкретного лица, направленную на достижение определённого результата. К субъективной стороне относятся: вина, мотив, цель и эмоции. Всё это непосредственно пронизывает психология.

Психология и юриспруденция, по своей сути, являются двумя разными областями научных знаний, однако на стыке двух научных сфер образовалась научно-практическая дисциплина, изучающая психологические закономерности системы, в которой человек взаимодействует с правом. Юриспруденция помогает познать окружающую социальную структуру общества. Взаимодействие между людьми, обществом, государством сопровождается юридическими нормами, правовыми предписаниями. Психология помогает лучше понять человеческое поведение, мотивы действий, принятие решений, что, в свою очередь, может быть важным при рассмотрении правовых вопросов и взаимодействии при помощи межличностных начал.

Современная наука и практика показывают, что знание основ психологии повышает эффективность специалистов в сфере правового регулирования общественных отношений, так как повышается результативность в процессе рассмотрения психологических феноменов, а также во время решения психологических проблем в юридически значимом контексте. Безусловно, ценным для практико-прикладного подхода остаётся разработка рекомендаций, направленных на повышение эффективности деятельности системы правового регулирования в обществе.

Ключом успешной защиты интересов клиента, подготовки мотивированного обвинительного заключения, вынесения законного и обоснованного решения или справедливого приговора выступает понимание юристами психологических особенностей человека. Знание психологии может быть полезно при проведении психологической экспертизы для выявления психических расстройств

личности, а также их влияния на поведение субъекта; в судебной психологии, где специалисты изучают психологические характеристики участников судебного процесса, мотивы совершения преступлений. Развитие эмпатии, понимание позиции другого человека, его побуждений и чувств помогает правосудию при вынесении соразмерного и справедливого наказания. Указанное остаётся важным, в том числе, для построения эффективного взаимодействия с клиентами, свидетелями, противниками в суде. Умение слушать, чувствовать и понимать другого человека может сделать работу юриста более продуктивной и успешной. Стоит отметить, что знание о том, как работает человеческий мозг, какие факторы могут повлиять на принятие конкретного решения, поможет адвокатам лучше анализировать ситуацию, предвидеть возможные варианты развития событий и адекватно реагировать на них; сотрудникам органов прокуратуры учитывать все особенности при производстве по делу, контролировать и проверять следственные органы на предмет упущений на стадии предварительного следствия; суду при избрании меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого поможет учитывать сведения о личности, а при вынесении приговора с назначением наказания принимать во внимание влияние назначенного наказания на исправление осужденного.

Психология в юриспруденции – это сфера, где соединяются знания и методы психологии с правовой практикой. Она изучает влияние психологических факторов на процессы принятия решений, поведение участников юридических процессов, а также способы улучшения коммуникации и взаимодействия в юридической среде. Если кратко, то психологические знания играют важную роль в различных аспектах юриспруденции. Например, они помогают разбираться в мотивах преступника, предсказывать его дальнейшие действия, а также помогают в решении конфликтов между сторонами и достижении компромиссов. Психология также помогает понять, какие факторы могут повлиять на справедливость приговора и какие методы реабилитации будут наиболее эффективны. Перед учёными постоянно ставятся актуальные для этой сферы вопросы, решение которых постепенно раскрывает значимость юридической психологии и помогает формировать новые методологические научные инструменты (Иванова Л.Ф., 2017).

Исследовательская деятельность в юридической психологии позволяет выявить мотивацию людей, их эмоциональное состояние, уровень стресса и другие факторы, которые могут сказаться на результате судебного разбирательства. Специалисты в области психологии и юриспруденции консультируют юристов, адвокатов, следователей, прокуроров и судей, помогая им лучше понять психологические механизмы, определить подходы и принять обоснованные решения в широком смысловом понимании. В рамках основных подходов

психологии в юриспруденции изучается влияние эмоций, предвзятости, стереотипов мышления и других психологических аспектов в правовой сфере. Психологические исследования могут помочь разобраться в том, почему человек совершает тот или иной поступок, какие мотивы лежат в его основе и какие факторы могут повлиять на правильность такого поведения. Перед исследователями открывается психологическое моделирование, позволяющее воссоздать идеальный психологический образ, который изменяется в процессе влияния внешних факторов. При этом в качестве итога исследования выступает научное знание о сущности психических явлений и их закономерностей (Рожков А.А., 2023).

В процессе научного исследования учёные сталкиваются со множеством проблем, свойственных для данной междотраслевой дисциплины. К основным проблемным аспектам следует отнести: первое – конфликт теории и методологии психолого-правовых исследований. Юридическая психология постепенно развивается и неразрывно связана с общей и частной теорией психологии, однако, выступая в качестве междотраслевой дисциплины, собственный понятийный аппарат окончательно не сформировала. Второе – конфликт двойственности терминологического аппарата. В двух дисциплинах одни и те же доктринальные понятия могут иметь разное значение, а термины, закреплённые нормативно, в психологии употребляются значительно реже, чем в теории юриспруденции. Третье – ограниченный научно-исследовательский механизм для исследования в юридической психологии. Сформированный инструментарий не всегда актуален, так как часто не способен раскрыть новые явления современности. На данный момент отсутствует единый стандарт по оценке качества и работоспособности юридико-психологического инструментария, в котором должны закладываться образцы, созданные специально для получения новой информации (Балин В.Д., Ильина В.А., 2023). Принципиально новые знания позволяют совершенствовать действующее законодательство и эффективнее взаимодействовать с человеком.

Таким образом, совокупность психологических аспектов в юриспруденции играет важную и неотъемлемую роль. Юридическая психология помогает понимать и анализировать правовые процессы и явления, обеспечивает эффективность правосудия и выступает элементом, необходимым для формирования правильной защиты прав и законных интересов граждан, а также расширяет кругозор юристов и служит источником информации для судебного аппарата, что способствует принятию объективных и справедливых, юридически значимых решений.

Литература

1. Балин В.Д., Ильина В.А. Теоретико–прикладные аспекты категориально–понятийного аппарата юридической психологии // Психология и право. – 2023. – Том 13. – № 2. – С. 70-81. – doi: 10.17759/psylaw.2023130206.
2. Иванова Л.Ф. Современные проблемы юридической психологии как научной специальности и учебной дисциплины // Вестник Южно–Уральского государственного университета. – 2017. – Том 17. – № 4. – С. 64–68.
3. Рожков А.А. Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2023) (аналитический обзор международной научно–практической конференции) // Российский девиантологический журнал. – 2023. – № 2. – С. 250-260.

Методологические проблемы определения, диагностики и профилактики виктимности в сети Интернет у молодых взрослых

Дядькин Г.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Борисенко Е.В.

Виктимность традиционно рассматривалась в криминологии как склонность становиться жертвой преступлений. В психологическом дискурсе одним из аспектов виктимности является виктимное поведение, которое понимается как тенденция человека к попаданию в психологически деструктивные, небезопасные для него ситуации. Такое поведение может быть обусловлено множеством факторов, в том числе, индивидуально-психологических. Изучение психологических факторов виктимности является актуальным направлением исследований в юридической психологии, так как склонные становиться участником психотравмирующих ситуаций люди часто рискуют стать как потерпевшим, так и субъектом противозаконного поведения (Васильев В.Л., 1991). Поэтому вопросы определения, диагностики и профилактики виктимности представляют высокий научный интерес для исследователя в этой области.

В настоящее время в наибольшей степени актуальным представляется изучение виктимности в сети Интернет. Это обусловлено тем, что в онлайн-пространстве сейчас активно формируются и развиваются новые способы адаптации, новые правила социального взаимодействия, многие из которых могут яв-

ляться в значительной степени психологически небезопасными, т.е. реализующими виктимность, создающими виктимный опыт (Власова Н.В., Буслаева Е.Л., 2023).

Для эффективного изучения виктимности в сети Интернет мы также считаем более подходящим определение данного феномена как склонности человека к попаданию в психологически деструктивные, небезопасные для него ситуации (с уточнением, что данная уязвимость проявляется именно в его внутри-сетевой деятельности). Нами было сформулировано определение настоящего вида виктимности как индивидуально-психологической особенности или особенностей субъекта социальных отношений в сети Интернет (индивида или группы в сети Интернет), способствующих дезадаптивному стилю взаимодействия субъекта (т.е. стилю взаимодействия, не приводящему к реализации мотивов данного субъекта) в данных социальных отношениях. Также нам представляется допустимым синонимичное использование терминов «виктимность в сети Интернет», «Интернет-виктимность», «кибервиктимность» ввиду их схожего семантического содержания. Важно уточнить, что, используя эти понятия синонимично, мы используем их в сугубо вышеуказанном определении, сформулированном в рамках нашего исследования.

При диагностике Интернет-виктимности, как и при ее определении, также возникает несколько важных методологических проблем, решение которых требуется для более эффективной исследовательской и профилактической работы с феноменом. В настоящий момент нет апробированных и валидизированных на российской выборке методик, измеряющих виктимность в сети Интернет и определяющих её именно как психологическую особенность человека. В отечественном сегменте психодиагностики есть прецеденты включения семантически близких шкал (например, шкала «Чем я рискую в Интернете?» методики «Опросник интернет-активности» О.В. Рубцовой и Т.А. Посакаловой) в опросники более широкого спектра (Рубцова О.В. и др., 2021). Зарубежные разработки преимущественно касаются измерения накопленного виктимного опыта, например, опросник «Cyberbullying Perpetration and Victimization in Emerging Adulthood» (Lee J. и др., 2017). Такой подход при его использовании не учитывает позитивные изменения динамики виктимности, т.к. прожитый виктимный опыт способен только накапливаться, но не уменьшаться (в отличие от уровня виктимности, т.е. склонности к реализации данного опыта в настоящем моменте). Таким образом, перед исследователем встают две основные задачи в рамках решения методологических проблем диагностики виктимности в сети Интернет: а) разработка методов измерения виктимности в сети Интернет; б) переработка и адаптация разрабатываемых и имеющихся методов с целью расширения их возможностей в измере-

нии динамики этого феномена, в измерении виктимности именно как психологической склонности, а не как совокупности виктимного опыта.

Нами была предпринята попытка к решению настоящих методологических задач диагностики: был разработан авторский опросник уровня Интернет-виктимности, который включал в себя утверждения, затрагивающие специфику мотивации и психологической склонности к реализации психологической виктимности (например, «если знакомый запишет мне голосовое сообщение и скажет, что это срочно, я постараюсь послушать, даже если это очень неудобно» и т.п.). Ниже приведены результаты первичного замера с использованием настоящего опросника.

В первичном замере исследования приняли участие 84 человека в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст – 20,6 лет). Все испытуемые проживают в России и являются пользователями сети Интернет.

В исследовании (наряду с другими методиками, не относящимися к демонстрации интересующих нас закономерностей в данном вопросе) применялись опросник «Тест Томаса-Килманна» (Кардашина С. В., Шаньгина Н.В., 2016) и авторский опросник Интернет-виктимности.

При проведении корреляционного анализа мы выявили наличие корреляций противоположной направленности некоторых психологических феноменов с субшкалами шкалы «Общий уровень виктимности в сети Интернет» опросника Интернет-виктимности (при отсутствии корреляций с самой общей шкалой): например, шкала «конфронтация» опросника «Тест Томаса-Килманна» имеет прямую корреляцию с шкалой «техническая виктимность в Интернете» ($r = 0,237$; $p \leq 0,05$), шкалой «агрессивная виктимность в Интернете» ($r = 0,271$; $p \leq 0,05$), но обратно коррелирует с шкалой «беззащитная виктимность в Интернете» ($r = -0,411$; $p \leq 0,05$).

Именно эта особенность (возникновение корреляций противоположной направленности) создает основную методологическую сложность разработки программ профилактики при работе с виктимностью в сети Интернет: у нас нет задачи повысить или понизить многие черты, связанные с выраженностью виктимности, нам нужно их привести к равновесию ровно таким образом, чтобы не усилить этим ни один из видов уязвимости психики. Альтернативным решением может представляться работа только с теми феноменами, которые демонстрируют сугубо однополярные корреляции со всеми составляющими феномена.

Таким образом, мы наблюдаем возникновение значимых методологических вопросов на всех этапах исследования феномена виктимности в сети Интернет. Исследователю, изучающему настоящую тему, важно это учитывать, т.к. за ответом на данные вопросы стоит значительное повышение эффективности его работы.

Литература

1. Васильев В.Л. Юридическая психология. – М.: Юрид. лит., 1991. – 461 с.
2. Власова Н.В., Буслаева Е.Л. Кибербуллинг в подростковом возрасте: агрессор и жертва // Психология и право. – 2023. – Том 13. – № 3. – С. 56-71. – doi: 10.17759/psylaw.2023130305.
3. Кардашина С. В., Шаньгина Н. В. Психометрические характеристики русскоязычной версии опросника К. Томаса-Р. Килманна («Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument-ТКИ-Р») // Педагогическое образование в России. – 2016. – №. 11. – С. 216-228.
4. Рубцова О.В., Посакалова Т.А., Ширяева Е.И. Особенности поведения в виртуальной среде подростков с разным уровнем сформированности «образа Я» // Психологическая наука и образование. – 2021. – № 4. – С. 20-33. – doi: 10.17759/pse.2021260402.
5. Lee J., Abell N., Holmes J. L. Validation of measures of cyberbullying perpetration and victimization in emerging adulthood // Research on Social Work Practice. – 2017. – №. 4. – P. 456-467.

Влияние автобиографических практик на развитие субъектности личности

Иванова В.Е.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

В современном обществе перед человеком в течение его жизни ставятся сложные и разнообразные задачи, требующие высокой степени самостоятельности, ответственности и креативности. В этом контексте развитие субъектности личности является одним из важнейших аспектов формирования личности современного человека, который дает возможность занимать активную авторскую позицию по отношению к своей жизни. Особенно важным представляется развитие субъектности в юношеском возрасте, так как этот возрастной период является наиболее сензитивным в становлении субъектности в связи с тем, что юноша ставит перед собой вопрос о конструировании своего жизненного пути (Слободчиков В.И., 1995). При этом способы развития субъектности являются актуальным вопросом для всех категорий юношей, включая группы риска и под-

верженных тем или иным формам девиантного поведения через развитие компонентов субъектности.

Субъектность выступает как системообразующее и интегративное свойство индивида, формируемое и развивающееся в процессе жизнедеятельности в ходе преобразующей активности, направленной на себя и на мир, в основе которой лежит отношение к себе как к деятелю, что проявляется во всех сферах жизни. Основной составляющей субъектности является сознательная активность личности, другими компонентами зачастую называют рефлексивность, ответственность, личностную автономию, признание собственной ценности и уникальности, способность принимать других с учетом их особенностей (Ленглер О.А., 2020).

Вместе с этим как одно из средств развития субъектности представляется возможным рассматривать автобиографические практики, под которыми понимаются практики, зачастую представленные в письменной форме, которые придают смысл описываемым произошедшим событиям, развернувшимся во временной перспективе. Автобиографические практики представляют ценность тем, что призваны решить задачи осмысленности, рефлексии и самовыражения личности (Нуркова В.В., 2020). Таким образом, посредством автобиографических практик человек с авторской позиции рассматривает ход своей жизни, что может рассматриваться как способ развития субъектности личности. В данной работе в основу исследования положены особенности практики ведения дневника в качестве одной из наиболее распространенных форм автобиографических практик.

Целью данного исследования является определение степени влияния практики ведения дневника на развитие субъектности личности.

Гипотезами в исследовании выступили предположения о том, что:

1. Практика ведения дневника положительно влияет на развитие субъектности личности.
2. Практика ведения дневника положительно влияет на развитие рефлексивности личности.

В исследовании приняли участие 30 девушек 18–23 лет, из которых было сформировано две группы. Все участники исследования не имели до этого опыта ведения дневника или имели непродолжительный опыт в младшем школьном возрасте. В экспериментальной группе было 15 девушек, которым предлагалось ежедневно вести личный дневник на протяжении двух недель в свободной форме в электронном или бумажном варианте, описывая произошедшие события, собственные чувства и мысли. Заполнение дневника отслеживалось. В контрольной группе также находилось 15 девушек, которые на протяжении двух недель не подвергались экспериментальному воздействию.

В ходе исследования применялись следующие методики: «Уровень развития субъектности личности» М.А. Щукиной, «Методика диагностики индивидуальной меры развития свойства рефлексивности» А.В. Карпова, «Тест смысловых ориентаций» Д.А. Леонтьева. Математический анализ данных осуществлялся с помощью программы IBM SPSS Statistics 27. Для математического анализа использовались критерии Манна-Уитни и Уилкоксона.

При диагностике уровня развития субъектности личности с помощью теста-опросника «Уровень развития субъектности личности» М. А. Щукиной до и после экспериментального воздействия в экспериментальной группе и после сравнения показателей контрольной и экспериментальной групп во втором замеры были получены результаты, свидетельствующие о наличии значимых различий в уровне развития субъектности личности после практики ведения дневника на протяжении двух недель ($p \leq 0,05$), что свидетельствует о наличии положительного эффекта от регулярной практики ведения дневника на развитие субъектности личности.

По результатам «Методики диагностики индивидуальной меры развития свойства рефлексивности» А.В. Карпова было выявлено отсутствие значимых различий в показателях рефлексивности у экспериментальной группы после выполнения практики ведения дневника ($p \geq 0,05$), т.е. полученные результаты не дают основания сделать вывод о положительном влиянии практики ведения дневника на развития рефлексивности личности.

По результатам «Теста смысловых ориентаций» Д.А. Леонтьева были выявлены значимые различия между исследуемым показателем при сравнении результатов первого и второго замера в экспериментальной группе ($p \leq 0,05$). Однако в сравнении показателя осмысленности жизни при повторном тестировании по прошествии двух недель в контрольной и экспериментальной группах значимые различия выявлены не были ($p \geq 0,05$), что не дает достаточных оснований для констатации наличия положительного эффекта от практики ведения дневника на развитие осмысленности жизни.

Таким образом, в ходе экспериментального исследования не было найдено достаточно оснований для утверждения о влиянии ведения дневника на развитие рефлексивности и осмысленности жизни личности. Однако также было определено, что регулярная практика ведения дневника положительно влияет на развитие субъектности личности, что подтверждает первую гипотезу. Так, ведение дневника, как автобиографическая практика, может рассматриваться как средство развития субъектности личности через осмысленное описание событий жизни и репрезентации внутреннего мира в письменной форме с помощью механизмов осознания себя как источника собственной активности, своей роли в происходящих событиях, направленности внимания на свою деятельность, осозна-

ния себя как автономного человека, который несет ответственность за свои действия и выбор вместе с его последствиями, познания себя и управления ходом своей жизнедеятельности, выявляя необходимость в изменениях и их планировании. Ведя дневник, человек через описание собственной жизни получает возможность становиться в авторскую позицию, что приводит к отношению к себе как к субъекту, который способен на осуществление преобразовательной активности себя и окружающей действительности.

Полученные данные способствуют дальнейшему развитию знаний о способах повышения уровня субъектности личности, открывают новые перспективы в использовании полученных результатов в развивающих, коррекционных и профилактических программах.

Литература

1. Ленглер О.А. Субъектность человека: психолого-педагогические основы [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2012. – № 11 (46). – URL: <https://moluch.ru/archive/46/5654/> (дата обращения: 13.04.2024).
2. Нуркова В.В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. – М.: УРМО, 2020. – 315 с.
3. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. Учебное пособие для вузов. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 384 с.

Особенности рефлексии и саморегуляции у лиц со склонностью к суицидальному и самоповреждающему поведению

Анисимова Д.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Для понимания актуальности данного исследования мы сделали в электронной версии eLIBRARY.ru запрос на следующие темы: «Суицидальное поведение», «Рефлексия», «Саморегуляция», «Самоповреждающее поведение», также изучили имеющиеся ресурсы, рассмотрели и проанализировали динамику их публикаций с 2014 года. Наблюдая за динамикой публикаций различных ресурсов, можно сделать вывод, что тема является актуальной, так как с каждым годом происходит рост публикаций на заданные темы.

Различные действия, направленные на причинение себе увечий как физического, так и морального плана, можно объединить в понятие «самоповреждающее поведение» (Польская Н.А, 2017). Такие действия могут быть разноплановыми, начиная с менее опасных, например, покусывание языка, губ, расчесывание кожи, заканчивая опасными, которые могут повлечь более серьезные последствия для человека, например, проколы любых частей своего тела, оставление на себе ожогов, нанесение различных порезов на собственном теле с помощью режущих и колющих элементов. Термин «Суицидальное поведение» подразумевает под собой агрессивное поведение, направленное непосредственно на себя, и может обнаруживаться в различных действиях и мыслях. Главным импульсом данного поведения служит желание собственной смерти (Дюркгейм Э, 1994).

Согласно А.В. Карпову: «Рефлексия – это единовременно, как уникальное свойство, которое характерно только для человека, так состояние постижения чего-либо, и процесс, где происходит репрезентация собственной психике ее же собственного содержания». «Саморегуляция – это процессы инициации и выдвижения субъектом целей активности, а также управление достижением этих целей», указывают О.А. Конопкин, В.И. Моросанова, А.К. Осницкий.

Мы провели исследование, цель которого заключается в выявлении и описании особенностей рефлексии и саморегуляции у людей, которые имеют склонность к суицидальному и самоповреждающему поведению.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что существуют некие различия в особенностях рефлексии и саморегуляции у людей, которые имеют склонность к самоповреждающему и суицидальному поведению, а именно:

1. Лица, имеющие склонность к суицидальному и самоповреждающему поведению, имеют более низкий уровень рефлексии, чем те лица, у которых данной склонности не обнаружено.

2. Лица, имеющие склонность к суицидальному и самоповреждающему поведению, имеют более низкий уровень саморегуляции, чем те лица, у которых данной склонности не обнаружено.

3. Лица, имеющие склонность к суицидальному поведению, имеют более низкий уровень саморегуляции, чем те лица, у которых склонность не обнаружена.

Характеристика материала исследования. Выборку эмпирической части исследования составили 120 человек в возрасте от 18 до 52 лет.

Выборка была разделена на 4 группы: контрольная группа «К» - не склонные к суицидальному и самоповреждающему поведению, группа сравнения 1 «С1» – склонные к суицидальному поведению, группа сравнения 2 «С2» – склонные к самоповреждающему поведению, группа сравнения 3 «С3» – склонные и к суицидальному, и к самоповреждающему поведению. В каждой группе было по 30 человек.

Методики исследования. В исследовании применялась авторская анкета для сбора социально-демографической информации о респондентах, которая также включала в себя тематические вопросы, а также следующие методики: «Опросник суицидального риска» (Разуваева Т.Н., 1993), «Шкала причин самоповреждающего поведения» (Польская Н.А., 2022), «Диагностика рефлексии» (Карпов А.В., 2005), «Стиль саморегуляции поведения» (Моросанова В.И., 1988). Для математического анализа данных мы использовали программу IBM SPSS Statistics 20. Применялись критерий Краскела-Уоллиса для независимых выборок и коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

По результатам исследования были выявлены и описаны особенности рефлексии и саморегуляции у лиц со склонностью к суицидальному и самоповреждающему поведению.

По методике «Диагностика рефлексии» (Карпов А.В, 2005) значимые корреляционные связи между шкалами выявлены не были, следовательно, между контрольной группой «К», группой сравнения 1 «С1», группой сравнения 2 «С2» и группой сравнения 3 «С3» различия по уровню рефлексии отсутствуют. Данный параметр требует дальнейших исследований.

По методике «Стиль саморегуляции поведения» (Моросанова В.И., 1988) найдены значимые корреляционные связи между суицидальным риском и такими шкалами, как: «Оценивания результатов», «Моделирование», «Общий уровень саморегуляции». Между этими показателями была найдена обратная корреляционная связь, что может означать следующее: люди, у которых более высокий суицидальный риск, имеют более низкие способности к моделированию своей деятельности и ее оценке, а также к саморегуляции в целом. Это может выражаться в том, что люди, склонные к суицидальному поведению, имеют проблемы с оценкой условий для достижения цели, такие люди могут неверно оценивать свои способности в реализации деятельности, то есть занижать или завышать их. Могут быть проблемы с оцениваем своих результатов, поведения, отсутствие критичности к себе, непонимание, что условия и ситуация вокруг изменились. Также может наблюдаться несамостоятельность и зависимость от других людей, таким лицам тяжело принимать решения самим, делать что-то для реализации в одиночку, они обращают внимание и могут изменить свое поведение, деятельность, если получают неодобрение со стороны окружения.

Обнаружены корреляционные связи между «Антисуицидальным фактором» и такими шкалами, как: «Гибкость», «Программирование» и «Общий уровень саморегуляции». Между этими показателями была обнаружена прямая связь, что может означать следующее: люди, не склонные к суицидальному поведению, имеют более выраженные способности к программированию своей деятельности, гибкости во время достижения целей, а также саморегуляции в целом. Люди, которые не склонны к суицидальному поведению, могут с легкостью построить план своих действий, построенные ими планы носят постоянный и устойчивый характер, таким людям не свойственно оставлять свои цели без реализации, также построение планов происходит как на ближайшее время, так и на перспективу. Они могут подобрать методы и пути реализации своих целей, также способны адекватно оценивать себя и окружающую ситуацию, изменение условий и подстраиваться под нее, не опуская рук. В основном им не нужна помощь с построением, реализацией, коррекцией своей деятельности и поведения, такие люди способны быстро замечать свои упущения и ошибки, а также следить за своим поведением, реализация их целей происходит успешно, после чего идет их оценка.

Таким образом, основная гипотеза: «Существуют различия в рефлексии и саморегуляции у лиц со склонностью к суицидальному и самоповреждающему поведению», – была частично подтверждена. Частные гипотезы №1 и №2 были опровергнуты. Частная гипотеза №3, а именно: «Лица, имеющие склонность к суицидальному поведению, имеют более низкий уровень саморегуляции, чем те лица, у которых склонность не обнаружена», – была подтверждена.

Литература

1. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / Под ред. В.А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
2. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. – М.: Институт психологии РАН, 2004. – 424 с.
3. Моросанова В.И. Стилевые особенности индивидуальной саморегуляции и личностные диспозиции человека // Личностные и когнитивные аспекты саморегуляции деятельности человека / Под ред. В.И. Моросановой. – М.: Изд. ПИРАО, 2006. – С. 18-39.
4. Польская Н.А. Психология самоповреждающего поведения. – М.: Ленанд, 2017. – 320 с.
5. Разуваева Т.Н. Диагностика личности. – Шадринск: Исеть, 1993. – 26 с.

Связь половой конституции с импульсивным поведением и уровнем тревожности среди молодых взрослых

Бажанова И.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Коноплева И.Н.

Тема связи половой конституции с импульсивным поведением и уровнем тревожности является актуальной в контексте изучения сексуальности и ее влияния на психологическое состояние человека. В настоящее время сфера сексуальности все еще является закрытой и редко освещается. В ходе исследования было обнаружено, что около половины опрошенных никогда не встречались с понятием половой конституции. Однако, большая осведомленность о своих личностных особенностях позволит лучше понимать собственные потребности, что даст возможность улучшить качество жизни и отношений. Основной целью исследования является выявление и описание взаимосвязи между уровнем половой конституции и выраженностью импульсивного поведения и тревожности.

Для понимания контекста, следует определить семантику основных понятий. Половая конституция – это совокупность биологических и психолого-социальных факторов, определяющих сексуальное поведение человека. Этот параметр определяет индивидуальный уровень сексуальных потребностей, предел половой активности и сопротивляемость половой сферы патогенным воздействиям (Доморацкий В. А., 2009). Она включает в себя такие аспекты, как половое влечение, сексуальная активность, предпочтения и т.д.

Импульсивное поведение можно определить как «склонность к непреднамеренным действиям без учета их последствий», а также оно рассматривается в качестве «некой особенности, демонстрируемой в поведенческих реакциях человека» (Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., 2015).

Тревожность и тревога являются широко исследуемыми разными учёными феноменами. Многие исследователи определяют феномен тревожности как «стремление индивидуума к переживанию беспокойства, характеризующееся невысоким порогом появления беспокойства» (Романенко О.Н., 2019).

Для изучения вышеперечисленных феноменов была выбрана возрастная группа молодых взрослых, так как этот период является уникальным, представляющим собой переход от подросткового к взрослому, что формирует особую специфику: происходит установление идентичности личности, усвоение новых ролевых систем, выстраивание карьеры, сепарация от родителей и построение своей семьи или романтических отношений (Быков А.О., 2018).

Авторы отмечают следующие психоэмоциональные особенности молодых взрослых: высокая эмоциональная возбудимость, большая импульсивность, неуравновешенность, резкие колебания настроения, большая напряжённость и интенсивность переживаний (Мудрик А.В., 2004). Молодые люди отличаются высокой тревожностью, которая обусловлена страхом перед будущим, неопределённостью перспектив.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что можно описать особенности высокой половой конституции, в частности:

1. Сильная половая конституция у молодых взрослых сочетается с высоким уровнем импульсивности и тревоги.

2. Слабая половая конституция у молодых взрослых сочетается с низким уровнем импульсивности и тревоги.

Характеристика материала исследования. В исследовании приняли участие 66 респондентов. После предварительной обработки данных выборку эмпирической части исследования составили 63 человека в возрасте от 20 до 30 лет (средний возраст 22,8 лет). Из них респондентов мужского пола 17 чел. (средний возраст – 23,2 года), респондентов женского пола 46 чел. (средний возраст – 22,4 года). Основываясь на результатах шкалы векторного определения половой конституции, мы разделили выборку на 2 группы: контрольная группа – молодые взрослые со средне-слабой половой конституцией – 28 человек, респондентов мужского пола – 14 чел., респондентов женского пола - 14 чел. Группа сравнения – молодые взрослые со средне-сильной половой конституцией – 35 человек, респондентов мужского пола – 3 человек, респондентов женского пола – 32 человек.

Методики исследования. Для сбора информации об уровнях половой конституции, тревожности и импульсивности и сбора социально-демографической информации об участниках была разработана и использована авторская анкета и подобрана батарея методик. Были выбраны: «Шкала векторного определения половой конституции мужчин» Г.С. Васильченко (1970), «Шкала векторного определения половой конституции женщин» И.Л. Ботневой, «Шкала импульсивности Барратта» (BIS-11) (адаптация Ениколопова С.Н. и Медведевой Т.И.), «Опросник тревоги Дж. Тейлор» (MAS) (адаптация Норакидзе В.Г.).

Исследование проводилось в онлайн-формате с помощью Google-формы, размещенной на платформе «ВКонтакте».

Результаты исследования. Исходя из результатов исследования, нами были сделаны следующие выводы: значимые различия между контрольной группой и группой сравнения наблюдаются по шкалам импульсивности Баррата – внимание, моторная импульсивность и незапланированность. Это свидетельствует о том, что молодые взрослые с высокой половой конституцией имеют тенденцию к спонтанным и необдуманным действиям, к рискованному поведению. Вероятно, они имеют трудности с самоконтролем и адаптивным эмоциональным реагированием в различных ситуациях.

На уровне описательной статистики можно предположить, что лицам со средне-высокой половой конституцией (группе сравнения) тревога свойственна в большей степени, нежели лицам со средней-слабой половой конституцией (контрольная группа). Это может указывать на возможные проблемы со стрессом, частыми переживаниями тревожных состояний и беспокойства, а также депрессией или другими психологическими и эмоциональными проблемами у молодых взрослых с высокой половой конституцией.

Результаты демонстрируют, что распределение импульсивности и когнитивной нестабильности не является одинаковым для контрольной и группы сравнения, обнаружена сильная связь между уровнем импульсивности и половой конституцией, а также между уровнем когнитивной нестабильности и половой конституции.

По итогам проведенной работы гипотезы частично подтвердились. Лицам со средне-сильной половой конституцией в большей мере свойственна импульсивность, в сравнении с молодыми взрослыми со средне-слабой половой конституцией. Несмотря на отсутствие статистической значимости, было частично подтверждено, что лицам со средне-сильной половой конституцией в большей мере свойственна тревожность в сравнении с представителями средне-слабой половой конституции.

Полученные результаты могут быть использованы для понимания специалистами специфики психоэмоциональной сферы лиц с сильной половой консти-

туцией и более эффективной работы с учётом предположительно присущей им импульсивности. Также возможно применение полученных данных для разработки программ психокоррекции для молодых взрослых со склонностью к импульсивному или сексуально рискованному поведению. Данные могут быть полезны для психологов, сексологов и консультантов при консультативной и терапевтической работе или работе в сфере сексуальных отношений.

Литература

1. Быков А.О. Эмоциональные состояния и субъективное переживание одиночества в период ранней взрослости // Психологическое здоровье человека: жизненный ресурс и жизненный потенциал: материалы V-й Международной научно-практической конференции: г. Красноярск, 22-23 ноября 2018. – Красноярск: Версо, 2018. – С. 452-460.
2. Доморацкий В. А. Медицинская сексология и психотерапия сексуальных расстройств. – М.: Академический Проект; Культура, 2009. – 470 с.
3. Ениколопов С.Н., Медведева Т.И. Апробация русскоязычной версии методики «Шкала импульсивности Барратта» (BIS-11) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Том 5. – № 3. – С. 75-89. – doi: 10.17759/psylaw.2015050307.
4. Мудрик А.В. Социализация человека: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 304 с.
5. Романенко О.Н. Классические представления о тревожности // Форум молодых ученых. – 2019. - №3(31). – С.690-697.

Эмоциональное выгорание у студентов: связь с факторной структурой киберлафинга

Ванин Ф.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бойкина Е.Э.

Проблема эмоционального выгорания в студенческой среде сохраняет свою актуальность на протяжении длительного времени. Из-за наличия большого количества исследований, а также мнений на тему выгорания, информации недостаточно для того, чтобы учёные смогли прийти к единому мнению о природе возникновения, формировании и профилактике эмоционального выгорания.

Некоторые авторы, а именно Н.Е. Водопьянова и Е.С. Старченкова, считают выгорание неким итогом достаточно продолжительных, эмоционально интенсивных и непростых межличностных взаимодействий, вызывающих комплекс отрицательных психологических переживаний. По их мнению, выгорание является следствием стрессов, возникающих в результате долговременных коммуникаций с другими людьми (Водопьянова Н.Е., 2008).

В науке используется специальный термин «киберлафинг» для обозначения использования технических устройств (чаще всего с доступом к интернету) в личных целях во время учебы или работы. Это особая форма ухода от скучной работы или вариант прокрастинации, осуществляемый за счет использования информационных технологий (Сиврикова Н.В., 2023).

В исследованиях киберлафинга больше внимания уделяется причинам использования цифровых устройств на уроке. Е. Ergun и А. Altun выделяют следующие причины кибер-злоупотреблений на уроке: мотивация, личность учителя, окружающая среда и время. Другие авторы добавляют к этому списку содержания курса, личность учащегося и владение информационными технологиями (Ergün E., & Altun, 2018). При изучении личностных предикторов киберлафинга учащихся было установлено, что на данный вид поведения на уроке влияют психосоциальные представления, установки и стратегии обучения. Среди факторов окружающей среды, связанных с уровнем киберлафинга обучающихся, называются: степень обучения, семейный доход и место жительства.

Термин «киберлафинг» в последние годы приобрёл особую популярность в научных кругах психологов. Разноплановый характер термина объясняется его всеобъемлющей структурой. Закономерность возникновения обсуждаемого термина определяется нарастающей цифровизацией нашего мира, что обуславливается ростом числа гаджетов, которые могут быть использованы как по своему прямому назначению, так и для непродуктивного времяпрепровождения.

Цель – изучить существенные различия эмоционального выгорания в связи с киберлафингом в студенческой среде.

Задачи:

- Исследовать существенные различия между фазой эмоционального выгорания и уровнем шкал киберлафинга у студентов;
- Определить уровень киберлафинга у студентов на разных фазах эмоционального выгорания;
- Исследовать использование киберлафинга в зависимости от пола испытуемого.

Основная гипотеза исследования заключается в предположении о том, что существуют связь между уровнем шкал киберлафинга у студентов и фазами эмоционального выгорания.

Характеристика материала исследования. Выборку составили 32 респондента. Из них 15 человек – учащиеся 1 и 2 курсов МАДК в возрасте от 16 до 20 лет и 17 человек – учащиеся от 1 до 5 курсов МГППУ в возрасте от 18 до 25 лет.

Комплекс методик исследования:

- Диагностика уровня эмоционального выгорания (Бойко В.В., 1999);
- Шкала киберлафинга (Сиврикова Н.В., 2023).

Киберлафинг также является феноменом, который преследует современного человека по пятам. Ввиду того факта, что люди работают, учатся, существуют с гаджетами, прокрастинация в сети уже ни для кого не является чем-то странным или необычным, а, напротив, это реальность, в которой живёт каждый, у кого есть смартфон, компьютер или планшет. Как отмечала Н.В. Сиврикова в своей статье: “Интенсивное развитие цифровых технологий, их особая роль в жизни современного человека и повсеместное внедрение в систему обучения объясняют рост интереса детей к использованию цифровых технологий, а педагогов – к оценке не только преимуществ, но и рисков их применения в образовании” (Сиврикова Н.В., 2023).

Говоря о результатах, отметим, что были обнаружены значимые различия в группах респондентов, распределённых по ведущей (первичной) фазе эмоционального выгорания относительно используемого стиля киберлафинга. Это может говорить о наличии связи между феноменом киберлафинга и эмоциональным выгоранием.

Определён уровень киберлафинга на различных стадиях эмоционального выгорания. Существенные различия вышеописанных явлений выявляется в контексте выраженного уровня эмоционального выгорания. Наблюдаемые низкие уровни эмоционального выгорания не являются значимыми различиями по сравнению с уровнем киберлафинга.

Были обнаружены интересные тенденции в использовании киберлафинга в зависимости от уровня и фазы эмоционального выгорания, а именно: тенденция к склонности к использованию таких стилей киберлафинга как «Общение» (общение в сети интернет), «Соцсети» (использование соцсетей с целью прокрастинации) в зависимости от уровня эмоционального выгорания.

Также нами выявлены различия в склонности к поведению внутри сети и уровню эмоционального выгорания (в контексте его компонентов) относительно гендерного признака (пола участника). Так, у женской выборки были выявлены различия относительно мужской по 3-м шкалам: «общение» (киберлафинг), «соцсети» (киберлафинг), «удовлетворённость собой» (эмоциональное выгорание).

Можно говорить о том, что использование киберлафинга более выражено на сформированной стадии эмоционального выгорания.

Литература

1. Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. – СПб.: Сударыня, 1999. – 28 с.
2. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. – СПб.: Питер, 2008. – 363 с.
3. Сиврикова Н.В., Пташко Т.Г., Перебейнос А.Е. Смартфон на парте: исследование особенностей киберлафинга у школьников и студентов // Психологическая наука и образование. 2023. – Том 28. – № 4. – С. 52-62. – doi: 10.17759/pse.2023280403.
4. Ergün E., & Altun A. Knowledge Sharing Self-Efficacy, Motivation and Sense of Community as Predictors of Knowledge Receiving and Giving Behaviors // Educational technology theory and practice. Eğitim Teknolojisi Kuram ve Uygulama. – 2018. – Vol. 21. – №3. – P. 60-73.

Особенности проявления перфекционизма и переживания чувства одиночества у взрослых с высоким и низким уровнем склонности к трудоголизму

Ведерникова П.О.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

В современном мире работа является неотъемлемой частью жизни человека. На работе человек развивается, приобретая новые полезные знания и навыки. Однако, как и любая форма аддикции, трудоголизм оказывает негативное воздействие на ментальное и физическое здоровье человека. Постоянные переработки, ощущение нарастающего внутреннего напряжения, сложности, возникающие во взаимоотношениях с другими людьми, неблагоприятно сказываются на человеке, его самооощении.

Трудоголизм является формой аддикции. Трудоголик – человек, чья потребность в работе стала настолько чрезмерной, что приводит к негативным последствиям для семьи и других видов деятельности (Белокопытова О.А., 2018).

С. Скотт и коллеги определили трудоголизм в двух аспектах: поведенческий аспект – работа носит преобладающий характер, когнитивный аспект – человек помешан на работе, не может думать о чем-либо другом (Барабанщикова В.В., 2015).

Пол Хьюитт предложил три подтипа перфекционизма: ориентированный на себя, социально предписанный и ориентированный на других. Работы П. Хьюитта подчеркивают важность понимания контекста и взаимосвязи между индивидуальными чертами личности и общественными ожиданиями.

Нами было проведено исследование, **цель** которого заключалась в выявлении и описании особенностей проявления перфекционизма и переживания чувства одиночества у взрослых со склонностью к трудоголизму.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что у взрослых с разным уровнем склонности к трудоголизму существуют различия в уровне перфекционизма и переживания чувства одиночества, а именно:

1. Чем выше уровень склонности к трудоголизму, тем выше показатели по шкале перфекционизма у взрослых.

2. Чем выше уровень склонности к трудоголизму, тем выше показатели по шкале одиночества у взрослых.

Характеристика материала исследования. Выборку эмпирической части исследования составили 90 человек в возрасте от 21 до 58 лет. Из них респондентов мужского пола 33 чел., респондентов женского пола 57 чел. Общий стаж работы варьируется от 6 мес. до 34 лет, стаж работы по образованию варьируется от 0 до 34 лет. По результатам методики «WART» выборка была разделена на 3 группы: контрольная группа – взрослые с низким уровнем склонности к трудоголизму – 30 человек. Респондентов мужского пола – 12 чел., женского пола – 18 чел. Группа сравнения 1 – взрослые со средним уровнем склонности к трудоголизму – 30 человек. Респондентов мужского пола – 6 чел., женского пола – 24 чел. Группа сравнения 2 – взрослые с высоким уровнем склонности к трудоголизму – 30 человек. Респондентов мужского пола – 15 чел., женского пола – 15 чел.

Методики исследования. В исследовании применялась авторская анкета с тематическими вопросами, направленная на сбор социально-демографической информации о респондентах, и следующие методики: голландская шкала трудовой зависимости «DUWAS» В. Шауфели (Ловаков А.В., 2016), Work Addiction Risk Test «WART» (Робинсон Б., 1999), многомерная шкала перфекционизма (адаптация И.И. Грачева, 2006), дифференциальный опросник переживания одиночества (Е.Н. Осин, Д.А. Леонтьев, 2013). Математический анализ данных производился в программе IBM SPSS Statistics 20. Применялся критерий Краскела-Уоллиса и коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Исследование было проведено в онлайн-формате с применением Google-формы, размещенной в различных группах социальной сети «ВКонтакте».

По результатам исследования было выявлено, что у взрослых с разным уровнем склонности к трудоголизму существуют различия в уровне перфекционизма и переживания чувства одиночества.

Чем выше уровень склонности к трудоголизму, тем выше показатели по шкале перфекционизма у взрослых. Мы предполагаем, что это может быть связано с нацеленностью трудоголиков на высокий результат, что побуждает их больше работать. При этом трудоголикам часто кажется, что общество предъявляет к ним завышенные требования, которым необходимо соответствовать, что вызывает возникновение чувства напряжения и стремление к лучшему результату.

Чем более высокие требования человек предъявляет к себе, тем выше уровень склонности к трудоголизму, что приводит к потребности контролировать все происходящие рабочие процессы.

Чем больше человек находит радости и ресурсов в уединении, тем меньше уровень склонности к трудоголизму. Человек, который умеет находиться с собой наедине, использует время продуктивно и менее подвержен трудоголизму. Мы считаем, что это может быть связано с тем, что у трудоголиков намного меньше свободного времени из-за присутствия навязчивых мыслей о работе, которые способствуют нарастанию внутреннего напряжения, следовательно, возникает сложность с расслаблением и отдыхом. Таким образом, радость в уединении найти сложнее.

Таким образом, нами были выявлены и описаны особенности поведения у взрослых с выраженной склонностью к трудоголизму: отсутствие значимых связей с окружающими людьми, неспособность отдыхать, потребность в контроле рабочих процессов, ощущение, что окружающие люди или общество предъявляют высокие требования к человеку, которым необходимо соответствовать, отсутствие способности находить радость в уединении и продуктивно использовать время, проведенное в одиночестве.

Также нами были выявлены определенные особенности поведения людей, не склонных к трудоголизму: преобладание позитивного отношения к одиночеству, время, проведенное наедине с собой, продуктивно и направлено на саморазвитие, соблюдение баланса между отдыхом и работой. Работа является лишь одной из частей жизни человека, а не преобладающей.

В результате проведенного исследования были описаны особенности проявления перфекционизма, а также особенности переживания чувства одиночества у людей с низким и высоким уровнем склонности к трудоголизму. Таким образом, полученные данные в дальнейшем могут быть использованы для составления психокоррекционных и профилактических программ с целью предотвращения дальнейшего развития склонности к трудоголизму и сопутствующего

ему профессионального выгорания, что так же негативно сказывается на жизни человека.

Литература

1. Барабанщикова В.В., Климова О.А. Представления о вовлеченности в работу и трудоголизме в современных психологических исследованиях // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 1. – С. 52-60.
2. Белокопытова О.А., Макарова И.А. Трудоголизм как аддикция современного общества // Забайкальские социологические чтения. Социальные процессы: вызовы и пути решения: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции, Чита, 15–16 ноября 2018 года / Ответственный редактор А. А. Русанова. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2018. – С. 93-96.
3. Грачева И.И. Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта // Психологический журнал. – 2006. – Т. 27. – № 6. – С. 73-80.
4. Ловаков А.В. Психометрический анализ русскоязычной версии Голландской шкалы трудовой зависимости (DUWAS) [Электронный ресурс] // Организационная психология. – 2016. – Том 6. – № 3. – С. 22-37. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihometricheskiy-analiz-russkoyazychnoy-versii-gollandskoy-shkaly-trudovoy-zavisimosti-duwas> (дата обращения : 20.04.2024).
5. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Том 10. – № 1. – С. 55-81.
6. Robinson В.Е. The Work Addiction Risk Test: Development of a tentative measure of workaholism // Perceptual and Motor Skills. – 1999. – Vol. 88. – P. 199-210.

Особенности саморегуляции и копинг-поведения у юношей и молодых взрослых с проблемным использованием интернета

Власова А.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Проблема саморегуляции и копинг-поведения у лиц с проблемным использованием интернета все активнее обсуждается отечественными и зарубежными

авторами. Наиболее актуально рассмотрение этой проблемы в юношестве и ранней взрослости ввиду особенностей протекания данных возрастных периодов. Особый интерес представляет рассмотрение вышеуказанных феноменов в контексте глобальной цифровизации, нельзя забывать и пандемию COVID-19, которая внесла свои коррективы в использование людьми интернет-среды, что отразилось на саморегуляции и копинг – поведении.

А.Ю. Маленова и А.А. Шаровский изучали особенности волевой регуляции поведения студентов-первокурсников. Авторами было проведено исследование, в котором приняли участие 86 юношей, средний возраст – 18 лет, были использованы опросники В.И. Моросановой, А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана. По результатам исследования был выявлен высокий уровень волевого контроля в обеих группах, о чем свидетельствуют высокие показатели по шкалам «настойчивость», «самообладание». Такие результаты исследователи объясняют тем, что наличие самообладания и настойчивости может стать ресурсом в контексте конкретной деятельности, однако выбор последней – где именно проявлять собственные волевые качества, остается за субъектом, будь то реальная деятельность индивида или игровая активность в сети. По методике «Стиль саморегуляции поведения» были выявлены низкие и средние значения по многим показателям в обеих группах. Авторы объясняют полученные результаты, опираясь на описание образа современного студента, которому присущи инфантильность и незрелость. Высокие показатели шкалы «моделирование» объясняются спецификой игрового пространства, а именно необходимостью моделирования ситуации, прогноза ее модификации с течением времени (Маленова А.Ю., 2015).

Д.С. Корниенко и Н.А. Рудновой было проведено исследование особенностей использования социальных сетей в контексте прокрастинации и саморегуляции. Выборку составили студенты и работающие люди в возрасте от 17 до 60 лет общей численностью 379 человек. Авторами было показано, что увлеченность социальными сетями связана и с прокрастинацией, и недостатком саморегуляции. Исследователи заключают: низкая саморегуляция выступает основой для прокрастинации, что в свою очередь приводит к интенсивному использованию социальных сетей и формирует зависимое от интернета поведение (Корниенко Д.С., 2018).

S. Li с коллегами занимались исследованием самоконтроля и интернет-зависимости, авторами был проведен метаанализ 83 исследований с 80681 участником подросткового и юношеского возраста. Была выявлена положительная связь между импульсивностью и интернет-зависимостью, и отрицательная связь между сдержанностью и зависимостью от сети. Более того, корреляция между показателями импульсивности и интернет-зависимости выше среди студентов, а между сдержанностью и зависимостью от сети связь выше среди студентов Во-

сточной Азии, чем среди студентов Западной Европы и Северной Америки (Li S., 2020).

Анализируя отечественные и зарубежные исследования, можно заключить, что существует отрицательная связь между саморегуляцией и склонностью к интернет-зависимости. Лица, склонные к интернет-зависимости отличаются эмоциональной неустойчивостью, неспособностью контролировать свою деятельность, такие люди выбирают либо легкие цели в деятельности, либо цели повышенной сложности, поскольку такая регуляторная особенность позволяет оправдать неудачи в случае недостижения цели.

Л.Н. Молчанова занималась исследованием копинг-механизмов студентов с разным уровнем интернет - зависимоного поведения. В исследовании приняли участие 112 студентов в возрасте от 17 до 20 лет, были использованы следующие методики: шкала интернет-зависимости С. Чена (в адаптации В.Л. Малыгина, К.А. Феклисова), диагностика копинг-стратегий Э. Хайма (в адаптации Л.И. Вассермана). Студенты, склонные к интернет - зависимоному поведению, чаще демонстрируют неадаптивные формы копинг-механизмов: «смирение», «агрессивность», «подавление эмоций», «самообвинение» и др. Из наиболее адаптивных стратегий совладания со стрессом у лиц, склонных к интернет-зависимости, можно выделить отвлечение и расслабление посредством еды, успокоительных средств, погружение в любимое занятие (Молчанова Л.Н., 2020).

А.А. Многомысловой было проведено исследование взаимосвязи копинг-стратегий и интернет-зависимости, в котором приняло участие 289 человек в возрасте от 18 до 38 лет. Методы исследования: «Шкала интернет-зависимости Чена» в адаптации В.Л. Малыгина, К.А. Феклисова, методика «Индикатор копинг-стратегий» Дж. Амирхана, в адаптации Н.А. Сироты и В.М. Ялтонского. По результатам проведенного исследования была выявлена отрицательная связь между показателями по шкалам «Разрешение проблем», «Избегание проблем» и показателем интернет-зависимости. Лица со склонностью к интернет-зависимости склонны избегать действий, направленных на разрешение проблем, уходить в виртуальную реальность, чтобы справиться со стрессом (Многомылова А.А., 2020).

Р.С. Lin с коллегами занимались изучением стратегий преодоления трудностей у лиц с игровой зависимостью. Лица с игровой зависимостью имели более высокие показатели дисфункционального преодоления стресса, а также более низкий уровень проблемно-ориентированного преодоления трудностей. Респонденты с низкой устойчивостью к стрессу характеризуются более высокими показателями восприятия депрессии и совладанием с ней посредством игр, а также низкими показателями совладания, ориентированными на проблемы и эмоции (Lin P.C., 2021).

Таким образом, вышеописанные исследования показывают существующую положительную связь между уровнем интернет-увлеченности и использованием неадаптивных копинг-стратегий. Лицам, склонным к проблемному использованию сети, в большей степени характерно использовать стратегии избегания проблем, отрицания и поведенческого отстранения. Исследуемые с игровой зависимостью имели более высокие показатели дисфункционального преодоления стресса, а также более низкий уровень проблемно-ориентированного преодоления трудностей.

Литература

1. Корниенко Д.С., Руднова Н.А. Особенности использования социальных сетей в связи с прокрастинацией и саморегуляцией // Психологические исследования. – 2018. – Том 11. – № 59. – С. 9.
2. Маленова А.Ю. Особенности волевой саморегуляции и уровень интернет-аддикции первокурсников, увлеченных онлайн-играми // Психологическое, физическое, информационное насилие и пути его преодоления в современном обществе: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: Омск, 01–02 октября 2015 г. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2015. – С. 96-102.
3. Многосмылова А.А. Взаимосвязь копинг-стратегий и интернет-зависимости человека // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Том 8. – № 1. – С. 1-9.
4. Молчанова Л.Н. Индивидуальные копинг-механизмы у студентов с разным уровнем интернет-зависимого поведения // Региональный вестник. – 2020. – № 12(51). – С. 50-52.
5. Coping, Resilience, and Perceived Stress in Individuals with Internet Gaming Disorder in Taiwan / P.C. Lin, J.Y. Yen, H.C. Lin, W.P. Chou // Int J Environ Res Public Health. – 2021. – Vol. 18(4). – P. 1771.
6. The Relationship Between SelfControl and Internet Addiction Among Students: A Meta-Analysis. / S. Li, P. Ren, M.M. Chiu, C. Wang, H. Lei // Front. Psychol. – 2020. – Vol. 12. – doi:10.3389/fpsyg.2021.735755.

Особенности психологического благополучия и жизнестойкости у юношей и молодых взрослых со склонностью к думскроллингу

Выродова А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Юношество и молодая взрослость являются важными этапами в развитии человека. В течение данного периода времени происходит окончательная сепарация от родительской семьи, профессиональное самоопределение, начало профессиональной деятельности, поиск партнера и создание семьи.

Говоря о возрастных границах юношества и молодой взрослости, следует отметить, что данные возраста имеют, скорее, социальные, чем биологические границы. Д.А. Донцовым юношеский период описывается как время, посвященное подготовке к принятию новых социальных ролей: выбор дальнейшего жизненного пути, профессиональное обучение, создание семьи, расширение границ ответственности. Исследователь выделяет раннюю юность (16-17 лет), собственно юность (17-20 лет) и позднюю юность (20-21 год). В качестве ведущей деятельности юношества определяется учебно-профессиональная.

В зарубежных концепциях также уделяется значительное внимание исследованию юношеского возраста. К. Левин отмечает, что юношеский этап развития характеризуется маргинальностью положения молодого человека, занимающего промежуточное положение между ребенком и взрослым. С одной стороны, происходит расширение социальных связей, жизненного пространства, круга авторитетных для юноши лиц, с другой стороны, отсутствие принадлежности к детской и взрослой группам являются источником напряженности, конфликтности, повышения агрессивности, застенчивости и неопределенности уровня притязаний (Божович Л.И., 1968).

Период взрослости также не имеет четких общепризнанных границ. Однако можно заметить, что внутри данного возраста выделяются следующие: ранняя взрослость (20-30 лет); средняя взрослость (31-60 лет); поздняя взрослость (61-75 лет).

Основным содержанием деятельности в течение периода взрослости является профессиональная деятельность. В процессе выполнения трудовых обязанностей наиболее полно раскрываются способности человека, устанавливаются и поддерживаются межличностные контакты. На данном этапе развития достигаются принятие себя и других, формируются крупномасштабные цели, открытость, честность и искренность взаимоотношений, нацеленность и на достиже-

ние результата, и на поддержание теплых взаимоотношений, полное осознание и принятие внешних регуляторов поведения (Порхачева Л.В., 2008).

Психологическое благополучие молодых взрослых имеет связи со сформированностью временной перспективы, а также – степенью развитости и модальностью межпоколенческих взаимоотношений. Так, можно отметить, что готовность молодого человека к межпоколенческим внесемейным контактам является одним из факторов, расширяющих временную перспективу и способствующих более позитивной оценке своего прошлого, настоящего и будущего. Данная особенность оказывает влияние также на повышение уровня психологического благополучия (Стрижицкая О.Ю., Петраш М.Д., 2022).

Также можно рассмотреть связь аддиктивного Интернет-поведения и особенностей психологического благополучия и жизнестойкости у лиц разных возрастов. Интернет-аддикты возраста молодой взрослости, как правило, обладают более низким уровнем психологического благополучия. Высокий уровень психологического благополучия, как отмечается, выступает в роли защитного фактора при оценке риска развития Интернет-аддикции (Холмогорова А.Б., Герасимова А.А., 2019). Для аддиктов значимы оценки других людей, ответственность за принимаемые решения и предпринимаемые действия возлагается на третьих лиц, чувство контроля и способность к самоорганизации снижены. Интернет-аддикты имеют меньше жизненных целей и определяющих их перспектив и убеждений, недовольны собой и своим прошлым, сфокусированы на получении удовольствия в настоящем. Интернет-аддикты в меньшей степени открыты новому опыту и добросовестны, чем люди, не склонные к Интернет-аддикции, обладают менее развитыми способностями к вербализации своего внешнего и внутреннего опыта, менее способны к принятию данного опыта. Для Интернет-аддиктов характерно ощущение подавленности, отвергнутости и исключенности из жизни, меньше выражено принятие риска (Орестова В.Р., Филиппова О.С., 2022). Интернет-аддикты в меньшей степени удовлетворены отношениями с окружающими, более конформны, испытывают ощущение скуки, связанное с их повседневной жизнью, напряжение и потребность в уединении, контроль над эмоциями также снижен. Похожие особенности субъективного благополучия можно отметить и у лиц юношеского возраста. Так, у юношей с Интернет-аддикцией чаще наблюдаются тенденции к депрессивным состояниям, чем у юношей, не имеющих Интернет-аддикции. Также отмечаются неустойчивость настроения, чувство отвергнутости, неопределенности и неуверенности. Данное состояние может преодолеваться как путем усиления агрессивных тенденций, так и путем дальнейшего ухода в себя и отстранения от взаимодействия с другими людьми. Для людей, имеющих склонность к думскроллингу, в частности, также характерен низкий уровень психологического благополучия. Одним из специфических призна-

ков думскроллинга является навязчивый страх пропустить важную информацию, который отрицательно коррелирует с психологическим благополучием личности (Максименко А.А. и др., 2022). При этом также можно отметить, что, чем большая склонность к проблемному новостному потреблению наблюдается, тем более низок уровень психологического благополучия (McLaughlin, B., Gotlieb R. M., Mills J.D., 2023).

Таким образом, можно заметить, что наличие Интернет-аддикции негативным образом отражается на психологическом благополучии и жизнестойкости как юношей, так и молодых взрослых. Отсутствие веры в контроль над своей жизнью и попыток решать проблемные ситуации, рост агрессивных тенденций либо тенденций к самоизоляции, переживание своей отвергнутости и ненужности, как правило, наблюдаются у Интернет-аддиктов.

Литература

1. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968. – С. 98-103.
2. Максименко А.А., Дайнеко О.С., Мортикова И.А. Инфодемический думскроллинг и психологическое благополучие россиян. // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. – № 12. – С. 129-136. – URL: <https://doi.org/10.24158/spp.2022.12.20>. (дата обращения: 27.04.24).
3. Орестова В.Р., Филиппова О.С. Различия психологических характеристик людей с проблемным и адаптивным использованием сети интернет // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2022. – №1. С. 119-133. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichiya-psihologicheskikh-harakteristik-lyudey-s-problemnym-i-adaptivnym-ispolzovaniem-seti-internet> (дата обращения: 11.04.2024).
4. Порхачева Л. В., Джус К.Я. Основные направления развития личности в период ранней взрослости // СибСкрипт. 2008. №3. – С. 51-53. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-razvitiya-lichnosti-v-period-ranney-vzroslosti> (дата обращения: 01.04.2024).
5. Стрижицкая О.Ю., Петраш М.Д. Межпоколенные отношения как фактор психологического благополучия студентов: опосредующая роль временной перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2022. – Том 12. – Вып. 4. – С. 472-486.
6. Холмогорова А.Б., Герасимова А.А. Психологические факторы проблемного использования Интернета у девушек подросткового и юношеского возраста // Консультативная психология и психотерапия. – 2019. – Том 27. – № 3. – С. 138 -155. – doi:10.17759/cpp.2019270309.
7. McLaughlin B., Gotlieb R. M., Mills J.D. Dangerous World: Problematic News

Особенности межличностных отношений у молодых взрослых со склонностью к фаббинг-поведению

Давыдкина М.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

По данным отчетов We are social (на январь 2023 г.) количество пользователей смартфонов во всем мире составило 5,44 миллиарда человек, что составляет 68 % от общей численности населения планеты. При этом в настоящее время в мире насчитывается 4,76 миллиарда человек, являющихся активными пользователями социальных сетей (около 60% от общей численности населения планеты). Виртуальное общение в социальных сетях реально стало заменять живое общение, не учитывая его важности и ценности в обществе. Согласно данным исследовательского центра Pew Research Center, около половины респондентов в возрасте от 18 до 29 лет используют свои гаджеты в присутствии других людей с целью избежать общения лицом к лицу (Бойкина Е.Э., 2022). В частности, концепция “фаббинга”, определяемая как пренебрежение близкими отношениями в пользу цифровых устройств, по-видимому, имеет негативные последствия для общения между партнерами, пагубно влияя на удовлетворенность отношениями и жизнью в целом. По мнению М. Дэвид и Д. Робертс, проявления фаббинга по отношению к близкому социальному окружению может являться причиной социальной изоляции личности в случаях, если близкие не интересуются увлечениями друг друга.

Отсутствие разработанности проблемы фаббинга является причиной того, что на данный момент не найдены эффективные средства и методы коррекции проявлений фаббинг-поведения в межличностном взаимодействии, также не до конца изучены факторы, провоцирующего его (Chotpitayasunondh V., 2016).

Нами проведено исследование, **целью** которого является выявление и описание особенностей межличностных отношений у молодых взрослых со склонностью к фаббинг-поведению.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что у молодых взрослых с разным уровнем склонности к фаббинг-поведению существуют различия в межличностных отношениях, а именно:

1. Чем выше уровень склонности к фаббинг-поведению, тем ниже показатели по шкале субъективной оценки межличностных отношений у молодых взрослых.

2. Чем выше уровень склонности к фаббинг-поведению, тем выше показатели по шкале субъективного переживания одиночества у молодых взрослых.

Характеристика материала исследования (выборка). Участие в исследовании являлось добровольным, проводилось в онлайн-формате. В целях привлечения респондентов нами были размещены посты-приглашения к участию в исследовании в тематических пабликах социальной сети «ВКонтакте». В исследовании приняли участие 93 человека (19 мужчин и 74 женщины) в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст респондентов – 21,6 лет) из различных городов России. Все респонденты являются активными пользователями современных гаджетов и устройств.

По результатам методики «Шкала фаббинга Карадага» в адаптации О.А. Екимчик и Т. Л. Крюковой выборка исследования была разделена на 3 группы. Контрольная группа «К», в данную группу вошли молодые взрослые, не склонные к фаббингу – 31 человек (11 мужчин и 20 женщин). Группа сравнения «С1», в данную группу вошли молодые взрослые со средним уровнем склонности к фаббингу – 31 человек (5 мужчин и 26 женщин). Группа сравнения «С2», в данную группу вошли молодые взрослые с высоким уровнем склонности к фаббингу – 31 человек (3 мужчины и 28 женщин).

Методики исследования. В рамках исследования была разработана авторская анкета, содержащая в себе общие демографические вопросы об участниках исследования (пол, возраст, место жительства, образование и т. д.), а также были заданы специальные вопросы, касающиеся темы фаббинга и межличностных отношений. Методики: «Шкала фаббинга Карадага», адаптация О.А. Екимчик и Т. Л. Крюковой (О.А. Екимчик, Т.Л. Крюкова, 2022), «Шкала партнерского фаббинга Робертса», адаптация О.А. Екимчик и Т. Л. Крюковой (О.А. Екимчик, Т.Л. Крюкова, 2022), методика «Субъективная оценка межличностных отношений» С. В. Духновского (Духновский С.В., 2014), «Шкала субъективного переживания одиночества» (СПО) С.В. Духновского (Духновский С.В., 2014). Для анализа данных были использованы методы математической статистики: критерий Краскелла-Уоллиса; коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

По результатам исследования было выявлено, что у молодых взрослых с разным уровнем склонности к фаббинг-поведению существуют различия в особенностях межличностных отношений.

Была выявлена прямая значимая связь между показателями склонности к фаббинг-поведению и оценкой дисгармоничности отношений ($r = 0,314$). Чем выше уровень склонности к фаббинг-поведению, тем более дисгармоничными являются отношения с окружением (возникает недовольство отношениями, как следствие партнёры могут отдаваться друг от друга, проявлять негативные реакции, отношения носят нестабильный характер). Нами было выявлена следующая связь: дисгармоничные отношения со сложными коммуникациями характеризуются проявлением напряженности, необходимости дистанцироваться от партнера, наличием противоречий и конфликтов, стремлением контролировать и властвовать во взаимоотношениях. Частая отвлекаемость на гаджет во время общения также негативно сказывается на качестве общения и может вызывать неприятные чувства у собеседника.

Проявление фаббинга начинает вызывать беспокойство из-за отсутствия зрительного контакта и невербальной коммуникации, необходимой при общении, так как это является одним из сигналов о заинтересованности и включенности партнера в процесс общения.

Таким образом, для выстраивания гармоничных отношений необходимо проявление заинтересованности и внимательности по отношению к собеседнику, ориентация на поиск компромиссов, проявление равнодушия и готовности к контролю собственных негативных эмоций, а также контроль за временем, проводимом в гаджете при личном общении.

Была найдена прямая значимая связь между показателями фаббинга и общим уровнем переживания одиночества ($r = 0,319$). С повышением склонности к фаббингу увеличивается чувство переживания одиночества, это может быть связано с тем, что человек не чувствует близости во взаимоотношениях, беспокоится о своих негативных поступках и стремится отвлечься от негативных мыслей посредством отвлечения на телефон или иной гаджет. Сложности во взаимоотношениях побуждают отвлекаться от общения, избегать проблему и отдавать предпочтение гаджетам, как следствие человек чувствует себя не важным для партнера по общению.

Наша работа позволяет сделать **вывод** о том, что люди с выраженной склонностью к фаббинг-поведению менее удовлетворены качеством межличностных взаимоотношений с близкими, в отношениях возникают такие трудности, как конфликтность, агрессивность, повышенная напряжённость и отчуждённость. Таким образом, перспективы развития темы включают в себя дальнейшие исследования, направленные на уточнение предикторов фаббинг-поведения и его влияния на психологическое здоровье и общественную жизнь современной молодежи в России.

Литература

1. Бойкина Е.Э. Современные лики социального ostracism: гостинг, орбитинг, фаббинг, культура отмены [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. – 2022. – Том 11. – № 2. – С. 131-140. – doi: 10.17759/jmfp.2022110212.
2. Духновский С.В. Межличностные отношения субъектов образовательного процесса и их комплексная диагностика // Вестник практической психологии образования. – 2014. – № 3 (40). – С. 90-97.
3. Екимчик О.А., Крюкова Т.Л. Адаптация методик измерения фаббинга в близких отношениях: шкала фаббинга Карадага и шкала партнерского фаббинга Робертса // Консультативная психология и психотерапия. – 2022. – Том 30. – № 3. – С. 112-128. – doi: 10.17759/cpp.2022300307.
4. Chotpitayasunondh V., Douglas K.M. How «phubbing» becomes the norm: The antecedents and consequences of snubbing via smartphone // Computers in Human Behavior. – 2016. – Vol. 63. – P. 9-18.

Факторы риска становления личности сексуального преступника

Деева А.Р.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России за январь-декабрь 2023 года выявлен рост тяжких и особо тяжких преступлений – с 27,3% в январе-декабре 2022 года до 30,3%. На 2,8% увеличилось количество нераскрытых случаев упомянутой выше категории. Из них 234 – убийства и покушения на убийство (в том числе совершенные по сексуальным мотивам). Это говорит о сохранении напряженной криминогенной обстановки на территории Российской Федерации.

Актуальность проблемы способствует развитию и систематизации научных представлений о предикторах и индикаторах криминогенного поведения сексуальных преступников, обусловленного мотивационными, психопатологическими и психологическими индивидуально-личностными особенностями и находит свое отражение в работах как отечественных, так и зарубежных ученых (Ю.М. Антонян, А.И. Анфиногенов, А.О. Бухановский, В.В. Гульдман, Н.В. Дворянчиков, Л.П. Конышева, О.А. Логунова, Ф.С. Сафуанов, О.Д. Ситковская, А.

Burgess, J. Douglas, S. Harbort, E. Hickey, R. Kocsis, J. Proulx, R. Ressler, D. Rossmo, G. Salfati и др.).

Наиболее унифицированной, всеобъемлющей и содержательной представляется типология серийных сексуальных убийц О.Д. Ситковской и Л.П. Коньшевой, дополненная О.А. Логуновой, Л.Ю. Демидовой, Н.В. Дворянчиковым в рамках понимания развития «криминальной агрессии каждого конкретного преступника от этапа формирования криминогенных личностных предпосылок до этапа их реализации в преступном поведении» (Логунова О.А., 2018):

- **«Ситуативники»** отличаются отягощенной наследственностью, расстройствами, вызванными употреблением ПАВ, поражениями ЦНС органического генеза. Определяющими социальными факторами выступают трудности в общении со сверстниками, отвержение с их стороны, эмоциональная холодность матери, гипоопека. Это влечет за собой повышенную агрессивность, конфликтность, сложности в установлении адекватных межличностных отношений в учебной и профессиональной деятельности, злоупотребление алкоголем, социальный паразитизм. Деадаптивность субъекта во многих сферах жизни, большое количество конфликтных ситуаций, которые воспринимаются как психологически травмирующие, способствуют формированию агрессивного преступного поведения, мотивированного желанием отомстить жертве за несостоятельность в жизни вообще и в сексуальной сфере в частности. Причинение смерти, как правило, носит спонтанный, аффектогенный характер, не отличается осторожностью и может происходить при свидетелях.

- Убийство не является целью **«силови́ков»**. Они движимы желанием властвовать над своей жертвой, самоутверждаться, проявлять сексуальный контроль. Их кредо – эгоцентризм, удовлетворение своих потребностей. Причинами нападения могут выступать как сексуальная привлекательность потенциальной жертвы, так и материальное и/или социальное благополучие. Желание причинить боль при половом контакте, физическое принуждение к коитусу, чрезмерные сексуальные требования, ненависть к женскому полу и стремление к превосходству в референтной группе – дискриминирующие показатели для преступников данного типа, совершающих убийства. Им также свойственно удержание жертвы в течение некоторого времени для осуществления многократных половых актов и похищение ценностей для дальнейшей перепродажи.

- Такие биологические факторы, как поражение ЦНС, эндокринные заболевания, энкопрез, энурез, как правило, характерны для **«сексуальных маньяков»**. Им также присущи аномалии полового влечения, личностные расстройства, низкий уровень потенции, сопутствующий отсутствию влечения к женщинам, гетеросексуальная дезадаптация и позднее начало половой жизни. У преступников этого типа больше всего жертв и наиболее длительная «карьера», что

объясняется умением тщательно планировать свою криминальную деятельность и кажущейся на первый взгляд социальной адаптацией: наличие качественного образования, хорошая работа, разносторонние увлечения – все это позволяет устанавливать с жертвой близкие и доверительные отношения. Цель убийства – удовлетворение сексуальных фантазий. Жертвы чаще всего подвергаются жестокому насилию, мучениям, пыткам и некрасивым действиям, т.к. субъект способен возбудиться и получить сексуальное удовлетворение лишь наблюдая за предсмертной агонией или при виде трупа и манипуляций с ним. Причинение смерти обычно предваряет половой акт, или же он может вообще отсутствовать, будучи замещенным мастурбацией. «Сексуальные маньяки», как правило, возвращаются на места преступлений, фиксируют свои действия с помощью фото-, видеоаппаратуры, дневников, записей и рассказов, забирают в качестве трофеев части тел и/или вещи жертв для последующего неоднократного переживания совершенного деликта.

Подводя итог проведенному теоретическому анализу научных работ, следует сделать несколько выводов:

- Развитие криминальной агрессии сексуальных преступников детерминировано рядом определенных индивидуально-психологических факторов, среди которых: патологические нарушения сферы сексуальных влечений, связанные с повреждениями головного мозга органического генеза; потеря контроля над агрессивными и сексуальными влечениями в связи с выраженными дефектами ценностных, эмоциональных, интеллектуальных, социально-ролевых и коммуникативных личностных структур; пограничная психическая патология, приводящая к дисбалансу черт личности.

- Специфика образования мотива и дальнейший механизм реализации сексуальной агрессии у виновных в совершении насильственного деликта опосредованы влиянием конкретного криминогенного личностного фактора или их совокупности.

- Преобладание определенного криминогенного личностного фактора в процессе развития и проявления сексуальной агрессии также находит свое отражение в индивидуально-психологических свойствах: личности правонарушителя (био психических характеристиках, особенностях межличностных сексуальных отношений и сексуального развития, сфере влечений), поведении в докриминальном (наличии сексуальных перверсий и/или девиаций) и криминальном (сценарии нападения, степени его организованности и продолжительности, способах сокрытия улик и места преступления, виктимологии, установлении контакта с жертвой, почерке, манипуляциях с трупом и т.д.) периодах.

- Некоторые типы серийных сексуальных убийц в докриминальный и криминальный периоды демонстрируют определенные признаки-маркеры, сфор-

мировавшиеся в процессе жизнедеятельности под влиянием криминогенных личностных факторов, с большой долей вероятности, указывающие на их принадлежность к конкретной группе.

Дальнейший научный поиск должен быть направлен на: более детальное изучение биологических, психологических, микро- и макросоциальных факторов, детерминирующих криминальную агрессию сексуальных преступников; внедрение полученных результатов в практическую деятельность правоохранительных органов посредством улучшения метода психологического портретирования; выявление слабых сторон в теоретических и прикладных методах поиска виновных в деликтах сексуального характера и их последующее нивелирование.

Литература

1. Логунова О.А. Психологические особенности личности и поведения различных типов серийных сексуальных убийц: дис ... канд. психол. наук: М., 2018. – 256 с.
2. Логунова О.А., Демидова Л.Ю., Дворянчиков Н.В. Типологические особенности личности и поведения серийных сексуальных убийц [Электронный ресурс] //Психологическая наука и образование psyedu.ru. – 2012. – Том 4. – №2. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2012_n2/53494 (дата обращения: 24.04.2024).
3. Ситковская О.Д., Конышева Л.П. Участие психолога в раскрытии и расследовании убийств. Научно-методическое руководство. – М., 2002. – 106 с.
4. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2023. – 63 с.

Особенности альтруизма у несовершеннолетних со склонностью к виктимному поведению

Денисенко А.П.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

В настоящее время растет значимость изучения виктимного поведения несовершеннолетних, так как именно данная возрастная группа подвержена комплексу виктимности (Сычев К.Д., 2015). Альтруизм как социально одобряемый принцип занимает особое место в личностном развитии подростка (Мангутова

И.В., 2007), а также включает в себя акт жертвы своими интересами во благо другого, что представляет особый интерес в контексте изучения виктимности. В совокупности взаимосвязь альтруизма и виктимного поведения у несовершеннолетних не изучена.

Цель нашего исследования заключается в выявлении и описании особенностей альтруизма у несовершеннолетних со склонностью к виктимному поведению в сравнении с несовершеннолетними, не склонными к виктимному поведению.

Гипотезой нашего исследования послужило предположение о том, что можно выявить и описать наличие связи альтруизма и склонностью к виктимному поведению у несовершеннолетних.

Методами и методиками нашего исследования являются: авторская демографическая анкета; методика измерения альтруистических установок (М.И. Ясин); методика исследования склонности к виктимному поведению (О.О. Андронникова); тест исследования склонности к риску (А.Г. Шмелев); индивидуально-типологический опросник (Л.Н. Собчик); описательная статистика, непараметрический критерий U-критерий Манна-Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Выборку эмпирической части исследования после предварительного анализа данных составили 138 человек в возрасте от 15 до 18 лет (средний возраст - 16,5 лет). Из них мужчин 70 человек, женщин 68 человек. Все являются учащимися средних общеобразовательных учреждений.

С помощью непараметрического критерия U Манна-Уитни были установлены статистически значимые различия по шкалам “Альтруизм” и “Склонность к риску”: в группе несовершеннолетних с ярко выраженным альтруизмом и склонностью к виктимному поведению значимо ярче выражено желание и стремление помогать людям, приносить им пользу, активно включаться в ситуацию, в которой другой человек испытывает какие-то трудности, а также свойственно рискованное поведение, авантюризм, решительность.

С помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена было выявлено, что существует связь между альтруизмом, склонностью к риску и различными типами виктимного поведения у несовершеннолетних. Таким образом, юноши с ярко выраженными альтруистическими установками в большей степени склонны к риску, к гиперсоциальному виктимному поведению, самоповреждающему поведению, к зависимому и беспомощному поведению, а также у них отсутствует склонность к агрессивному виктимному поведению. Данная связь подтверждает нашу основную гипотезу.

Внутри группы несовершеннолетних с ярко выраженным альтруизмом и склонностью к виктимному поведению были выявлены следующие особенности:

общительность, открытость, повышенная тревожности, восприимчивость, эмоциональность, а также склонность к риску.

Внутри группы несовершеннолетних с невыраженным альтруизмом и склонностью к виктимному поведению были выявлены следующие особенности: упрямство, активная самореализация, склонность к агрессивному виктимному поведению, общительность, открытость и эмоциональная устойчивость.

Внутри группы несовершеннолетних с ярко выраженным альтруизмом и отсутствием склонности к виктимному поведению были выявлены следующие особенности: общительность, открытость, эмоциональность, восприимчивость и отсутствие склонности к агрессивности.

Также нами были выявлены индивидуально-типологические особенности несовершеннолетних, склонных к различным типам виктимного поведения. Таким образом:

1. Юноши, склонные к агрессивному виктимному поведению, также обладают следующими особенностями: эмоциональность, восприимчивость, эмоциональная неустойчивость, склонность к риску, упорство.

2. Юноши, склонные к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, также обладают следующими особенностями: открытость, общительность, восприимчивость, эмоциональность, рискованность.

3. Юноши, склонные к гиперсоциальному поведению, также обладают следующими особенностями: общительность, открытость, непродуманность в поступках, повышенная рискованность, отсутствие агрессивных черт и замкнутости в себе, эмоциональная неустойчивость, восприимчивость.

4. Юноши, склонные к зависимому беспомощному поведению, также обладают следующими особенностями: открытость, общительность, отсутствие агрессивных черт, повышенная восприимчивость и эмоциональность, а также рискованность.

5. Юноши, склонные к некритичному поведению, также обладают следующими особенностями: открытость, общительность, склонность к риску, авантюризм, упорство.

По результатам авторской анкеты, более 87% респондентов, при ответе на вопрос «Как Вы понимаете слово «альтруизм»?», указывали на акт жертвы в альтруистическом поступке, что может оказывать разрушительный эффект на самого альтруиста, который начинает жить по принципу «жизнь во благо другого»: «Я длительное время помогала друзьям, даже когда они этого не просили. Я буквально жила мыслью, что если им я не помогу, им никто не поможет, и тогда моя жизнь не будет иметь смысла. Спустя много лет я начала замечать, что все окружающие меня люди этим пользуются, а я изо дня в день переживаю весь спектр эмоций из-за проблем других, не думая совершенно о себе», «Альтруизм - по-

мощь другому или другим, когда человек жертвует всем, ради этой помощи», «Это бескорыстная, безвозмездная помощь, которая связана с жертвованием своих интересов, планов и желаний во благо другого», «Когда помогаешь человеку во вред себе» и др. Таким образом, мнение респондентов коррелирует с мнением многих исследователей альтруистического поведения (Казанцева Т.В., 2016; Кейсельман В.Р., 2010), а также с нашим авторским определением альтруизма: это принцип или правило, которое проявляется в бескорыстной готовности жертвовать в пользу других людей, а иногда и вопреки своим желаниям.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов специалистами системы образования и любых помогающих профессий, в разработке рекомендаций по профилактической и психолого-коррекционной работе с юношами, а также они могут лечь в основу последующих исследовательских гипотез.

Литература

1. Казанцева Т.В. Альтруизм: феномен и операционализация // Петербургский психологический журнал. – 2016. – №14. – С. 1-20.
2. Кейсельман В.Р. Альтруизм: так называемое добро. – Симферополь: Таврия, 2010. – 348 с.
3. Мангутова И.В. Психолого-педагогические условия развития альтруизма у детей старшего подросткового возраста: автореф. дис. ... канд. пед. наук – Нижний Новгород, 2007. – 26 с.
4. Сычев К.Д. Особенности проявления виктимного поведения у подростков: штрихи к российской практической психологии // Истоки и пути российской психологии (к 100-летию советской психологии). Материалы Молодежной секции I Международной научно-практической конференции. – М.: Перо, 2019. – С. 293-299.

Преследование (сталкинг): формы поведения, типологии, проблемы влияния средствами уголовного правосудия

Диденко Е.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Пимонов В.А.

Сталкинг все больше становится глобальной проблемой, которую невозможно игнорировать. Число стран Евросоюза, включивших сталкинг в качестве уголовного преступления в свое законодательство, за последние годы увеличи-

лось до 21 (Ортис-Мюллер В., Зипельмайер О., Фридланд И., 2019). Российские депутаты, в частности, Нилов Я., Даванков В., Авксентьева С. и Горячева К. стали чаще высказываться о необходимости ввести дополнительные запрещающие санкции за подобное деяние.

Современные правовые тенденции все больше уделяют внимания неприкосновенности частной жизни и свободам человека. Научные деятели, как зарубежные (например, Лоррейн Шеридан, Эми Э. Линдо, Джеймс Кэтсмайерс и др.), так и отечественные (И. А. Юрченко, А. В. Куликов и Е. А. Егорычева и др.) неоднократно затрагивали в своих работах данную проблему.

Цель нашего исследования заключается в систематизации знания о stalking в рамках криминологии и правовой психологии.

Исходя из данной цели, были выделены следующие задачи исследования:

1. Изучить литературу по теме stalking.
2. Рассмотреть типологию, причины и механизм преступного поведения stalking.
3. Проанализировать проблематику криминализации stalking.

В процессе теоретического исследования литературы по указанной теме, было выявлено, что нет устойчивого определения термина «stalking». Многие авторы сходятся на том, что данное слово заимствовано и в переводе с английского означает «преследовать», что точно раскрывает сущность этого деяния, но не помогает выделить его качественно.

Мартин Камлейтер и Гари Лакманн указывают, что в психиатрическом контексте этот термин описывает синдром, характеризующийся настойчивым стремлением контактировать против воли жертвы, пресловутым преследованием и угрозами (Камлейтер М., Лакманн Г., 2003). А из отечественных ученых А.М. Мясникова и Е.Г. Цуканова в своей научной работе, содержащей предложение внести изменения в УК РФ, дают следующую криминологическую характеристику данного термина: «Stalking – то есть умышленное неоднократное открытое преследование другого человека с целью понуждения к постоянному контакту лично и (или) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» (Цуканова Е. Г., Мясникова А.М., 2016).

Стоит отметить, что охватить в определении все характеристики подобного преступления невозможно, потому что нет их универсального набора. Stalking, как и многие другие правонарушения, имеет разновидности, состоящие из преступлений, включающих в себя несколько признаков преступного посяательства. К таким относятся: моббинг, харассмент, фанатство, порноместь и прочие преступления, направленные против личной неприкосновенности индивида (Юрченко И. А., 2018).

Невольные жертвы, также как и само преступление, не обладают набором определенных характеристик, обрекающих их на незавидную участь. Однако возможно отследить некоторые «предрасположенности» объектов преследования, заключающиеся в их социально-нравственных особенностях.

Сталкинг ставит жертву в уязвленное положение, что в свою очередь может нанести серьезный психологический вред. Данные, представленные консультативным центром «Стоп-Сталкинг» в Германии, демонстрируют всю серьезность возможных психологических последствий для объекта преследования. Среди них: обостренное чувство вины, повышенное переживание стресса, постоянные кошмары и проблемы со сном, а также риск развития посттравматического стрессового расстройства (Ортис-Мюллер В., Зипельмайер О., Фридланд И., 2019).

Углубляясь в типологию непосредственно самих преследователей, можно обнаружить классификацию на основе обобщения мотивов, которые преследуются сталкерами. Так, одной из целей подобного рода нарушителей является стремление к установлению отношений. Такие люди жаждут завоевать внимание и расположение. Вторую группу преследователей объединяет общая цель в виде стремления «воздать по заслугам». Обычно это просто отвергнутые люди, потерпевшие неудачу в своем любовном порыве, чем они были глубоко обижены. Третья категория сталкеров – «садисты». Все что им нужно, так это получить полную власть над своей жертвой.

Конечно, это далеко не исчерпывающий список классификации сталкеров. В различных источниках можно встретить описание М. Зоной, который выделяет 4 типа преследователей: 1) Простой навязчивый. К этому типу принадлежит преимущественное большинство преследователей. Как правило, это люди с различными зависимостями. 2) Одержимый любовью – представители этой группы убеждены, что на их чувства отвечают взаимностью, но жертва, в силу своей робости, не демонстрирует это. 3) Преследователи-эротоманы. Обычно у сталкеров этого типа выявляют первичный диагноз бредового расстройства эротоманского подтипа. 4) Преследователи с синдромом ложной виктимизации, которые ошибочно заявляют, что сами подвергаются навязчивым преследованиям. Более поздняя типология, относительно предыдущей, включала также в себя: 1) сталкеров – бывших супругов, 2) влюбленных преследователей, 3) преследователей на почве бредовых идей и уже упоминавшиеся ранее 4) преследователи-садисты.

Во всех странах стараются ввести правовые меры, позволяющие бороться со сталкингом. На основании Уголовного кодекса Российской Федерации жертва сталкинга может найти справедливость через длительные попытки привлечь преследователя по смежным статьям, затрагивающим механизм поведения сталкера, например, по ст. 111, 137, 167, 119 УК РФ. В России нет уголовного или адми-

нистративного наказания за stalking. До сих пор его не ввели по ряду причин, среди которых: сложность объективной оценки нанесенного морального вреда жертве, принцип невмешательства государства в частную жизнь, а также отсутствие эффективных мер по борьбе со stalkерами и др. (Куликов А. В., Егорычева Е. А., 2022).

Однако проблема криминализации stalking уже давно поднимается не только отечественными научными деятелями, но и политиками, что позволяет предполагать возможные нововведения в законы нашего государства относительно stalking. Пожалуй, стоит обратить внимание на предложение, озвученное Е.Г. Цукановой и А.М. Мясниковой, квалифицировать stalking как преступление против личности, закрепить за этим деянием статус противоправного деяния в уголовном и административном кодексах России, ввести меры, обеспечивающие безопасность жертвы преследования, а также средства предотвращения и профилактики таких преступлений (Цуканова Е. Г., Мясникова А.М., 2016).

Важно помнить, что, столкнувшись со stalkingом, как и с любым противоправным деянием, необходимо обладать базовой теоретической информацией, чтобы иметь возможность распознать это деяние как преступное, а также иметь возможность с ним справиться.

Литература

1. Куликов А. В., Егорычева Е. А. Проблемы и перспективы криминализации stalking в России // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2022. – № 3. – С. 29-35.
2. Цуканова Е. Г., Мясникова А.М. Криминализация stalking // Виктимология. – 2016. – № 3(9). – С. 53-56.
3. Kamleiter M., Laakmann G. Stalking-relevance for clinical practice and jurisdiction // Psychiatr Prax. – 2003. – 30(3). – P. 152-158. – doi: 10.1055/s-2003-38609.
4. Ortiz-Müller W., Siepelmeyer O. & Friedland I. Stalking – eine Herausforderung für Strafjustiz und Zivilgesellschaft // Public Health Forum. – 2019. – 27(1). – P. 27-29.

Исследование особенностей восприятия образа серийного преступника в контексте жанра “true crime”

Дуденкова Е.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

В последние годы наблюдается значительный рост популярности жанра "true crime" в современном информационном пространстве, а многообразие форм, в которых представлен данный контент, способствует его широкому распространению. Это жанр документалистики, средствами нон-фикшн литературы, кино, телевидения и иных медиа, исследующий истории реальных преступлений (Лабузная В.Ю., 2019) или рассказы о реальных уголовных делах, представленные в повествовательной форме (Durham III, A.M., Preston Elrod, H., Kinkade P.T., 1995). В этом контексте большое внимание уделяется историям о серийных преступниках, которые представлены как объекты особого интереса и изучения.

Различные форматы медиа могут оказывать значительное влияние на общественное сознание и восприятие различных явлений, включая преступность (Виноградова С.М., Мельник Г.С., 2009). В контексте научного изучения феномена “true crime” также имеет место быть проблема переоценки степени распространения серийных преступлений, которая становится особенно актуальной в свете растущего интереса к жанру “true crime” – подобные источники контента могут акцентировать внимание на случаях серийных преступлений, представляя их в качестве центральной темы, что может создать впечатление о более широком распространении данного явления.

Таким образом, цель настоящего исследования заключалась в установлении особенностей восприятия образа серийного преступника людьми, увлекающимися контентом жанра “true crime”.

Гипотезами исследования послужили следующие предположения:

1. Увлечение жанром “true crime” отражается на переоценке степени распространения феномена серийных преступлений.
2. Существуют различия в восприятии образа серийного преступника между группой испытуемых, увлекающихся просмотром или прослушиванием “true crime” контента, и испытуемыми, не испытывающими интереса к данному жанру

В исследовании приняли участие 76 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет. Респонденты были поделены на две группы – группа увлекающихся контен-

том жанра “true crime” – 38 человек (35 девушек, 3 юноши) и группа респондентов, не интересующихся подобным контентом – 38 человек (34 девушки, 4 юноши). В исследовании применялись: авторская анкета, групповой ассоциативный эксперимент, метод семантического дифференциала (Osgood, 1957). Для обработки результатов также была использована статистическая программа SPSS Statistics.

Так, было установлено, что увлечение контентом жанра “true crime” влияет на переоценку степени распространения феномена серийных преступлений, сказываясь на формировании искажений в восприятии их реальной угрозы. Респонденты, интересующиеся “true crime”, склонны считать, что серийные преступления происходят чаще и представляют более высокий уровень опасности. А также они демонстрируют более выраженные эмоциональные реакции, такие как страх, беспокойство, тревога.

По результатам анализа полученных данных были обнаружены различия в восприятии и ассоциативном связывании стимула “серийный преступник” между группами респондентов, а также были определены особенности восприятия образа преступника зрителями “true crime” контента. Мера семантической близости (0,438) в данном случае может быть интерпретирована как относительная схожесть восприятия стимула “серийный преступник” двумя группами, указывая при этом как на сходство, так и на существующие различия в восприятии. Группа респондентов, которые интересуются такого рода контентом, чаще ассоциирует стимул с эмоционально окрашенными понятиями, а также с контекстом, деталями и особенностями совершенных преступлений. Их представления отражают интерес к пониманию психологии правонарушителей. Они склонны видеть в серийных преступниках индивидуумов, обладающих высоким интеллектом и пассивным поведением; фигуры, вызывающие чувство печали и тревоги. А в их оценках также можно наблюдать проявления сочувствия и жалости к преступникам и, иногда, признания в симпатии к некоторым героям “true crime” повествований.

Проведенное эмпирическое исследование позволило определить особенности восприятия образа серийного преступника людьми, увлекающимися “true crime”. Гипотеза о влиянии “true crime” на переоценку степени распространения феномена серийных преступлений, а также гипотеза о наличии различий в восприятии образа серийного преступника между группами респондентов, подтвердились.

Литература

1. Виноградова С.М., Мельник Г.С. Психологические последствия демонстрации сцен насилия на телевидении // Вестник СПбГУ. – Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2009. – Вып. 4. – С. 194-204.
2. Лабузная В.Ю. «Спектакль эшафота» в «обществе спектакля»: генезис жанра true crime в литературе и экранных искусствах // Артикульт. – 2019. – № 1. – С. 88-94.
3. Durham A.M., Elrod H.P., Kinkade P.T. Images of crime and justice: Murder and the “true crime” genre // Journal of Criminal Justice. – 1995. – Vol. 23. – № 2. – P. 143-152.

Особенности аддиктивного поведения у женщин, вовлеченных в занятие проституцией

Климовицкая В.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Цель этой работы заключается в том, чтобы выделить причины, по которым женщины, вовлеченные в занятие проституцией, обращаются к психоактивным веществам (ПАВ), а также описать ту специфическую функцию, которую ПАВ выполняют для работниц коммерческого секса (РКС). Как известно, не существует полной статистики вовлеченных в проституцию женщин. В связи с этим, говорить о достоверной численности более узкоспецифичной группы РКС, обладающих зависимостями от ПАВ, таких как алкоголь и наркотики, не представляется возможным. Однако, ни для кого не секрет, что проблема алкоголизации, наркотизации, а также вытекающих из них последствий является как никогда актуальной для современного общества.

Так, было проведено исследование (Русакова М.М., 2012), классифицирующее выборку из 896 женщин, вовлеченных в занятие проституцией, по четырем группам на основе различных критериев, в том числе характеристик аддиктивного поведения, опыта насилия, связанного с предоставлением секс-услуг, личного отношения к клиентам, отношения к проституции, нервно-психического здоровья и т.д. По результатам работы было выявлено, что наибольшую группу (56,9%) составляют «проститутки-наркопотребители», для которых характерен наибольший возраст и стаж работы, систематическое употребление слабоалкогольных напитков, высокая распространенность наркозависимости с наиболее выраженными негативными социальными исходами наркотизации, наиболее вы-

сокий уровень пережитого насилия, а также выраженная негативная установка по отношению к клиентам и проституции в целом.

В другом исследовании (Шурова Е.А., 2021) в выборке из 460 РКС у 346 были выявлены признаки рискованного потребления ПАВ. От алкоголя были зависимы 62% респонденток, полинаркомания была свойственна для 21,7%. Наиболее употребляемым наркотиком были стимуляторы (38%) из-за присущего им действия на тело и психику. Для этой выборки также было характерно негативное отношение к клиентам и сфере секс-услуг в целом, они также испытывали чувство стыда и страха перед своими родственниками и знакомыми из-за своей деятельности.

В ещё одном исследовании (Вартанян Г.А., 2020) более пристально рассматривалась психика и личностные особенности РКС. Было выявлено, что для женщин, вовлеченных в занятие проституцией, более свойственно использование примитивных защитных механизмов, таких как принятие, отрицание и избегание. Этот последний зачастую проявляется в уходе в аддикции – алкоголизацию и наркотизацию. РКС использовали эти механизмы психологической защиты для того, чтобы справиться с последствиями насилия или страхом перед ним, с чувством собственной неполноценности, ощущением своей непринадлежности ни к одной из социальных групп, своим отворачиванием к клиентам и работе и так далее. Причин для применения женщинами, вовлеченными в занятие проституцией, различных психологических защит может быть много, но несмотря ни на что, именно внутриличностный конфликт на фоне отворачивания к своему способу заработка, но невозможности от него отказаться по тем или иным причинам становится одной из основных причин наркотизации и алкоголизации РКС из-за их неспособности к здоровому совладанию с подавляющими эмоциями и чувствами.

Из всего вышеперечисленного следует, что употребление психоактивных веществ и алкоголизация сопровождают жизнь большей части РКС. Тем не менее, большой интерес для данной работы представляют именно специфические личностные особенности и отношение к своей деятельности женщин, вовлеченных в занятие проституцией, систематически употребляющих ПАВ. Можно выделить определенные характеристики, присущие подавляющему большинству респонденток ряда исследований, такие как: негативное отношение к клиентам и проституции в целом, недовольство своим родом деятельности и связанные с этим негативные переживания, пережитое во время и/или до занятия проституцией насилие, десоматизация (Антонян Ю.М., 2022), а также характерный внутриличностный конфликт на фоне всего вышеперечисленного.

Проанализировав исследования, проведенные за последние 15 лет, мы пришли к выводу, что употребление ПАВ женщинами, вовлеченными в занятие проституцией, можно связать с:

1. Преодолением негативных эмоциональных переживаний, связанных с оказанием сексуальных «услуг» в целом, и непосредственно перед и после этого (наиболее частый ответ);
2. Снятием физического напряжения до предоставления «услуг»;
3. Повышением эмоциональной и физической выносливости для оказания сексуальных «услуг»;
4. Принуждением/предложением со стороны клиента.

Итак, на основе этих данных можно сделать вывод, что в основном алкоголь и наркотики обладают для женщин, вовлеченных в занятие проституцией, функцией некоего барьера между тем, что происходит с ними физически, «внешними» условиями и событиями, и их внутренним нежеланием быть частью этой деятельности, отвращением к ней и клиентам, негативными эмоциями, связанными с оказанием сексуальных услуг и их возможными последствиями в т.ч. насилием, инфицированием ЗППП и общественным порицанием.

Литература

1. Антонян Ю. М. Субъективные причины проституции // Общество и право. – 2022. – №. 1 (79). – С. 19-26.
2. Вартанян Г.А., Горбатов С.В., Муртазина И.Р. Особенности Я-концепции женщин, занимающихся коммерческим сексом // Психология и право. – 2020. – Том 10. – № 4. – С. 166-184. – doi: 10.17759/psylaw.2020100412.
3. Русакова М.М. Статистическая типология женской проституции // Russian Journal of Education and Psychology. – 2012. – №. 9. – С. 40.
4. Шурова Е.А., Козлов А.А., Клименко Т.В. Клинико-социальная характеристика лиц с наркологическими расстройствами, вовлеченных в проституцию // Актуальные проблемы психиатрии и наркологии в современных условиях: материалы всероссийской научно-практической конференции, Чита, 10–11 июня 2021 года. – Чита: РИЦ Читинской государственной медицинской академии, 2021. – С. 136-139.

Влияние информации об экстремальном событии на косвенных участников молодого возраста

Кузнецова У.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Молодые взрослые в условиях современных медийных технологий и информационной доступности постоянно подвергаются потоку новостей, отчетов и репортажей о военных столкновениях и конфликтах в различных частях мира, включая специальную военную операцию – ситуацию между Россией и Украиной. Эта информация, содержащая детали о боевых действиях, жертвах, разрушениях и страданиях, может оказать серьезное воздействие на эмоциональное состояние молодых людей. Даже если они не являются непосредственными участниками военных действий, косвенные участники, в особенности молодежь, могут испытывать страх, тревогу, беспокойство и беспомощность и даже травматические симптомы, такие как посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), наблюдая за происходящими событиями через новостные репортажи и социальные медиа.

Вторичная травматизация – это феномен переживания события, о котором есть мозаичная информация, а недостающие логические звенья «дорисовывает» лимбическая система в виде фантазийных, иллюзорных новообразований, принимаемых сознанием за истинные (Плетка О., Чаплинская Ю., 2017). В свою очередь, вторичная травматизация может стать основой для развития посттравматического стрессового расстройства (Васильева А.В., Караваева Т.А., 2022).

Посттравматическое стрессовое расстройство – психическое расстройство, развивающееся вследствие мощного психотравмирующего воздействия угрожающего или катастрофического характера, сопровождающееся экстремальным стрессом, основными клиническими проявлениями выступают повторные переживания элементов травматического события в ситуации «здесь и сейчас» в форме флэшбеков, повторяющихся сновидений и кошмаров, что сопровождается чаще тревогой и паникой, но возможно также гневом, злостью, чувством вины или безнадежности, стремлением избегать внутренние и внешние стимулы, напоминающие или ассоциирующиеся со стрессом (Плетка О., Чаплинская Ю., 2017).

Мы провели исследование, **цель** которого заключалась в установлении эффекта влияния и описании вторичной травматизации после просмотра новостей у молодых взрослых в зависимости от ведущего защитного механизма.

Гипотезами исследования послужили предположения:

1. Чем чаще индивид потребляет новости о военном конфликте, тем более у него выражены симптомы ПТСР.

2. Чем дольше индивид потребляет новости о военном конфликте, тем более у него выражены симптомы ПТСР.

В исследовании также выдвинута **дополнительная гипотеза**: у косвенных участников молодого возраста, имеющих высшие механизмы психологической защиты, риск развития посттравматического стрессового расстройства ниже, чем у косвенных участников молодого возраста, имеющих примитивные механизмы психологической защиты.

Характеристика материала исследования. Выборку исследования составили 56 человек в возрасте от 18 до 23 лет (средний возраст – 20 лет). Из них респондентов мужского пола 28 чел. (50%) (в возрасте от 18 до 23 лет, средний возраст – 22,6 лет), респондентов женского пола 28 чел. (50%) (в возрасте от 18 до 23 лет, средний возраст – 20,6 лет).

Методики исследования. В исследовании применялась авторская анкета, направленная на сбор социально-демографической информации о респондентах и включающая в себя тематические вопросы, а также следующие методики: Шкала оценки влияния травматического события, ШОВТС (Impact of Event Scale, IES-R) М. Horowitz (адаптация Н. В. Тарабрина, 2001 г.); Методика Индекс жизненного стиля. Life style index (LSI, Kellerman-Plutchik, 1979). **Математические методы обработки данных:** описательная статистика, статистическая обработка в программе SPSS с помощью критерия Колмогорова-Смирнова, коэффициента ранговой корреляции Ч. Спирмена.

Результаты исследования. Исходя из результатов исследования, нами были сделаны следующие выводы: анализ корреляции между показателями частоты потребления новостной информации и симптомами посттравматического стрессового расстройства не выявил статистически значимой связи. Анализ корреляции между показателями длительности потребления новостной информации и симптомами посттравматического стрессового расстройства не выявил статистически значимой связи. Следовательно, основные гипотезы не подтвердились. Объяснением этому может быть кумулятивный эффект – военные события начались более двух лет назад, эмоциональный стресс накапливается на первых этапах и не меняется со временем.

У респондентов с ярко выраженными симптомами посттравматического стрессового расстройства наиболее выражены первичные механизмы защиты. У респондентов, у которых отсутствуют симптомы посттравматического стрессового расстройства, наиболее выражены высшие механизмы защиты. Следовательно, дополнительная гипотеза подтверждена. Объяснение этому может состоять в том, что первичные механизмы защиты блокируют переживания, вызван-

ные потреблением новостной информации, а высшие механизмы психологической защиты помогают справиться со стрессом.

В заключение можно сказать, что одна гипотеза из трех была подтверждена. Цель работы была достигнута несмотря на то, что основные гипотезы не подтвердились, наша дополнительная гипотеза подтвердилась. Все полученные результаты можно использовать в дальнейшем, так как обнаруженные связи позволяют сформулировать новые гипотезы.

Литература

1. Васильева А.В., Караваева Т.А. Посттравматическое стрессовое расстройство в парадигме доказательной медицины: патогенез, клиника, диагностика и терапия: методические рекомендации. – СПб.: НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева, 2022. – 33 с.
2. Плетка О., Чаплинская Ю. П. Интенсивная работа с травмой: психотерапевтические методы: учебное пособие – К.: Талком, 2017. – 232 с.

Исследование связей созависимости и уровня дезадаптации в братско-сестринских диадах

Маругаева Э.Э.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бойкина Е.Э.

Актуальность проблемы семейных отношений в Российской Федерации подтверждается объявлением 2024 года Годом семьи Президентом РФ. (Указ №875 президента РФ о проведении в РФ Года семьи).

Проблематика: за последние 5 лет на интернет-ресурсе e-Library размещены всего 8 статей по теме сиблинговых отношений, 206 – про близнецов, 430 – про созависимость. В то же время по теме буллинга было написано уже 2565 статей (Российская научная электронная библиотека).

Объект: феномен созависимости.

Предмет: связь созависимости братьев и сестёр в братско-сестринских диадах и уровня их дезадаптации.

Цель исследования – выявить особенности связи созависимости и дезадаптации братьев и сестёр в братско-сестринских диадах.

Задачи:

1. Представить анализ теоретико-эмпирических исследований понятия «созависимость» как объекта психолого-педагогических исследований.
2. Систематизировать результаты психологических исследований в области феномена адаптации личности.
3. Рассмотреть феномен братско-сестринских отношений с позиции психологии.
4. Исследовать связь между созависимостью и дезадаптацией братьев и сестёр в братско-сестринских отношениях.
5. Представить статистическо-математический анализ полученных данных.

Основная гипотеза: чем выше уровень деструктивной сверхзависимости, тем выше уровень дезадаптации.

Дополнительные гипотезы:

1. Деструктивная сверхзависимость и дезадаптация проявляется чаще в диадах близнецов по сравнению с диадами сиблингов;
2. Чем ниже уровень поддержания границ в братско-сестринских отношениях, тем выше уровень деструктивной сверхзависимости их участников.

Методы исследования:

- Теоретические методы
- Эмпирические
- Интерпретационно-описательные

Методики исследования:

1. Братско-сестринский опросник, S.A. Graham-Bermann, S.E. Culter, адаптация М.В. Кравцовой.
2. Тест профиля отношений, Р. Борнштейн, адаптация О.П. Макушиной.
3. Методика диагностики социально-психологической адаптации, К. Роджерс и Р. Даймонд, адаптация А.К. Осницкого.
4. Авторская анкета для сбора информации о социально-демографических данных (пол, возраст, особенности сиблинговых отношений).

Этапы исследования:

1. С октября по февраль 2023-2024 года проводилась диагностическая работа с выборкой исследования.
2. С декабря 2023 года данные были обработаны в массиве с выводом результатов, готовых для последующего детального анализа по количественным и качественным параметрам.
3. На заключительном этапе производился анализ полученных данных с использованием математико-статистических методов при помощи программы

(IBM SPSS Statistics 23). Сформированы выводы эмпирической части исследования и заключение.

Практическая значимость: Данное исследование может помочь понять, какие факторы способствуют развитию созависимости, как она влияет на отношения между сиблингами, помочь практическим психологам в работе с семьями.

В России в 90-е годы XX века началось активное изучение феномена созависимости. Интерес к этой теме значительно возрос среди отечественных исследователей, что отразилось в написании монографий, защите диссертаций. В основном, эти исследования выполнены с точки зрения биологизаторского подхода. В данном исследовании мы рассматриваем зависимость человека от другого человека в области психологических знаний (Артемцева Н.Г., 2019).

Созависимость – состояние поглощенности, зависимости от другого человека, затрагивающая все сферы психики человека, влияющая на формирование и функционирование мотивации, самосознания, самооценки (Раклова Е., 2019).

Как утверждает М. Грат, отсутствие желания, способности прекратить дисфункциональные отношения или поведение – признак созависимости. Простое общение с человеком, нуждающимся в помощи, не делает «помогающего» созависимым, но поддержание таких разрушающих отношений, делает его созависимым (McGrath, M., 2012).

Факторы, влияющие на развитие созависимости: возраст, детско-родительские отношения, воспитание, культура, уровень эмпатии.

Компоненты межличностной зависимости: когнитивный, мотивационный, эмоциональный, поведенческий (Попкович С.В., Чеботарева Е.Ю., 2020).

Сиблинговые взаимоотношения – одни из самых продолжительных и важных в жизни человека. М. Руфо отмечает: связи между братьями и сестрами часто долгосрочнее, чем отношения между детьми и родителями.

Факторы, которые влияют на отношения сиблингов: пол, семейное положение, родительский статус, территориальная близость, генетическое родство (Алмазова О.В., 2013).

Основное отличие близнецов от сиблингов – развитие одновременно связи с матерью и сиблингом еще до рождения.

Отношения близнецов оказывают влияние на все аспекты их психики. Особенности их развития зависят от сложностей эмбрионального периода и индивидуальных особенностей личности каждого из них (Дзариева Ф.М., Николаева А.Ф., 2020). Дезадаптация – нарушения в способности психики адаптироваться к острой или длительной эмоциональной нагрузке, что провоцирует активацию защитных реакций (Сулова О.И., Денисова Ю.А., 2017).

Выборка исследования: В исследовании приняли участие 50 человек (34 женщины, 16 мужчин). Возраст участников: 18-35 лет (ср. возраст - 26,5 лет). Участники исследования были набраны по критериям:

- Возраст от 18 до 35 лет
- У участника есть близнец или сиблинг с разницей в возрасте до 3 лет.

Обработка данных проходила с помощью программы IBM SPSS Statistics 23. Сначала был использован тест Колмогорова-Смирнова на нормальность распределения, далее выбирался критерий.

1) Коэффициент корреляции Пирсона: 0,247 ($p > 0,05$) Из чего следует, что основная гипотеза не подтверждается.

2) U-критерий Манна-Уитни для независимых выборок для дополнительной гипотезы №1: $p > 0,05$. Таким образом, дополнительная гипотеза №2 не подтверждается.

3) Корреляция Спирмана: $p > 0,05$ Дополнительная гипотеза №2 не подтверждается.

Заключение. В рамках данной исследовательской работы были рассмотрены феномен созависимости, дезадаптации, особенности братско-сестринских отношений, что является актуальным на сегодняшний день.

После проведения эмпирического исследования было обнаружено, что высокий уровень дезадаптивности не связан с высоким уровнем деструктивной сверхзависимости; не подтвердилось и предположение о том, что деструктивная сверхзависимость и дезадаптация проявляются чаще в диадах близнецов по сравнению с диадами сиблингов; низкий уровень поддержания границ в братско-сестринских отношениях не коррелирует с высоким уровнем деструктивной созависимости.

Литература

1. Алмазова О. В. Типология взаимоотношений взрослых сиблингов. Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2013. – №2 – С. 134-146.
2. Артемцева Н.Г. Субъективное ощущение одиночества как предиктор созависимости // Социальная и экономическая психология. – 2019. – Том 4. – № 2 (14). – С.148-150.
3. Дзариева Ф.М., Николаева А.Ф. «Феномен близнецов» – миф или реальность? // Вестник науки и образования. – 2020. – №10-1(88). – С. 14-17.
4. Попкович С.В. // Установки к семейной жизни и межличностная зависимость у людей с разным уровнем религиозности// ВШЭ ВКР. – 2020. – С.19-20.
5. Российская научная электронная библиотека <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения: 01.05.2024).

6. Суслова О.И., Денисова Ю.А. Феномен социальной дезадаптации в психологии // Образование в современном мире: сборник научных статей / под ред. Ю.Г. Голуба. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2017. – С. 382-389.
7. Указ № 875 Президента РФ о проведении в РФ Года семьи <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ol7h1jN3jzDnvgTCwVT2XTokT6lI4Org.pdf> (дата обращения: 01.05.2024).
8. McGrath, M.. Codependency and pathological altruism (B. Oakley, Ed.) // In B. Oakley, A. Knafo, G. Madhavan, & D. S. Wilson (Eds.), Pathological altruism Oxford University Press. – 2012. – P. 49-74.

Особенности эскапизма, эмоциональных переживаний и субъективного качества жизни у лиц со склонностью к зависимости от просмотра стриминговых платформ

Натурина Д.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

За последние 20 лет появилось и развилось множество стриминговых платформ и сервисов просмотра по требованию, таких как Twitch, YouTube, Netflix, КиноПоиск и пр. Стриминговые платформы упрощают доступ к контенту для своих пользователей и предоставляют доступ к огромной библиотеке фильмов, сериалов, музыки, игровых трансляций и т.д. У людей появилась возможность смотреть любой контент в любое время без ограничений, что, в свою очередь, может привести к чрезмерному потребительскому поведению. В зарубежных исследованиях появился такой феномен как binge-watching, т.е. запойный просмотр нескольких эпизодов одного и того же сериала за один сеанс: многие люди сообщают, что чувствуют себя вынужденными смотреть "еще один" эпизод по окончании предыдущего (M. Flayelle et al., 2019). Чрезмерное увлечение просмотром медиаконтента может негативно влиять на эмоциональное состояние человека, его самочувствие и качество жизни, однако данная сфера все еще остается малоизученной. В России подобных исследований не проводилось.

Нами было проведено исследование, цель которого заключалась в выявлении и описании особенностей эскапизма, эмоциональных переживаний и субъ-

ективного качества жизни у лиц со склонностью к зависимости от просмотра стриминговых платформ.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что существуют значимые различия в показателях уровня эскапизма, выраженности эмоциональных переживаний и уровня субъективного качества жизни у лиц со склонностью к зависимости от просмотра стриминговых платформ и у лиц, не имеющих такой склонности, а именно:

1. У лиц со склонностью к зависимости от просмотра стриминговых платформ интегральный показатель уровня выраженности эскапизма выше на уровне статистической значимости по сравнению с лицами, не имеющими такой склонности.

2. У лиц со склонностью к зависимости от просмотра стриминговых платформ уровень субъективного качества жизни ниже на уровне статистической значимости по сравнению с лицами, не имеющими такой склонности.

3. У лиц со склонностью к зависимости от просмотра стриминговых платформ переживание одиночества и субъективного отчуждения выше на уровне статистической значимости по сравнению с лицами, не имеющими такой склонности.

В исследование приняли участие 58 чел. После предварительного анализа данных выборку эмпирической части составили 55 чел. в возрасте от 18 до 27 лет (средний возраст - 21 год). Из них 23 мужчины (в возрасте от 18 до 26 лет, средний возраст – 21 год) и 32 женщины (в возрасте от 18 до 27 лет, средний возраст – 20 лет). Выборка разделена на 2 группы: контрольная группа «К» – 28 чел. (лица, не склонные к зависимости от просмотра стриминговых платформ), группа сравнения «С» – 27 чел. (лица, склонные к зависимости от просмотра стриминговых платформ). Объем выборки контрольной группы составил 28 человек: 15 мужчин (54%), и 13 женщин (46%), в возрасте от 18 до 27 ($M=21,4$; $SD=1,4$; $Me=21,0$). Объем выборки группы сравнения составил 27 человек: 10 мужчин (37%) и 17 женщин (63%), в возрасте от 18 до 26 ($M=20,1$; $SD=1,4$; $Me=20,0$).

Все респонденты являются активными пользователями сети Интернет. 94,5% респондентов из обеих групп пользуются стриминговыми платформами, в контрольной группе 50% пользуются стриминговыми платформами каждый день, в группе сравнения – 81,5%.

Исследование проводилось в онлайн-формате с помощью Google-формы, размещенной в тематических сообществах на платформе «ВКонтакте».

Методиками исследования послужили: авторская демографическая анкета, «Тест на определение Интернет-зависимости» (CIAS, Chen S.H. с соавт.) (Малыгина В.Л. 2011), «Методика измерения уровня выраженности эскапизма» (Са-

вченко Т.Н., 2016), «Дифференциальный опросник переживания одиночества» (Осин Е.Н., 2013) и опросник «Субъективное качество жизни» (Савченко Т.Н., 2006).

Для проверки гипотезы о различиях в группах был применен непараметрический критерий U-критерий Манна–Уитни. При сравнении показателей двух групп было установлено:

1. Интегральный показатель уровня выраженности эскапизма в группе людей, склонных к зависимости от просмотра стриминговых платформ, статистически значимо отличается от данного показателя в группе лиц, не имеющих такой склонности ($p \leq 0,001$). Интегральный показатель уровня выраженности эскапизма выше в группе сравнения, можно сделать выводы, что просмотр стриминговых платформ может использоваться как форма эскапизма: стриминг позволяет людям избегать сложных эмоций, проблем и стресса.

2. Существуют значимые статистические различия в особенностях переживания одиночества в контрольной группе и группе сравнения, а именно по субшкалам «Самоощущение» ($p \leq 0,05$), «Отчуждение» (уровень значимости $p \leq 0,05$), «Радость уединения» ($p \leq 0,001$), «Ресурс уединения» ($p \leq 0,01$) и шкалам «Общее переживание одиночества» ($p \leq 0,05$) и «Позитивное одиночество» ($p \leq 0,001$). Средние ранги по всем шкалам и субшкалам выше у респондентов группы сравнения, следовательно, можно сделать вывод, что лица, склонные к зависимости от просмотра стриминга, в большей степени переживают чувство одиночества (потокковый медиаконтент может создавать иллюзию социального взаимодействия, но не заменять реальные отношения) и отчуждения (чрезмерное использование стриминговых платформ может привести к отчуждению человека от окружающих), однако, люди с такой склонностью позитивно расценивают одиночество как феномен и находят в уединение ресурс (потокковый контент может создавать иллюзию социальной интеракции и поддержки, что может приводить к получению положительных эмоций в ситуации одиночества, однако само переживание чувства одиночества остается).

3. Статистически значимых различий между группами по уровню субъективного качества жизни обнаружено не было ($p > 0,05$) (просмотр стриминговых платформ может выступать в качестве копинг-механизма, чем может компенсировать некоторые недостатки жизни человека).

Таким образом, результаты исследования показали, что лица, склонные к зависимости от просмотра стриминговых платформ, имеют более высокий уровень выраженности эскапизма, чем те, кто не имеет такой склонности. Также, лица, склонные к данной зависимости, в большей степени переживают чувство одиночества и чувство отчуждения, однако более позитивно воспринимают ситуацию одиночества и видят в этом ресурс для себя. Вопреки ожиданиям, не

было обнаружено статистически значимых различий в субъективном качестве жизни между людьми, склонными к зависимости от стриминговых сервисов, и теми, кто не имеет такой склонности.

Литература

1. Малыгина В.Л., Феклисов К.А., Искандирова А.С. и др. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики: Учебное пособие. – М. МГМСУ. – 2011. – 32 с.
2. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал ВШЭ. – 2013. – №1. – С. 55-81.
3. Савченко Т.Н., Олькина О.И., Беловол Е.В. и др. Разработка методики диагностики склонности к эскапизму // Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований / Отв. ред. В.А. Барабанщиков. – М.: Изд-во Института психологии РАН. – 2016. – С. 100-107.
4. Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования. – М.: Ин-т психологии РАН. – 2006. – 170 с.
5. Assessing binge-watching behaviors: Development and validation of the “Watching TV Series Motives” and “Binge-watching Engagement and Symptoms” questionnaires / M. Flayelle et al. // Computers in Human Behavior. – 2019. – Vol. 90. – P. 26-36.

Когнитивное интервью как метод проведения допроса: общая характеристика, виды, зависимость эффективности от возраста, когнитивных способностей и процессуального статуса допрашиваемого. Обзор зарубежных исследований

Некрасова В.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Вопрос о повышении эффективности свидетельских показаний волнует специалистов в области права еще с середины XIX века. С того момента исследователями разработаны тактические приемы и методы, повышающие эффектив-

ность допроса свидетелей. Одним из таких методов стал разработанный Р.П. Фишером и Р.Э. Гейзелеманом в 1992 году метод когнитивного интервью (Geiselman E., Fisher R., 1992).

В России метод когнитивного интервью практически не изучен: при поиске статей, посвященных этому методу на сайтах Elibrary и Cyberleninka удается найти только теоретические описания когнитивного интервью, при этом имеющиеся статьи посвящены только оригинальному методу, тогда как в настоящий момент разработана также процедура расширенного (Geiselman E., Fisher R., 2014) и модифицированного (Dando C., Milne R., Wilcock R., 2009) когнитивного интервью. Также в русскоязычных статьях не уделяется внимание факторам, влияющим на эффективность метода.

Метод когнитивного интервью основывается на достижениях когнитивной психологии, а именно на теории образования следа в памяти. Он состоит из множества пересекающихся и накладывающихся элементов, то есть неоднороден. Качество воспроизведения зависит от количества следов и связей между ними – от сложности запоминаемого события.

Когнитивное интервью было изучено в ходе почти ста лабораторных экспериментов, в которых было получено на 25–50% больше правильных утверждений, чем в ходе стандартного или структурированного интервью. При этом точность показаний не снижалась в ситуации когнитивного интервью.

Со временем стали очевидны проблемы, возникающие при применении данного метода – следователи пренебрегают множеством этапов и проводят не когнитивное интервью, а его ненаучную модификацию. Многие следователи считают процедуру когнитивного интервью слишком громоздкой для тех типов допросов, которые они проводят. С учетом этих проблем была разработана модифицированная процедура когнитивного интервью – этап мысленного восстановления контекста был заменен эскизом, были исключены этапы обратного рассказа и смены перспективы, вместо этого добавлен элемент повторного рассказа. Модифицированная процедура показала свою состоятельность для простых преступлений, с которыми имеют дело офицеры полиции ежедневно.

Также остро стоял вопрос об эффективности оригинального метода для допроса обвиняемых. Авторами (Geiselman E., Fisher R., 2014) была разработана расширенная версия когнитивного интервью, дополненная техниками изобличения лжи (изображение эскиза свободного рассказа, рассказ в обратном порядке, обращение внимания на противоречия и т.д.).

Вопросом, волнующим исследователей, является влияние возраста допрашиваемого на эффективность когнитивного интервью. В исследованиях показаний несовершеннолетних была выявлена большая эффективность когнитивного интервью в сравнении с другими методами (Milne, R., Bull, R., 2003). Среди не-

достатков метода обнаружены трудности несовершеннолетних при выполнении инструкции по изменению перспективы (Saywitz, Karen J., Geiselman E., Bornstein, Gail K, 1992). В более поздних исследованиях была проведена оценка эффективности каждого элемента когнитивного интервью при допросе несовершеннолетних, и на основе полученных результатов разработан сокращенный протокол когнитивного интервью для детей, содержащий только мысленное восстановление контекста, необходимость сообщать обо всем и одну авторскую инструкцию (Verkampt F., Ginet M., 2010). Установлено положительное влияние исключения элемента смены перспективы на снижение внушаемости детей при проведении когнитивного интервью.

При исследовании эффективности когнитивного интервью при допросе пожилых людей также получены положительные результаты (Dukala K., Sporer S., Polczuk, 2018). Получено больше точной информации от лиц, прошедших процедуру когнитивного интервью по сравнению с показаниями лиц, прошедших процедуру структурированного интервью. При этом исследователи (Fisher R., Mello E., 1996) отмечают положительную корреляцию между объемом словарного запаса свидетеля и эффективностью когнитивного интервью (в указанном исследовании объем словарного запаса имел положительную корреляцию с возрастом). Также исследователи признают более эффективной инструкцию рисования эскиза контекста по сравнению с оригинальным мысленным восстановлением контекста для данной группы свидетелей (Dando C., 2013).

Особое внимание уделялось исследователями показаниям лиц, обладающим сниженными когнитивными способностями: с легкой степенью умственной отсталости (Clarke J., 2013; Milne R., 1999) и с неглубокими деменциями (Allison M, 2007). Когнитивное интервью показало свою состоятельность и при допросе этой группы лиц.

При этом остается неизученным влияние личностных особенностей допрашиваемых на эффективность процедуры когнитивного интервью и отдельных ее элементов. Возможным направлением дальнейших исследований является изучение характерологических тенденций личности и акцентуированных черт и их связь с точностью и полнотой полученных показаний. Также остается открытым вопрос о неэффективности процедуры когнитивного интервью для лиц, страдающих психическими заболеваниями, о чем пишут Фишер и Гейзельман. Отсутствуют эмпирические исследования, доказывающие это утверждение, при этом с момента разработки оригинального метода был проведен ряд исследований, доказывающих преимущества когнитивного интервью над другими методами даже в группах населения, дающих менее эффективные показания по сравнению с условно нормативными группами. Это дает основания предполагать, что когнитивное интервью может быть использовано при получении показаний от лиц,

страдающих психическими заболеваниями, что является еще одним направлением возможных исследований.

Литература

1. Clarke J, Prescott K, Milne R. How effective is the cognitive interview when used with adults with intellectual disabilities specifically with conversation recall? // *J Appl Res Intellect Disabil.* – 2013. – Vol. 26 (6). – P. 546-556. – doi: 10.1111/jar.12049.
2. Dando C. Drawing to Remember: External Support of Older Adults' Eyewitness Performance // *PLoS One.* – 2013. – Vol. 29 – No. 8(7). – doi: 10.1371/journal.pone.0069937.
3. Dando C., Wilcock R, Milne R., et al. A modified cognitive interview procedure for frontline police investigators // *Applied Cognitive Psychology.* – 2009. – Vol. 23. – No. 5. – P. 698-716. – doi: 10.1002/acp.1501.
4. Dukala K., Sporer, Siegfried, Polczyk R. Detecting Deception: Does the Cognitive Interview Impair Discrimination with CBCA Criteria in Elderly Witnesses? // *Psychology, Crime & Law.* – 2018. – Vol. 25 (3). – P. 1-37. – doi:10.1080/1068316X.2018.1511789.
5. Fisher R. P., Geiselman R. E. *Interviewing Witnesses and Victim.* – Thomson Reuters Publishers. – Toronto, 2014.
6. Fisher R. P., Geiselman R. E. *Memory-enhancing techniques for investigative interviewing: The cognitive interview.* Springfield, IL: Charles C. Thomas., 1992. – 231 p.
7. Mello E., Fisher R. Enhancing Older Adult Eyewitness Memory with the Cognitive Interview // *Appl. Cognit. Psychol.* – 1996. – Vol. 10. – P. 403–417.
8. Milne R., Bull, R. Does the cognitive interview help children to resist the effects of suggestive questioning? // *Legal and Criminological Psychology.* – 2003. – Vol. 8(1). – P. 21-38.
9. Milne R., Clare I., Bull R. Using the cognitive interview with adults with mild learning disabilities // *Psychology, Crime & Law.* – 1999. – Vol. 5(1-2). – P. 81-99. – doi:10.1080/10683169908414995.
10. Saywitz Karen, Geiselman, R., Bornstein, Gail. Effects of Cognitive Interviewing and Practice on Children's Recall Performance // *Journal of Applied Psychology.* – 1992. – Vol. 77 (5). – P. 744-756.
11. Verkamp F., Ginet M. Variations of the cognitive interview: Which one is the most effective in enhancing children's testimonies? // *Appl. Cognit. Psychol.* – 2010. – Vol. 24 (9). – P. 1279-1296.

12. Wright Allison M., Holliday Robyn E. Interviewing cognitively impaired older adults: How useful is a Cognitive Interview? // Memory. – 2007. – Vol. 15 (1). – P. 17-33. – doi: 10.1080/09658210601047351.

Связь уровня правосознания и номофобии у подростков с разным восприятием отношения родителей

Петренко А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

Современный мир переживает интенсивные изменения, оказывающие влияние на формирование правосознания подростков. Факторы, такие как, например, цифровизация общества, играют ключевую роль, приводя к изменениям в их поведении и отношениях. С развитием новых технологий, особенно социальных сетей, дети все больше времени проводят в онлайн, что может вызвать разнообразные психологические и социальные проблемы, такие как номофобия – боязнь остаться без мобильного телефона. Понимание связей между правосознанием, уровнем номофобии и восприятием родительского отношения представляет проблему для современной психологии.

Мы провели исследование, цель которого заключается в выявлении связи уровня правосознания и номофобии у подростков с разным восприятием отношения родителей.

Гипотезами исследования послужили предположения о том, что

1. У подростков с более высоким уровнем правосознания будет более низкий уровень номофобии.

2. У подростков с высоким уровнем близости с обоими родителями уровень правосознания будет выше, а номофобии – ниже, чем у подростков с низким уровнем близости с обоими родителями.

В исследовании приняли участие 55 человек в возрасте от 12 до 16 лет, средний возраст - 13,7 лет. Из них респондентов мужского пола - 29 человек и женского пола - 26 человек.

В исследовании применялась авторская анкета, направленная на сбор социально-демографической информации о респондентах и включающая в себя тематические вопросы. В качестве опросников были использованы: методика «Измерение отношения к праву и правовых установок» (Р.Р. Муслумов); шкала проблематичного использования мобильного телефона Problematic Use of Mobile

Phone (PUMP) (Колесников В.Н., Мельник Ю.И., Теплова Л.И., 2018); опросник «Подростки о родителях» (Л.И. Вассерман, И.А. Горьковая, Е.Е. Ромицина). Математический анализ данных производился в программе IBM SPSS Statistics 20. Применялся критерий Манна-Уитни и коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Исследование проводилось на базе московской школы.

В результате корреляционного анализа были получены следующие результаты: уровни правосознания и номофобии изменяются в противоположных направлениях: при увеличении одного из них другой уменьшается, и наоборот.

Это может указывать на то, что подростки с более развитым правосознанием менее склонны к номофобии. То есть, чем глубже понимание человеком правовых норм и принципов, тем меньше он склонен к чрезмерной тревожности относительно потери связи с мобильным устройством. Это может быть связано с тем, что осознание своих прав и обязанностей создает уверенность и самоконтроль, что снижает степень беспокойства и тревожности без мобильного телефона.

Также уровень правосознания имеет обратную корреляционную связь с непоследовательным отношением со стороны мамы. Мы предполагаем, что данный результат может говорить о том, что уровень правосознания, то есть понимание и принятие норм и принципов права ослабляется или подвергается сомнению в условиях непоследовательного отношения со стороны матери. Когда мама проявляет несогласованные и противоречивые подходы в воспитании, это может вызывать у подростков сомнения в стабильности и обоснованности правовых норм и ценностей. В результате уровень их правосознания может снижаться, так как они видят несоответствие между тем, что им говорят о правилах и том, как эти правила применяются в реальной жизни, что может привести к снижению доверия к нормам права.

Помимо этого, уровень правосознания имеет прямую корреляционную связь с позитивным интересом со стороны отца по отношению к подростку и фактором близости с отцом. Этот результат может также указывать на то, что вовлеченность отца в жизнь ребенка создает благоприятную обстановку для обучения правовым вопросам и развития правосознания у подростка. Участие отца в жизни подростка может способствовать формированию позитивного отношения к общественным нормам и ценностям.

Уровень правосознания имеет отрицательную связь с сопротивлением ограничениям в использовании мобильного телефона. Этот результат может быть объяснен тем, что более высокий уровень правосознания часто сопровождается более осознанным и ответственным поведением. Люди с более развитым правосознанием могут лучше понимать значение правил и ограничений, в том числе

их применение к использованию мобильных телефонов. Соответственно, они могут быть менее склонны к сопротивлению ограничениям в использовании мобильных устройств, поскольку осознают их целесообразность.

Уровень номофобии имеет отрицательную корреляционную связь с некоторыми элементами правосознания – знанием права и отношением к праву в целом. Возможно, высокий уровень номофобии может приводить к ограниченному интересу к правовым вопросам и низкому уровню знания права. Тревога и беспокойство из-за возможной потери мобильного устройства могут отвлекать подростка от обучения правовым знаниям. Это может снизить мотивацию изучать новые аспекты правовой системы и ее применение в повседневной жизни. Номофобия может уменьшать интерес подростков к правовой тематике. Также была выявлена прямая связь с непоследовательным поведением отца и матери. Это может указывать на то, что нестабильность в поведении родителей может усиливать страх потери связи у их детей.

Полученные результаты могут быть использованы для разработки программ по повышению уровня правосознания несовершеннолетних и мер профилактики номофобии.

Литература

1. Водяха С.А., Водяха Ю.Е. Психологические особенности образа родителей у подростков с интернет-аддикцией // Перспективы науки и образования. – 2022. – №2 (56). – С.491-505. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-obraza-roditeley-u-podrostkov-s-internet-addiktsiey> (дата обращения: 01.05.2024).
2. Канашов А.Е., Трусова А.В. Роль факторов семейного воспитания в формировании интернет-зависимого поведения у подростков // Национальный психологический журнал. – 2021. – №2 (42). – С. 76-87. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-faktorov-semeynogo-vospitaniya-v-formirovanii-internet-zavisimogo-povedeniya-u-podrostkov> (дата обращения: 05.05.2024).
3. Колесников В.Н., Мельник Ю.И., Теплова Л.И. Проблематичное использование мобильного телефона в юношеском возрасте // Вестник Тверского государственного университета. – Серия: Педагогика и психология. – 2018. – № 3. – С. 38-51.
4. Шейнов В.П. Адаптация и валидизация опросника «шкала зависимости от смартфона» для русскоязычного социума // Системная психология и социология. – 2020. – № 3(35). – С. 75-84.
5. Шейнов В.П. Взаимосвязи зависимости от смартфона с психологическими и социально-психологическими характеристиками личности: обзор

зарубежных исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2021. – Том 18. – № 1. – С. 235-253.

Особенности восприятия образа трудного подростка у лиц разных возрастов

Плахтий Д.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

При изучении подросткового возраста формируется вопрос о существовании образа подростка в целом – как именно подростковый возраст воспринимается обществом, какие качества предписываются данной группе. Изначально постановка проблемы образа берет начало ещё во времена античных мыслителей и продолжает развитие в трудах современных исследователей (Гостев А.А., 2007; Володина К.А., 2014). Обращаясь к образу подростка, мы также неизбежно сталкиваемся с образом трудного подростка, они идут рядом друг с другом. Так как в настоящее время подростковый кризис рассматривается как типичное явление, беспроблемный подросток может выглядеть как исключение. В культурах, в которых нет представлений о трудных подростках, отсутствуют и сами трудные подростки, за редкими исключениями (Кулешова А.В., 2008). Таким образом, в общественном представлении происходит уравнивание «подростка» с «трудным подростком». В данном контексте становится важным проанализировать, совпадает ли восприятие своей возрастной группы самими подростками и лицами иных возрастов.

Цель исследования заключается в выявлении сходств и различий между восприятием образа трудного подростка людьми разных возрастных групп.

Задачи исследования:

1. Раскрыть категорию «образ» в психологии и основные психологические концепции.
2. Описать специфику феномена «трудный подросток».
3. Рассмотреть понятие «девиантное поведение», его виды и теоретические подходы к его пониманию.
4. Раскрыть специфику восприятия образа трудного подростка.
5. Рассмотреть возрастные особенности лиц подросткового и юношеского периодов, молодых взрослых и лиц зрелых возрастов.

6. Описать и систематизировать особенности восприятия образа трудного подростка у лиц разных возрастов.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что существуют особенности восприятия образа подростка среди разных возрастных групп, а именно:

1. Респонденты всех возрастных групп склонны воспринимать образ подростка схоже с образом трудного подростка.

2. У учащихся 6-11 классов присутствуют значимые различия между восприятием образа нормативного и трудного подростка.

3. Существует значимое различие между восприятием образа подростка и образа трудного подростка между студентами психологических и непсихологических направлений.

4. Существуют значимые различия в восприятии образа подростка как нормативного, так и трудного, у студентов и взрослых.

Характеристика материала исследования. Количество человек, принявших участие в исследовании составляет 100. В ходе обработки полученных данных, в выборку эмпирической части исследования также вошли 100 человек (от 12 до 55 лет). Участников мужского пола насчитывается 19 чел. (19%), участников женского пола - 81 чел. (81%). Все респонденты являются пользователями сети интернет и жителями города Москвы. Выборка была разделена на 4 группы:

- Учащиеся образовательных организаций 6-11 классов – 25 человек. Из них респондентов мужского пола – 7 чел., респондентов женского пола - 18 чел.

- Студенты психологических направленностей – 26 человек. Респондентов мужского пола – 2 чел., респондентов женского пола - 24 чел.

- Студенты непсихологических направленностей – 28 человек. Респондентов мужского пола – 8 чел., респондентов женского пола - 20 чел.

- Взрослые, не имеющие психологического образования (от 35 лет) - 21 чел. Респондентов мужского пола – 2 чел., респондентов женского пола - 19 чел.

Методики исследования:

1. Авторская анкета, собирающая первичные сведения о респондентах.

2. «Семантический дифференциал» (Осгуд Ч., 1955).

Результаты исследования

Были описаны и систематизированы особенности восприятия образа трудного подростка у лиц разных возрастов. Несмотря на то, что различные исследуемые группы выделяют разные ключевые отличия между трудными и обычными подростками, образы обычного и трудного подростка отличаются в каждой из них. Для каждой из групп максимальные средние значения характеристик для обычных подростков ниже, чем для трудных подростков, следовательно, образ трудного подростка выражен ярче.

У учащихся 6-11 классов присутствуют значимые различия между восприятием образа нормативного и трудного подростка по 15-ти характеристикам из 25, следовательно мы можем говорить о значимости различия образов в целом. Если обычный подросток описывается учащимися как хороший, радостный и активный, то трудный подросток как плохой, печальный и пассивный. Мы можем предположить о риске возникновения у учащихся стереотипа, что если ты (подросток) не радостный и не активный, то можешь быть причислен к плохим, к трудным.

При сравнении ответов групп «студенты непсихологических направлений» и «студенты психологических направлений» значимых различий между восприятием обычных и трудных подростков выявлено не было. Объяснить подобный результат можно тем, что специфика изучаемых дисциплин не оказывает такого влияния на отношение студентов к подростковому возрасту. С другой стороны, период студенчества следует за периодом школы, в связи с чем многие студенты склонны идентифицировать себя с теми же подростками, вне зависимости от профиля своего обучения.

Больше всего различается восприятие образа подростка и образа трудного подростка между студентами психологических направлений и взрослыми без психологического образования. Мы можем связать данные выборы с неравенством опыта взаимодействия групп с подростками. Взрослые могли наблюдать трудного подростка в условиях дома или учебы, слышать рассказы от знакомых. В то время как ответы студентов психологических направлений объясняются их взаимодействием с подростками ввиду прохождения ими практик и изучения соответствующих дисциплин.

Данное исследование затрагивает проблему стереотипизации подростков как изначально склонных к девиантному поведению. Результаты исследования могут способствовать пересмотру устоявшихся взглядов на подростковый возраст, а также использоваться для более внимательного подбора методик и средств при работе с несовершеннолетними.

Литература

1. Володина К.А. Исторический аспект становления категории «образ» в психологической науке // Вестник Шадринского государственного педагогического института. – 2014. – №. 3 (23). – С. 91-97.
2. Гостев А.А. Психология вторичного образа. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 512 с.
3. Кожевникова О.В., Вьюжанина С.А. Психосемантика. Метод семантического дифференциала: учебно-методическое пособие для студентов высших учеб.

заведений – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2016. – 120 с.

4. Косаревская Т.Е., Кутькина Р.Р. Психосемантический подход к исследованию индивидуального сознания – Витебск: Изд-во ВГУ, 2009. – 61 с.
5. Кулешова А.В. Категории жизни подростков: субкультуры, агрессия, любовь // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2008. – №. 2. – С. 236-253.

Рекомендации по психокоррекции самооотношения и чувства удовлетворенности жизнью у молодых женщин со склонностью к нарушениям пищевого поведения

Сборщик А.О.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Состояние удовлетворенности или неудовлетворенности жизнью имеет огромное влияние на поступки индивида, различные аспекты его поведения и активности: от бытовых дел до экономических и политических решений. Эти переживания оказывают значительное воздействие не только на индивидуальное сознание, но и на общественное сознание, групповые настроения, ожидания и социальные взаимоотношения (Рахимгараева Р.М., 2009).

К изменению удовлетворенности жизнью проявляют интерес телесно-ориентированные психотерапевты и психологи. Например: в 1985 году Розенберг предложил свою интерпретацию интегративной телесной терапии, которая включает в себя: теорию объектных отношений, теорию стилей родительской привязанности, когнитивно-поведенческую, гештальт, техники Александера, йогу, дыхательные техники Райха, медитацию, трансперсональную психотерапию (Комарова Д.Н., 2020).

Психологическая коррекция удовлетворенности жизнью у молодых женщин со склонностью к нарушениям пищевого поведения – это сложный и многогранный процесс, требующий специальных подходов и значительного опыта. Первоначально необходимо отметить, что молодые женщины, страдающие нарушениями пищевого поведения, часто не удовлетворены жизнью. Это может быть вызвано комплексом негативных эмоций, связанных с их телесным обликом, самооценкой и отношениями с окружающими. Психологическая коррекция направ-

лена на изменение таких отрицательных установок и развитие позитивного отношения к себе и к своей жизни в целом.

В работе Ж.Г. Васильковой отмечается, что пациенты, страдающие от психогенного переедания, часто испытывают чувство вины, стыда и злости по отношению к себе. В попытке справиться с этими эмоциями они начинают ограничивать себя в приеме пищи, контролировать количество потребляемой еды и избегать определенных продуктов. Однако, такое ограничительное поведение часто приводит к новому срыву. В результате возникает замкнутый круг проблемного поведения, где каждый новый срыв сменяется чувством вины, последующим ограничением и снова срывом. Бороться с такой проблемой весьма затруднительно, она, как и многие другие расстройства пищевого поведения, требует комплексной коррекции, включающей в себя упор на психологическую составляющую (Василькова Ж.Г., 2022).

Психокоррекция самооотношения и чувства удовлетворенности жизнью приобретает особую значимость. В данном контексте существует несколько подходов, которые могут помочь решить данную проблему и улучшить качество жизни данных людей.

Первый подход заключается в развитии позитивного самооотношения и повышении уровня самооценки. Для этого можно применять психотерапевтические техники, такие как когнитивно-поведенческую терапию или позитивное мышление. Они помогают увидеть свои достоинства и качества, а также преодолеть негативные мысли и убеждения, связанные с собственным внешним видом или пищевыми привычками.

Второй подход связан с расширением спектра удовлетворения жизнью. В этом случае фокус делается на формировании и развитии разнообразных интересов и хобби, способствующих духовному и эмоциональному росту. Включение в жизнь новых активностей помогает снять эмоциональное напряжение, отвлечься от проблем с пищевым поведением и получить новые источники удовлетворения. Л.Г. Бузунова о специфике работы с женщинами писала: “Прежде всего, женщина должна принять себя, обрести себя. Работа с ней ведется по формированию Я-концепции” (Бузунова Л.Г., 2005).

Третий подход связан с развитием навыков управления эмоциями и стрессом. Часто молодые женщины со склонностью к нарушениям пищевого поведения испытывают эмоциональные и стрессовые перегрузки, которые могут приводить к обжорству или перебору с едой.

Четвертый подход связан с развитием здоровых пищевых привычек и регулярной физической активностью. Контроль пищевого поведения предполагает не только отказ от высоко калорийной и вредной пищи, но и формирование здорового и сбалансированного рациона, а также введение режима физической

нагрузки. Это позволяет поддерживать не только физическое, но и психическое здоровье, а также повышает чувство удовлетворенности от достигнутого результата.

Опираясь на полученные нами данные в результате анализа теории и проведения эмпирического исследования, мы разработали предварительный план действий для работы с женщинами, страдающими нарушениями пищевого поведения. Данный план включает несколько областей работы:

- при необходимости следует проводить медикаментозную коррекцию и психотерапевтическое лечение в соответствии с показаниями;
- коррекция питания, составление диеты, активный образ жизни, включая занятия спортом, нацеленные на развитие позитивных методов преодоления негативного эмоционального состояния;
- поддержка ближайшего окружения с целью увеличения уверенности у женщин в себе и помощь в организации образа жизни;
- предоставление психологической поддержки.

Из-за специфики цели нашего исследования мы уделяем большее внимание последнему аспекту. Проанализировав литературу, мы пришли к выводу, что работа психолога будет наилучшим образом осуществляться с использованием поведенческого и когнитивного подходов.

Главным способом преодоления расстройств пищевого поведения является изменение поведения. Это включает в себя постепенное корректирование неправильного образа жизни женщины. В первую очередь, это связано с исправлением нарушенных пищевых привычек, уменьшением доминирующей роли желания поесть, разрывом негативных связей между эмоциональным дискомфортом и приемом пищи и так далее. Желательно вводить новые пищевые привычки постепенно, предоставляя их по одной-две в неделю или еще медленнее. Рекомендуется не есть на ходу, стоя, а также принимать пищу в строго определенное время. В начале периода работы с НПП, когда тяжело соблюдать ограничения в питании и они еще не стали рутиной, важно избегать ситуаций, которые могут привести к перееданию.

Необходимо помочь женщине отказаться от привычки использовать еду в качестве средства избавления от стресса. Чтобы уменьшить эмоциональное переедание, важно уметь различать чувство голода от эмоционального дискомфорта и предложить альтернативные методы расслабления наряду с приемом пищи. Это может включать в себя различные методы физической активности, такие как прогулки, аутогенная тренировка, танцы, дыхательные упражнения, прослушивание музыки, вязание, принятие душа или ванны. Важно помочь женщине выбрать наиболее подходящий для нее способ релаксации. Возможно примене-

ние специальной программы когнитивно-поведенческой терапии, которая включает в себя последовательные психологические упражнения. Эти упражнения направлены на то, чтобы научить человека успешно справляться с трудными жизненными ситуациями, освободить внутренний потенциал и помочь его полноценной реализации в повседневной жизни. После завершения такой программы люди перестают избегать конфликтных ситуаций и начинают искать новые способы снятия стресса помимо еды.

Подводя итог всему вышесказанному, важно подчеркнуть, что эффективная работа по решению проблемы нарушений пищевого поведения требует совместных усилий специалистов различных областей, активного включения самого человека и поддержку со стороны его окружения.

Литература

1. Бузунова Л.Г. Индивидуальная психокоррекция и типы женщин // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2005. - № 1. – С. 71-77.
2. Василькова Ж.Г. Возможности психокоррекции и психотерапии при психогенном переедании // Психология. Психофизиология. – 2022. – Том 15. № 4. – С. 47-58.
3. Комарова Д.Н. Методы психологической коррекции субъективного благополучия // Актуальные исследования. – 2020. – № 1 (4). – С. 49-51.
4. Рахимгараева Р.М. Психологические факторы удовлетворенности жизнью // Казанский педагогический журнал. – 2009. – С. 115-122.

Психологическая суверенность и субъективное отчуждение как детерминанты отклоняющегося поведения

Сергеева Ю.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Современный мир продолжает сталкиваться с проблемой отклоняющегося поведения, которая привлекает внимание учёных различных научных областей в поисках причин и факторов данного феномена.

Многочисленные определения девиантного поведения имеют общую основу, которая подразумевает под данным понятием действия, отклоняющиеся от норм, правил, ценностей и установок, принятых в определенном обществе (Пет-

русевич Д. Ф., 2011).

Предпосылками формирования отклоняющегося поведения являются различные факторы (Чиркина Р.В. и др., 2018). Внешние – такие, как напряженная и неустойчивая социальная, экономическая, идеологическая обстановка, сложившаяся в современном обществе, размытость нравственных и моральных норм. И внутренние, личностные факторы, связанные в том числе с периодом взросления индивида, во время которого происходит формирование собственной системы ценностей, взаимоотношений, осознание желаний и потребностей, становление психологических границ и пространства личности, в том числе, психологической суверенности.

Термин «психологическая суверенность» впервые был введен С.К. Нартовой-Бочавер и рассмотрен через призму суверенности психологического пространства в субъектно - средовом подходе (Мартыненко Е.А., 2022).

Психологическая суверенность представляет собой состояние границ субъекта в разных сферах жизни, обеспечивающее его физическое, социальное и психологическое благополучие, определяющее особенности мироотношения и мироощущения и описывающее качество межличностных отношений во всех их проявлениях (Нартова-Бочавер С.К., 2014).

Понятие психологической суверенности связано с множеством характеристик и включает всю область жизнедеятельности личности, ее благосостояние и самоощущение (Мартыненко Е.А., 2022).

Сложность данного феномена опосредована динамичностью: определяя суверенность посредством границ психологического пространства личности, подразумевается их движение – сужение и расширение, детерминируемое внутренними, межличностными, средовыми факторами, возникающими ситуациями и принятыми субъектом решениями в течение всего его жизненного пути (Мартыненко Е.А., 2019).

С.К. Нартова-Бочавер говорит о том, что уровень психологической суверенности складывается вместе со стадиями онтогенеза и возрастными изменениями социальной ситуации развития индивида. Таким образом, последовательное формирование границ и психологического пространства происходит с момента рождения и до совершеннолетия (Иванова Ю.В., 2023).

На данный процесс оказывают влияние любые средовые воздействия, включая убеждения и нормы, преподносимые значимыми взрослыми и референтной группой, отношения с окружающим миром и социумом, а также внешние условия, наличие собственной территории или личного пространства (Нартова-Бочавер С.К., 2005).

Чувство суверенности является важным и необходимым для индивида и определяет в равной степени психологическое здоровье личности, детерминиру-

емое чувством безопасности, контролируемости, целостности, посредством его психологических границ.

При этом, противоположное психологической суверенности явление, к которому могут привести различные неблагоприятные факторы воздействия, характеризуется самоотчужденностью, чувством отстраненности от реальности, затруднениями с процессом идентификации.

Указанные свойства отражают понятие субъективного отчуждения – состояния психики, характеризующегося потерей смысла жизни, чувством бессилия, безнадежности, одиночества и разобщенности с обществом.

Субъективное отчуждения проявляется в собственном ощущении отчуждения личностью. При этом, не существует определенного единого определения, раскрывающего данное понятие. Термин субъективного отчуждения раскрывается как собирательная характеристика процессов, проявлений и состояния личности (Черная А.В., Бодрухина А.Ю., 2020).

Переживание субъективного отчуждения сопровождается глубокими внутренними страданиями, чувством неудовлетворенности, потерей смысла всего происходящего, бессилием, апатичностью, замкнутостью, недоверием как к окружающим, так и к самому себе, что, в свою очередь, приводит к трансформации ценностных ориентаций и взаимоотношений с обществом. Описанные характеристики могут приводить к неадекватному самовосприятию, изоляции от себя, своего тела, мыслей, чувств и ощущений (Перетягин А. А., Игнатьева А. В., 2010).

Субъективное отчуждение и психологическая суверенность – это два важных психологических фактора, которые отражают уровень психологического благополучия, адаптации человека в обществе, качество взаимоотношений личности и окружающей среды, социума, что в том числе имеет отражение в тех или иных поведенческих проявлениях индивида.

Множество различных негативных факторов, воздействующих на личность в процессе ее развития, могут привести к отсутствию возможности благоприятного выстраивания психологической суверенности и, вследствие этого, наличием определенного уровня субъективного отчуждения, таким образом обуславливая психологические факторы отклоняющегося поведения.

Литература

1. Иванова Ю.В. Границы как показатель суверенности психологического пространства личности // Наука и практика в образовании: электронный научный журнал. – 2023. – Том 4. – № 3. – С. 109-113. – doi: 10.54158/27132838_2023_4_3_109.
2. Мартыненко Е.А. Особенности ценностно-смысловой сферы,

детерминирующей психологическую суверенность личности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2022. – №3. – С. 48-52. – doi: 10.57145/27128474_2022_11_03_10.

3. Мартыненко Е.А. Психологическая суверенность личности как состояние границ субъекта // АНИ: педагогика и психология. – 2019. – №3. – С. 349-352.
4. Нартова-Бочавер С.К. Новая версия опросника «Суверенность психологического пространства – 2010» // Психологический журнал. – 2014. – Том 35. – № 3. – С. 105–119.
5. Нартова-Бочавер С.К. Психологическая суверенность личности: генезис и проявления: дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2005. – 431 с.
6. Перетягин А.А., Игнатьева А.В. Проблема отчуждения личности в современном обществе // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: *Stadia historica jenium*. – 2010. – № 1. – С. 92-96.
7. Петрусевич Д.Ф. Сущностные характеристики девиантного поведения подростков // Вестник ТГПУ. – 2011. – № 6. – С.195-198.
8. Черная А.В., Бодрухина А.Ю. Психологические особенности субъективного отчуждения у студентов // Вестник ВятГУ. – 2020. – № 4. – С. 118-130. – doi: 10.25730/VSU.7606.20.062.
9. Чиркина Р.В., Делибалт В.В., Дозорцева Е.Г., Дегтярев А.В., Дебольский М.Г., Воронина А.В. К вопросу обоснования диагностических признаков различных категорий несовершеннолетних с противоправным поведением в контексте деятельности ПМПК [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2018. – Том 8. – № 1. – С. 77-94. – doi: 10.17759/psylaw.2018080106.

Вклад психологической травмы насилия в выстраивание сюжета художественных текстов

Сидорова Е.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Современные технологии оказывают значительное влияние на жизнь людей, создавая виртуальное пространство, где многие ищут отстранения от реальности. Это может приводить к различным проблемам, но также являться средой для самовыражения, например, для людей с травматичным опытом.

Одной из активно развивающихся областей онлайн-творчества является фанфикшн – художественные тексты, создаваемые поклонниками популярных произведений. Многие авторы фанфиков используют творчество для выражения своих эмоций и чувств, что делает анализ таких работ важным для понимания процессов переживания травмы и разработки эффективных методов психологической помощи и диагностики (Костюрина Н.Ю., 2016).

Исследователи из Университета Вермонта выделили шесть типов сюжетов, основываясь на эмоциональной арке: "Из грязи в князи" (подъем), "Из князи в грязи" (падение), "Человек в яме" (падение-подъем), "Икар" (подъем-падение), "Золушка" (подъем-падение-подъем) и "Эдип" (падение-подъем-падение) (Andrew J. Reagan и др., 2016). Эти архетипические сюжеты отражают общие эмоциональные переживания и используются в литературе, включая фанфикшн. Для людей, переживших травму, фанфикшн становится способом справиться с последствиями и провести внутреннюю рефлексию.

Цель исследования — изучить влияние психической травмы на сюжеты фанфиков у лиц, переживших насилие, анализируя уровень травматизации, копинг-стратегии и эмоциональные арки сюжетов.

Основная гипотеза предполагала, что у людей с травмой насилия в фанфиках чаще встречается положительный эмоциональный финал.

В рамках исследования был проведён интернет-опрос, включавший в себя анкету, три методики: «Опросник травматических ситуаций», ШОВТС и «Способы совладающего поведения», а также форму для сбора художественных текстов респондентов.

В исследовании участвовали 49 испытуемых в возрасте от 17 до 36 лет, которые писали фанфики после травмирующих ситуаций, преимущественно (46 человек) женщины. Экспериментальная группа включала людей, переживших сексуальное и/или физическое насилие, и имеющих индекс травматизации по методике LEQ три и более баллов, что указывает на наличие признаков посттравматического стресса (26 человек). Контрольная группа состояла из людей с индексом травматизации по методике LEQ два и менее баллов и без травматизации от сексуального и/или физического насилия (23 человека).

В результате анализа ответов на анкету выяснилось, что 76 процентов (37 человек) от общей выборки считают, что написание художественного текста внесло вклад в процесс совладания с травматическими переживаниями.

Исследование показало значительное влияние психической травматизации на построение сюжетов фанфиков у людей, переживших насилие. Эти авторы чаще выбирают эмоционально позитивные концовки (20 из 26 человек), стремясь к эмоциональному облегчению и чувству завершённости, что отличается от бо-

лее равномерного распределения эмоциональных арок в контрольной группе (12 положительных и 11 негативных).

Анализ выявил, что в самоотчётах люди чаще отмечают у себя симптомы избегающего поведения, тогда как в тексте у них преобладает описание симптомов физиологической возбуждённости. Это может быть связано с проявлением репрессивного типа совладания, который оказывает влияние на валидность данных из самоотчёта (Котельникова А.В., 2007). Таким образом, мы подчёркиваем необходимость проективных методов в более глубокой диагностике жертв насилия.

Структура копинг-стратегий в обеих группах показала доминирование стратегии «бегство-избегание», но в экспериментальной группе наблюдались тенденции к различиям в копинг-стратегиях в зависимости от типа эмоциональной концовки. Люди, использующие негативные концовки, склонны к временным облегчениям эмоционального состояния, тогда как авторы с позитивными концовками демонстрируют более высокие показатели по конструктивным копинг-стратегиям, что указывает на их готовность к активному решению проблем и поиску поддержки.

Таким образом, эмоциональные арки и симптомы травматических переживаний, отражённые в фанфиках, могут служить индикаторами внутреннего состояния и способов совладания с травмой. Эти выводы имеют потенциал для применения в юридической психологии, помогая в диагностике психического состояния жертв насилия и разработке интервенционных программ, таких как арт-терапия. Будущие исследования могут более глубоко изучить связи между различными видами травматизации, эмоциональными арками и копинг-стратегиями, что позволит лучше понять механизмы психологической адаптации и разработать эффективные методы психологической помощи и диагностики.

Литература

1. Костюрина Н.Ю. Фанфикшн как предмет научного исследования в российском гуманитарном знании // Ученые записки Комсомольского–на–Амуре государственного технического университета. – 2016. – Том 2. – №. 1(25). – С. 63-67.
2. Котельникова А.В., Падун М.А. Репрессивный тип совладания как угроза валидности исследованиям посттравматического стресса // Психология совладающего поведения. Материалы научно-практической конференции. 16–18 мая 2007. – Кострома, 2007. – С. 99-100.
3. Reagan A. J. et al. The emotional arcs of stories are dominated by six basic shapes // EPJ Data Science. – 2016. – Vol. 5 (31). – doi:10.1140/epjds/s13688-016-0093-1.

Связь стиля юмора и уровня правосознания у молодых людей

Филиппова М.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

Юмор оказывает значительное влияние на различные аспекты жизни людей, он может выступать в качестве средства общения или метода самовыражения (Султанов М.С., 2019). Стиль юмора является важным аспектом индивидуальности для людей юношеского возраста, часто он может отражать их убеждения, ценности относительно правовых норм, существующих в обществе. Злоупотребление разрушительными стилями юмора как следствие снижения межличностной чувствительности, может стать причиной негативных переживаний и состояния неудовлетворенности (Разваляева А.Ю., Польская Н.А., 2021). Все это при отсутствии внимания и коррекции может привести к тому, что морально-правовые нормы, принятые в обществе, могут не обладать для индивида личностным смыслом, что в свою очередь, может привести к их нарушению (Муслумов Р.Р., 2013).

Цель нашего исследования – выявление и изучение связи уровня правосознания и стиля юмора у молодых людей в возрасте от 18 до 23 лет

Гипотезами исследования послужило предположение о наличии связи между стилем юмора и уровнем правосознания у молодых людей, а именно молодые люди с разрушительными стилями юмора будут обладать более низким уровнем правосознания, чем юноши с положительными стилями юмора. Также нами было сделано предположение о том, что молодые люди, предпочитающие разрушительные стили юмора, обладают более низкой межличностной чувствительностью, что является фактором риска для развития противоправного поведения.

Методами и методиками исследования являются: методика “Анализ компонентов правового сознания” Муслумова Р.Р., опросник стилей юмора Р. Мартина в адаптации Е.М. Ивановой, О.В. Митиной и др., опросник “Уровни правосознания” Дж. Тапп и Ф. Левина, опросник межличностной чувствительности Ф. Бойса и Г. Паркера в адаптации А.Ю. Разваляевой и Н.А. Польской, качественный анализ описанных респондентами ситуаций, которые они считают смешными.

Выборку эмпирической части исследования составили 67 человек в возрасте от 18 до 23 лет, 16 из которых – мужчины, а 51 – женщины.

С помощью программы статистической обработки SPSS был проведен корреляционный анализ с использованием параметрического критерия Пирсона и непараметрического критерия Спирмена.

Результатом стало обнаружение наличия обратной связи между агрессивным стилем юмора и такими компонентами правосознания, как отношение к институтам права, отношение к праву, правовые установки, правовая активность и непредубежденность.

Между самоуничижительным стилем юмора и такими компонентами правового сознания, как отношение к институтам права, знание права, правовые установки также была обнаружена обратная связь.

Между агрессивным стилем юмора и межличностной чувствительностью обнаружена обратная связь. Между межличностной чувствительностью и самоуничижительным стилем прослеживается прямая связь. То же наблюдается и с аффилиативным стилем юмора. Между самоподдерживающим стилем юмора и межличностной чувствительностью корреляция в ходе анализа не была обнаружена.

Практическая значимость исследования определяется возможностью разработать на его основе профилактические методы по повышению уровня правосознания у лиц юношеского возраста. Понимание, использование каких стилей юмора сопряжено с законопослушным образом жизни, позволит разрабатывать системы программ и мероприятий, направленных на поддержание законопослушного поведения и формирования устойчивых морально-правовых ценностей у людей юношеского возраста.

Литература

1. Муслумов Р.Р. Правовое сознание личности: учебное пособие – Екатеринбург, 2013. – 84 с.
2. Разваляева А.Ю., Польская Н.А. Психометрические свойства русскоязычной трехфакторной версии Опросника межличностной чувствительности// Консультативная психология и психотерапия. – 2021. – Том 29. – № 4. – С. 73-94. – doi:10.17759/ crr.2021290405.
3. Султанов М. С. Трансформация юмора в современной медиасреде: социокультурные особенности // Человек в мире культуры: проблемы науки и образования (XIV Колосницынские чтения): материалы Международной научной конференции, Екатеринбург, 26–27 апреля 2019 года – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2019. – С. 99-103.

Профайлинг как способ выявления признаков употребления наркотических веществ в образовательных организациях

Цветков И.В.

Тверской государственный университет
(г. Тверь)

Научный руководитель – Афтахова А.В.

Количество людей, употребляющих наркотики, продолжает расти, а наркомания становится одной из наиболее значимых глобальных проблем современности. Это подтверждается докладом ООН, согласно которому за прошедшее десятилетие (2010-2020) количество наркопотребителей в мире выросло на 23 процента и достигло в 2021 году 296 миллионов человек. Негативной тенденцией последнего десятилетия является увеличение числа молодёжи, страдающей наркотической зависимостью. По данным Российского НИИ судебной психиатрии, количество подростков, страдающих наркоманией, возросло в 18 раз за последние 10 лет (Ментюкова М.А., Пустовалова О.С., 2022).

Согласно статистике судебного департамента Российской Федерации, за 2023 год по ст. 228 УК РФ и 228.1 УК РФ было осуждено 14 713 человек младше 25 лет, среди которых 1237 на момент совершения преступления не достигли возраста 18 лет, что свидетельствует о неразрешённой проблеме наркопотребления и наркопреступности среди несовершеннолетних.

В большинстве случаев употребление наркотических веществ начинается именно в компании сверстников, с которыми наибольшее количество времени подростки проводят именно в образовательных организациях, поэтому данные учреждения могут оказывать влияние как на профилактику наркомании, так и на борьбу с наркопреступностью среди молодёжи. Стоит отметить, что важным фактором повышения качества подобной деятельности в образовательных организациях мы считаем выявление признаков наркотической зависимости среди обучающихся.

На сегодняшний день в школах основным средством выявления наркотической зависимости является ежегодное тестирование на наркотики, которое включает в себя: осмотр врача, профилактическую беседу, а также забор анализов. В настоящее время данная процедура применяется в соответствии со ст. 53.4 ФЗ от 08.01.1998 № 3 «О наркотических средствах и психотропных веществах». В соответствии с указанными актами тестирование является добровольным и проводится исключительно с согласия родителей или самого обучающегося, достигшего 15-ти лет. При этом стоит отметить, что даже если подросток согласился на прохождения процедуры сдачи анализов, у него есть возможность повлиять на

результаты, например, подменив сдаваемый биоматериал. При использовании технологий профайлинга подобных проблем возникнуть не может, так как специалист действует опосредованно и может, не контактируя с обучающимися, выявить первичные признаки зависимости, при этом не нарушая их личные границы.

Технологии профайлинга могут стать действенным инструментом для выявления как фактов употребления наркотических средств, так и наличия наркотической зависимости у обучающихся соответствующих образовательных организаций. Своевременное выявление первичных признаков употребления наркотических средств у подростков позволяет принять необходимые меры профилактики и более эффективно использовать имеющиеся ресурсы для борьбы с распространением психоактивных веществ на территории образовательных организаций. Огромное влияние подростки оказывают друг на друга и поэтому выявление индивидов, страдающих наркотической зависимостью, поможет значительно уменьшить риск распространения запрещённых веществ в рамках образовательного учреждения.

Профайлинг – это комплекс социально-психологических методик по диагностике личностных особенностей, скрываемых мотивов и оценке сообщаемой информации, основанных на оценке невербального, вербального и субвербального поведения субъекта, по прогнозированию сценариев развития ситуаций и отношений, поступков, моделей поведения и общения человека (Арпентьева М.Р., 2016). Технологии профайлинга успешно применяются за рубежом с 70-ых годов прошлого века, в том числе и для выявления наркопреступности (Пелюх Е.И., 2013). Профайлинг позволяет анализировать окружающую обстановку, поведение людей, искать подозрительные признаки и устанавливать причинно-следственные связи. Технология профайлинга представляет собой систему предотвращения противоправных действий путем профилирования, т. е. выявления потенциально опасных лиц на основе невербальной и оперативной диагностики, которую, на наш взгляд, возможно использовать для выявления признаков наркотической зависимости в образовательных организациях.

В системе профайлинга наибольший интерес представляют особенности поведенческих реакций, соответственно, профайлеру желательно иметь некоторые специальные знания в области прикладной психологии. В рамках образовательных учреждений стоит предусмотреть возможность использования технологий профайлинга педагогами-психологами, среди которых следует предусмотреть возможность проведения курсов повышения квалификации с целью обретения необходимых навыков и ознакомления с техниками профайлинга. Технологии профайлинга возможно применять в рамках основных занятий обучающихся, когда педагог-психолог, получивший соответствующую компетенцию, методом

наблюдения за поведением обучающихся может идентифицировать первичные признаки наркоупотребления и в дальнейшем, с помощью методов психологии в их прикладном аспекте, проводить дополнительную работу с отдельными лицами с целью подтверждения или опровержения полученной информации.

Для составления профиля асоциальных подростков чаще всего используется комплексный метод, который является эффективным способом работы по борьбе с первичной преступностью несовершеннолетних и рецидивами (Аптикиева Л.Р., 2018). Технологии профайлинга могут помочь выявить не только наркотическую зависимость среди подростков, но и другие противоправные намерения, которые также нередко можно встретить в образовательных учреждениях. Выявление подозрительных моментов во внешности и поведении людей возможно посредством применения психологического тестирования в работе профайлера, которое здесь понимается как визуальная диагностика внутреннего состояния человека через видимые проявления характерных признаков. Применение психологического профилирования при работе с подростками с асоциальным поведением имеет ряд специфических особенностей, обусловленных половозрастными, личностными характеристиками.

Подводя итоги, стоит отметить, что профайлинговая система имеет несомненную практическую ценность, поскольку позволяет оценивать достоверность получаемой информации от человека или группы людей. Внедрение технологий профайлинга в образовательный процесс с помощью подготовки педагогов-психологов для проведения соответствующей работы в рамках образовательного процесса несомненно поможет в выявлении наркотической зависимости среди обучающихся и профилактики наркопреступности.

Литература

1. Апткиева Л.Р. К вопросу применения профайлинга при работе с асоциальными подростками // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2018. – №2 (214). – С. 58-65.
2. Арпентьева М.Р. Экспертный профайлинг как сфера профессиональной деятельности психолога-практика // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. – 2016. – №3. – С. 20-31.
3. Ментюкова М.А., Пустовалова О. С. Современная наркотическая ситуация как криминогенный фактор роста преступности [Электронный ресурс] // Право: история и современность. – 2022. – №1. – С. 119-128. – doi: 10.17277/pravo.2022.01.pp.119-127.
4. Организация Объединённых Наций: сайт [Электронный ресурс] // URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/06/1442332#> (дата обращения: 05.05.2024).

5. Пелюх Е.И. Профайлинг как одно из современных направлений обеспечения транспортной безопасности: постановка проблемы // Вестник БелЮИ МВД России. – 2013. – №2. – С. 81-84.
6. Судебный департамента при Верховном суде Российской Федерации: сайт [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 05.05.2024).

Ценностно-смысловые ориентации как индикатор риска развития девиантного поведения

Чернышова Д.О.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Булыгина В.Г.

Теоретическая актуальность данной работы заключается в сложности определения понятия «ценностно-смысловые ориентации» из-за множества различных подходов, а также сложность дифференциации ценностей и определение их направленности в дихотомии положительное-отрицательное. Проблема девиантного поведения является актуальной и значимой для юридической психологии. Подростковый возраст является наиболее сложным в развитии личности и сензитивным для перестройки личностных сфер. В работе поднимается вопрос о различиях в ценностно-смысловых ориентаций у подростков, воспитывающихся в семьях, и подростков, оставшихся без попечения одного или обоих родителей. Необходима разработка методических рекомендаций и профилактических мероприятий по выявлению маркеров и снижению риска развития девиантного поведения.

Если говорить о степени разработанности проблемы, важно сказать о том, что в настоящий момент существует большое количество теоретических и эмпирических исследований особенностей ценностно-смысловой сферы личности и ее влияния на формирование девиантного, делинквентного и криминального поведения. Проблема становления девиантного поведения по-прежнему является значимой в психологическом научном сообществе и нуждается в решении.

В данной работе проводится сравнительный анализ особенностей ценностно-смысловых ориентаций у подростков, воспитывающихся в семьях, и подростков, оставшихся без попечения одного или обоих родителей. Несмотря на большое количество исследований по темам «ценностно-смысловые ориента-

ции» и «девиантное поведение» данная проблема ранее не освещалась в научных работах.

Ценностно-смысловые ориентации по своей сути являются отражением окружающей действительности, и в то же время они – инструмент познания. Формирование ценностных ориентаций происходит при трансформации категории «знание» в категорию «значимость». Ценностно-смысловые ориентации оказывают влияние на процесс становления личности. Они определяют ценностные отношения, влияют на социальные установки и процесс социализации (Алексеев В.Г., 1979).

В.И. Загвязинский и И.Н. Емельянова предлагают типологию «непреходящих ценностей», которые не зависят от социально-исторических условий: 1) социальные (жизнь, семья, природа); 2) нравственные (коллективизм, честность, духовность); 3) эстетические и 4) гражданские. Данная типология отражает направление воспитательного процесса как этапность развития самосознания личности. В детстве для ребенка ценность представляет семья, в школьном возрасте – коллективизм. Для подростка наибольший интерес представляет эстетика, юноши и взрослые направлены на общество (Аль-Янаи М.Г., 2020).

Таким образом, ценность – значимый объект и/или его свойства для личности, которые проходят личностную оценку посредством субъективной интерпретации. Ценности выстраиваются в четкую иерархию и формируют ценностные ориентации – цели и идеалы, определяющие жизненный путь. Ценности возникают в ответ на потребности, и потому оказывают значительное влияние на эмоционально-мотивационную сферу личности, формируя набор стратегий поведения. Социальная деятельность обеспечивает эффективность процесса встраивания их в сферы личности, а потому нарушения в социализации могут приводить к формированию дезадаптивных реакций и девиантного поведения.

Исследователи М.П. Зайцев, В.И. Загвязинский и другие различают понятия «девиантное поведение» и «отклоняющееся поведение». По их мнению, понятие отклоняющееся поведение шире и включает себя собственно девиантное, антиобщественное и делинквентное (Алиева М. Г., 2019).

Дети-сироты дезадаптированы и испытывают трудности в самостоятельности и принятии решений. Школьное обучение и воспитатели детских домов не могут удовлетворить все потребности всех воспитанников, в особенности, потребность в семье (Арифова А.Ю., Кольчик Е.Ю., 2019). В связи с этим подростки переживают стресс и сильное эмоциональное напряжение. Фрустрация базовых потребностей и невозможность социализироваться могут привести к формированию устойчивого девиантного поведения.

Ценности как личностно-значимые объекты обусловлены потребностями и определяют стратегии поведения. Ценности имеют субъективную полярность в

дихотомии положительное-отрицательное и формируют соответствующее поведение – просоциальное или девиантное. У детей, оставшихся без попечения родителей, фрустрированная потребность в семье становится самой значимой ценностью в отличие от детей, воспитывающихся в семье (Белинская Е.П., 1997).

Дети-сироты, испытывая депривацию по отношению к семье и социализации, попадают в группу риска формирования отклоняющегося поведения, в особенности аутодеструктивной аддиктивной формы девиации.

Это обусловлено также особенностями возраста: искаженная Я-концепция, сильные расхождения в реальном и идеальном Я-образе, нарушения эмоционально-волевой сферы и психические расстройства.

Таким образом, возникает необходимость детального исследования ценностно-смысловой сферы детей, оставшихся без попечения родителей, что позволит разработать методические рекомендации профилактики и коррекции девиантного поведения посредством формирования положительных ценностных ориентаций.

Литература

1. Алексеев В.Г. Ценностные ориентации личности и проблема их формирования. – М., 1979. – 209 с.
2. Алиева М. Г., Славкина Я.С., Алиева О.В. Характеристика девиантного поведения подростков // Kazakhstan Science Journal. – 2019. – Том 2. – № 4(5). – С. 44-48.
3. Аль-Янаи Е.К. Сущность и генезис понятий "ценность", "ценностные ориентации", "ценностное отношение" в педагогике // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – №4. – С.1-10.
4. Арифова А.Ю., Кольчик Е.Ю. Понятие и виды девиантного поведения в подростковом возрасте // Форум молодых ученых. – 2019. – №3 (31). – С.119 - 123.
5. Белинская Е.П. Я-концепция и ценностные ориентации старших подростков в условиях быстрых социальных изменений // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. – 1997. – № 4. – С. 24.

Особенности образа преступника среди студентов разных специальностей

Васильева М.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва).

Научный руководитель – Бовина И.Б.

Изучение феномена преступности – крайне важная тема для современного общества. Данные Генеральной Прокуратуры Российской Федерации по состоянию на 2016 год указывают, что Россия занимает 3 место в мире по числу преднамеренных убийств на 100000 человек населения, а также 3 место по количеству осужденных лиц в целом. Также неочевидным фактом является то, что каждый человек в силу своих индивидуальных особенностей может акцентировать внимание на разных качествах и чертах описываемого правонарушителя. Потому запросы практики требуют своевременного изучения преступников, их личности, а также их восприятия общественностью. Изучать личность преступника крайне важно, так как именно она является ключевым звеном преступного поведения (Климентьева Ю.Р., 2020). На сегодняшний день уже было проведено множество исследований, посвященных изучению личности преступника. Например, Р.И. Хамбулатов изучал личность преступника как элемент криминалистической характеристики (Хамбулатов Р.И., 2017), а Ю.М. Антонян и В.Е. Эминов при определении личности преступника выделяли определенные признаки (Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е., 2004). Однако существующие на данный момент работы не освещали вопросы изучения особенностей восприятия преступников людьми разных специальностей.

Цель данной работы – выявление особенностей восприятия преступников и насильственных преступников психологами и юристами. Главной задачей выступает проведение ассоциативного эксперимента среди студентов разных специальностей (юристы, клинические психологи, юридические психологи, психологи-педагоги), а также подтверждение гипотезы о существовании различий образа преступников людьми разных специальностей.

Объектом исследования является образ преступника. Предметом исследования выступают особенности образа насильственного преступника у студентов разных специальностей. Объем выборки – 86 человек. Среди них: юридические психологи – 18 человек, клинические психологи – 25 человек, психологи - педагоги – 16 человек, юристы – 27 человек. Возраст выборки – от 19 до 27 лет. Раз-

деление по половому признаку составило: 23 (26,7%) мужчины и 63 (73,3%) женщины.

По результатам проведенного исследования были получены следующие данные:

При ассоциировании стимула «преступник»:

- юридические психологи чаще других профессиональных групп упоминают категории “наказание”, “девиантность”, “следствие”, “асоциальность”, “импульсивный”.
- клинические психологи чаще других профессиональных групп используют категории “тип преступника”, “закон”, “вина”, “насилие”, “причинение вреда”, “мужчина”, “плохой”, “смерть”, “воспитание”.
- психологи-педагоги чаще других профессиональных групп выделяют категории “преступление”, “черты характера”, “агрессия”, “опасность”, “страх”, “обман”, “оружие”, “жестокость”, “жертва”, “эмпатия”.
- юристы чаще других профессиональных групп упоминают категории “человек”, “внешность”, “антисоциальный”, “кровь”.

При ассоциировании стимула “насильственный преступник”:

- юридические психологи чаще других профессиональных групп упоминают категории “насилие”, “тип преступника”, “агрессия”, “оружие”, “сила”, “мужчина”, “кровь”, “импульсивный”, “плохой”, “вина”.
- клинические психологи чаще других профессиональных групп упоминают категории “наказание”, “страх”, “черты характера”, “сексуальная девиация”, “эмпатия”, “девиантность”, “смерть”.
- психологи-педагоги чаще других профессиональных групп упоминают категории “причинение вреда”, “опасность”, “жертва”, “психопатия”, “жестокость”, “следствие”.
- юристы чаще других профессиональных групп упоминают категории “человек”, “преступление”, “закон”, “антисоциальный”, “воспитание”, “внешность”, “асоциальность”.

Отдельно необходимо указать на следующие результаты, полученные в результате сравнения ответов студентов из разных профессиональных групп:

Психологи рассматривают и опираются на качества преступника и на правовую сторону, юристы, в свою очередь, выделяют именно внешние факторы, а также антисоциальность.

Интересно, что клинические психологи практически не выделяли категорию “психопатия” – всего 2 раза при описании двух стимулов, в то время как юристы выделяют данную категорию чаще остальных.

Клинические психологи чаще других профессиональных групп выделяют категорию “смерть”.

Юристы не делают акцент на мужском поле, в отличие от других профессиональных групп данного исследования. Также только эта профессиональная группа использует понятие “невменяемость”.

Психологи-педагоги чаще других профессиональных групп выделяют категории “опасность”, “жертва”, “жестокость”.

Юридические психологи чаще других профессиональных групп выделяют категорию “импульсивность”.

Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод, что студенты разных специальностей действительно имеют свои особенности восприятия преступной личности. Данные исследования могут оказаться полезными для следователей, которые смогут применять в своей работе знания о том, как личные особенности свидетелей могут исказить образ подозреваемого.

Литература

1. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 470 с.
2. Климентьева Ю.Р. Классификация и типология личности преступника как элемента криминалистической характеристики // Достижения науки и образования. – 2020. – № 16 (70). – С. 32-34.
3. Хамбулатов Р.И. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики // Новое слово в науке: стратегии развития. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2017. – С. 166-167.

Макиавеллизм как психологическая особенность лиц, осуществляющих профессиональную деятельность в рамках нормотворчества

Ельмеева М.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бусарова О.Р.

В отечественной науке в настоящее время активное развитие получает правовая психология, предметом изучения которой является отражение в сознании людей влияния воспринимаемых ими правовых норм.

На законодательном уровне правовое регулирование отношений между людьми в Российской Федерации имеет закрепленную процедуру принятия, внесения изменений и дальнейшей реализации нормативно-правовых актов. Ее сущ-

ность заключается в законотворческом процессе, понимания которого исключительно с юридической точки зрения недостаточно. В течение последних десятилетий остро стоит вопрос принятия и изменения федеральных законов с учетом актуальных потребностей как граждан, так и самого государства. В связи с этим субъекты законодательного процесса осуществляют социально-значимую деятельность в рамках общественно-политического направления работы, и, следовательно, имеют влияние на исход применения разрабатываемых и действующих правовых норм.

Для эффективной реализации деятельности по отражению интересов граждан и государства в формируемой субъектами законодательного процесса законодательной базе следует более подробно изучать психологические особенности лиц, вносящих непосредственный вклад в принятие законодательных актов, регулирующих повседневную жизнь каждого человека. В первую очередь, к ним относятся парламентарии законодательных органов на федеральном, региональном и местном уровнях, а также сотрудники политических партий. Проведение подробного анализа личностных особенностей и профессионального потенциала лиц, занимающихся общественно-политической деятельностью, свидетельствует об осознанном интересе к развитию правовой психологии в рамках изучения процессов законотворчества и принятия решений государственной важности (Сушко В.А., 2018).

На основе понимания принципа независимости законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти в России необходимо иметь четкое представление о том, что представитель законодательной власти будет обладать личностными характеристиками, отличными от представителя исполнительной ветви. Данный факт обуславливается непосредственным взаимодействием законодателя с его избирателями и населением, в то время как исполнительная власть реализует мероприятия по выполнению законов и нормативных актов профильных ведомств.

И.С. Палитай и В.С. Викулина предполагают, что механизм получения власти и ее осуществления включает в себя необходимость для общественно-политического деятеля производить впечатление на потенциальных избирателей и манипулировать их настроением, мнением, установками (Палитай И.С., Викулина В.С., 2020). Подобная стратегия политического поведения находит свое отражение в понятии «макиавеллизм», т.к. его предметная суть в применении коммуникативных тактик обладает наибольшим влиянием в кратковременных контактах, не предполагающих близких отношений, но направленных на достижение заранее определенных целей.

Макиавеллизм как предмет исследования появился в политологии и впервые был перенесен в психологию западными исследователями Р. Кристи и Ф.

Гейз в 60-х годах XX века, а в 80-х гг. появился в отечественных работах И.Г. Кокуриной и В.В. Знакова. Данный термин обусловлен исторически и берет свое начало в трактате Н. Макиавелли «Государь» о стратегиях удержания единовластия, управления государством и толпой. Н. Макиавелли сформулировал собственное определение, которое отражает совокупность моделей и стратегий политического поведения, допускающего использование различных средств и методов, в том числе «жестоких и коварных» по отношению к другим людям.

В наиболее общем психологическом понимании макиавеллизм представляет собой совокупность отрицательных черт личности. Феномен уникален тем, что в него входит два параметра воздействия – на сознание одного человека и на сознание группы (коллектива). Макиавеллистом называют субъекта, в основе деятельности которого лежат физически неагрессивные инструменты достижения собственных целей – лесть, обман, запугивание своих собеседников. А.А. Вихман выделяет три основных фактора данного феномена (Вихман А.А., 2011):

- поведенческий, т.е. активное использование техник манипуляций в межличностной коммуникации для достижения собственных целей;
- отношенческий, т.е. наделение людей такими качествами как слабость, конформность, зависимость от мнения социума, а также демонстрация им своей подозрительности, эмоциональной отчужденности в целях получения выгоды;
- игнорирование общепринятых в культуре и социуме моральных и этических норм.

Подобным образом реализуется психологическое воздействие, т.е. направленная передача информации от одного человека к другому с целью изменения состояния или поведения оппонента. Целесообразность отождествления феноменов «макиавеллизм» и «манипулятивное поведение» вызывает дискуссии среди отечественных исследователей, однако очевидными становятся существенные различия между ними, в частности: степень осознанности, целенаправленности и скрытности манипулятивных действий и поступков.

По результатам эмпирических исследований, макиавеллизм положительно коррелирует с подозрительностью и враждебностью (М. Ames, А. Kidd, 1979), интеллектом, рациональными установками и потребности в достижении (F.L. Geis, 1978). Необходимо отметить и возрастную составляющую, оказывающую влияние на степень его выраженности: чем моложе человек, тем ярче проявляются черты макиавеллизма в поведении (Знаков В.В., 2005). Макиавеллизм увеличивается с возрастом до поздней юности, после чего снижается.

На основе изложенного выше необходимо особенно подчеркнуть важность исследования проявлений макиавеллизма среди прочих личностных особенностей в силу их непосредственного влияния на стремление к получению властных

полномочий, стратегического мышления и использования неэтичных способов коммуникации. Его ярко выраженные черты, вероятно, могут способствовать игнорированию интересов граждан и принципов справедливости в рамках законотворческого процесса среди лиц, имеющих непосредственные полномочия участия в принятии управленческих и распорядительных решений. Изучение социально-психологических особенностей представителей юридических профессий, к которым в том числе относятся и парламентарии, обеспечивает прозрачность и повышение доверия к правовой системе и действующему законодательству в целом.

Литература

1. Вихман А. А. Лживость в структуре интегральной индивидуальности: дис... канд. психол. наук. – Пермь, 2011. – 178 с.
2. Палитай И.С., Викулина С.В. Личностный и профессиональный потенциал молодых депутатов Государственной Думы: политико-психологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2020. – № 6. – С. 69-82.
3. Сушко В.А. Общественно-политическая деятельность молодежи России: теоретический подход и эмпирический анализ // Научно-аналитический журнал Обозреватель Observer. – М: Издательство: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). – 2018. – №4. – С. 87-100.
4. Ames M., Kidd A. Machiavellianism and women's grade point averages // Psychological Reports. – 1979. – № 1. – P. 223-228.
5. Geis F.L. Machiavellianism // Dimensions of personality. N.Y.: A Wiley-Inter- science Publication. – 1978. – P. 305-364.

Военно-профессиональный стресс у участников боевых действий

Корсакова Л.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Бойкина Е.Э.

На сегодняшний день в обществе увеличивается уровень военно-профессионального стресса вследствие военных столкновений, войн. Следовательно, повышается нужда в грамотных сотрудниках, работающих в сверхэкстремальной среде.

Человеческое общество создаёт вооруженные столкновения, мучаясь от их последствий. Последствия военно-профессионального стресса проявляются в виде душевных травм, профессионального выгорания, распада семьи, повышения смертности. Эта тенденция проявляется у военнослужащих разных силовых структур. Изучение данной темы особенно актуально в условиях Специальной военной операции для военных России. Уровень военно-профессионального стресса влияет на сохранение всего государства (Китаев-Смык Л.А., 2001, с. 80).

Военная служба в вооруженных конфликтах повышает требования к уровню психологической готовности сотрудников, их стрессоустойчивости. Тему военно-профессионального стресса рассматривали ученые: В.А. Абабков, Л.М. Аболин, А.А. Баранов, В.А. Бодров, Б.Х. Варданян. Изучение феномена военно-профессионального стресса и стрессоустойчивости важно для сотрудников разных ведомств, деятельность которых направлена на защиту государства (Бодров В.А., 1995, с. 22).

Важной угрозой для сотрудников разных ведомств является военно-профессиональный стресс и его последствия.

Элементы, оказывающие влияние на участников боевых действий:

- 1) угроза жизни;
- 2) гибель однополчан;
- 3) нехватка семьи;
- 4) плохие условия жизнедеятельности (Введение в профессию..., 1992, с. 58).

В подготовке психологов, работающих с военными, уделяется большое внимание уровню военно-психологического стресса сотрудников силовых структур.

Таким образом, можно выделить следующие факторы, влияющие на уровень военно-профессионального стресса:

- 1) длительность влияния стресса;
- 2) персональные особенности перенесения стресса (Анцупов А.Я., 1998, с. 22).

Следовательно, важно выделить значимость уровня подготовки участников боевых действий, их стрессоустойчивость.

В нашем исследовании применялись методики: методика определения доминирующего психического состояния (ДС-6) «ДПС-1», «Дифференцированная оценка работоспособности (ДОРС)» (А.Б. Леонова, С.Б. Величковская); тест на самооценку стрессоустойчивости личности (Н.В. Киршева, Н.В. Рябчикова).

Выборку исследования составили 30 человек. В одну группу входили сотрудники без опыта службы – 15 человек. Средний возраст – 20 лет. Вторая группа респондентов: военные, срок службы которых от 4 лет и более лет – 15

человек, каждый из которых принимал участие в боевых действиях. Средний возраст 35 лет.

Главное внимание исследования сосредоточено на сравнительном анализе данных стрессоустойчивости военных с разным сроком службы, отслеживании динамики военно-профессионального стресса в период пребывания на службе.

По методике определения доминирующего психического состояния (ДС-6) «ДПС-1» по шкале потенциала активности были получены следующие данные: сотрудники без опыта службы: высокий уровень активности 65%, в то время как у военнослужащих со сроком службы от 4 лет и более лет – 15%. Военные со стажем службы от 4 лет и более ощущают эмоциональное выгорание, что связано с регулярным проживанием стресса.

«Дифференцированная оценка работоспособности» (А.Б. Леонова, С.Б. Величковская), шкала «Монотония» показала, что сотрудникам без опыта службы низкий уровень монотонии свойственен 50% обследованных, в то время как этот же показатель у военнослужащих со стажем имеют 25% респондентов. Увеличение уровня монотонии приводит к росту количества ошибок, потере бдительности.

По результатам теста на самооценку стрессоустойчивости личности (Н.В. Киршева, Н.В. Рябчикова), достаточно низкий уровень стрессоустойчивости обнаружен у 20% военнослужащих без опыта службы, в то время как среди военных со стажем от 4 лет и более им обладают 5%. Вновь прибывшие военнослужащие показывают более низкий уровень стрессоустойчивости, чем военные с опытом. Военные с опытом имеют выраженные показатели высокого уровня стрессоустойчивости.

Данное исследование выделяет высокий уровень стрессоустойчивости у военных, рассмотрены показатели стрессоустойчивости у военнослужащих с разным опытом работы. Наибольший уровень стрессоустойчивости наблюдается у военных, работающих в экстремальных ситуациях.

Исследование говорит о необходимости профилактики военно-профессионального стресса и важности доступности профессиональной психологической помощи.

Необходимы внедрение специальной психологической работы по профилактике стрессовых состояний военных, совершенствование подготовки сотрудников, повышение качества их психического здоровья и стрессоустойчивости.

Литература

1. Анцупов А.Я., Бондаренко В.Н., Буянов В.И. Военная психология и педагогика: учебное пособие – М.: Совершенство, 1998. – 143 с.

2. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие учения и современное состояние проблемы – М.: Институт психологии РАН, 1995. – 75 с.
3. Введение в профессию: для войсковых психологов. – М.: Воениздат, 1992. – 128 с.
4. Китаев-Смык Л.А. Стресс войны: фронтовые наблюдения врача-психолога. – М., 2001. – 80 с.

Прочтение восстановительного посредничества в контексте уголовно-процессуальных конфликтов

Кофанова В.С.

Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)

Научный руководитель – Маврин О.В.

Проблема освещенности возможного внедрения восстановительного посредничества как инструментария системы альтернативных методов разрешения конфликтов (далее – АРК) рассматривается как отечественными, так и зарубежными учеными разных областей знаний: конфликтологии, социологии, психологии, а также юриспруденции.

Важно отметить, что уголовно-процессуальное рассмотрение конфликтов является относительно новой средой для выявления мотивов, установок и целей сторон-участников конфликтного взаимодействия. Подобные факторы обуславливаются не только психологической базой, но и социальной, в которую по большей степени включены нравственные и моральные мотивы.

Анализ функций уголовно-процессуального конфликта берет свое начало с исследований социологов XX столетия. Так, изучение теории позитивно-функционального конфликта Л. Козера (Сычева Е.Ю., Кусова Л.Н., Тимофеева В.А., 2021) помогает установить причинно-следственную связь нравственных и моральных факторов в уголовно-процессуальных конфликтах. Наличие позитивных функций подобных конфликтных взаимодействий становится обоснованным, поскольку именно уголовно-процессуальный конфликт имеет прочтение социального явления, где отмечается противоборство интересов и целей сторон-участников, приводящее к компромиссному решению.

Несмотря на противоречивость взаимосвязи позитивных функций и уголовно-процессуальных конфликтов, важно раскрыть роль компромиссного решения в конфликтах данного вида. Такой способ урегулирования конфликтов отмечается как наиболее распространенный и приемлемый в рамках социального

взаимодействия. Раскрыв социальную сущность уголовно-процессуальных конфликтов и методов их разрешения, необходимо упомянуть и правовую сферу, в которой конфликтное взаимодействие продолжает свое развитие в связи с наличием факта деяния и нарушения закона. Отмечается ведущая роль противоречий интересов государства и сторон-участников уголовно-процессуальных конфликтов.

Большое влияние на идеологическую и практическую составляющие уголовно-процессуальных конфликтов оказывают реализуемые методы в рамках уголовного процесса. Арбитражный метод, по-другому обозначается как судебный, наиболее часто и эффективно применяется в уголовном процессе (Высоцкая А.М., 2023). В отличие от уголовно-правовых конфликтов, где реализуется императивный метод, уголовный процесс не злоупотребляет личностными, моральными и нравственными мотивами сторон-участников конфликтного взаимодействия.

Арбитражный метод с наибольшей эффективностью реализует принципы независимости и беспристрастности суда по отношению к сторонам-участникам, чьи интересы, чаще всего, диаметрально противоположны (Смирнов А.В., Калининский К.Б., 2008). Несмотря на состязательный тип уголовного процесса, подобные принципы суда сохраняются до момента разрешения уголовно-процессуального конфликта. Таким образом, в рамках рассмотрения уголовно-процессуальных конфликтов отмечается возможность внедрения большего количества инструментов восстановительного посредничества системы АРК.

Прочтение нравственности и сохранение личностных мотивов в уголовном процессе являются основополагающими факторами при разрешении конфликтов данного вида. Характер способов разрешения уголовно-процессуальных конфликтов обуславливается также сохраняемыми принципами суда и основными мотивами и интересами государства в процессе противодействия и профилактики подобных социальных явлений. Стоит отметить, что взаимосвязь реализации интересов государства в разрешении подобного вида конфликтов и наиболее часто встречающихся способов урегулирования уголовно-процессуальных конфликтов довольно специфична.

Отличительная особенность системы АРК раскрывается в ходе реализации основополагающих принципов (Карпенко А.Д., 2011). Конфиденциальность информации выступает главенствующим фактором в работе, направленной на наиболее эффективное разрешение уголовно-процессуальных конфликтов. Данный принцип позволяет сторонам-участникам процессуального взаимодействия предавать гласности интересы, потребности и ценности, затронутые в результате совершения преступления, что находит положительное отражение в результативности восстановительного инструмента.

С не меньшей востребованностью в работе реализуется принцип равноправия, что позволяет всем участникам уголовно-процессуальных конфликтов в равной степени проявлять заинтересованность в достижении взаимоприемлемого решения. Также это сказывается на пролонгации результатов данного способа урегулирования процессуальных конфликтов, где в равной степени фиксируются все санкционные аспекты за несоблюдение выработанного соглашения как со стороны, совершившей противоправное деяние, так и со стороны, нуждающейся в реституции.

Вспомогательным принципом, свойственным инструментам системы АРК, выступает нейтральность. Независимая сторона, модерлирующая восстановительное посредничество, реализует данный принцип по отношению к участникам уголовно-процессуальных конфликтов. Вырабатываемая нейтральность со стороны посредника позволяет участникам сепарироваться от исключительного уголовного процесса, наделенного арбитражным методом состязательного типа. Эта особенность восстановительного посредничества раскрывается посредством безоценочных суждений, проработок модератором процедуры, что позволяет с наибольшей эффективностью, обусловленной рамками уголовного процесса, воспроизвести и восполнить нарушенный баланс прав и ценностей участников.

Принцип добровольности определяет дальнейшую работоспособность конфиденциальности, равноправия и нейтральности. Это характеризуется тем, что стороны-участники входят в восстановительную процедуру добровольно без оказываемого давления со стороны государства и обременяющих факторов под видом процессуальных обязательств. Добровольность взаимного участия определяет высокий уровень соискания приемлемого всеми участниками уголовно-процессуальных конфликтов решения, что позволяет наиболее эффективно проработать интересы и ценности сторон. Принцип добровольного участия в восстановительной процедуре коррелируется с прочтением законодателем понятий конфликтов как циклических и естественных социальных процессов. Также определяется и фактический уровень профилактических мер, направленных на деструктивную часть естественных социальных явлений. Так, можно отметить, что добровольность косвенно определяется воспитательным и социализирующим характером, что в равной мере с принципом конфиденциальности влияет на пролонгацию результатов достигнутого соглашения.

Подробный анализ и проработка принципов инструментов системы АРК позволяет резюмировать влияние восстановительного посредничества в области уголовно-процессуальных конфликтов.

Гуманистическая направленность в разрешении уголовно-процессуальных конфликтов подводит к возможности увеличения практического применения восстановительного инструментария системы АРК. Такая практика позволит бо-

лее точно и корректно реализовывать нравственные и моральные факторы в процессе разрешения уголовно-процессуальных конфликтов.

Литература

1. Высоцкая А.М. Соотношение российской правовой системы и романо-германской правовой семьи // Вопросы российской юстиции. – 2023. – №24. – С. 19-24.
2. Карпенко А.Д. Особенности российского медиаторства // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2011 – №3. – С. 25-28.
3. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / Под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Кнорус, 2008. – 704 с.
4. Сычева Е.Ю., Кусова Л.Н., Тимофеева В.А. Дискурс природы конфликта в классической социологии // Экономика. Социология. Право. – 2021. – №4 (24). – С. 144-158.

Особенности эмоционального выгорания у молодых преподавателей, работающих онлайн

Крамаренко И.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

Каждый год рынок онлайн-обучения растет на 8,2%, а по результатам последних двух лет – на 33% (Сулейманкадиева А.Э., 2021). На данный момент представлено недостаточно исследований особенностей эмоционального выгорания у преподавателей в контексте онлайн-среды. Действительно, из-за внезапного и обязательного перехода на дистанционное обучение в период пандемии COVID-19 было проведено больше исследований психологического состояния преподавателей (Гут Ю.Н., 2021; Ситникова М.А., 2021; Петракова А.В., 2021). Однако эти исследования не могут быть полностью перенесены на текущую ситуацию, когда переход от очного к дистанционному образованию происходит плавно и добровольно в связи с возросшей потребностью в нем общества.

Переход к онлайн-обучению требует от преподавателей большей самостоятельности в организации учебного процесса, что может стать источником стресса и перегрузки. Первым, с чем может столкнуться специалист при переходе в дистанционный формат, является необходимость адаптации образова-

тельных методик под условия онлайн-взаимодействия. Кроме того, более высокая доступность и скорость обмена информацией требует от педагога постоянной вовлечённости и может приводить к увеличению рабочих задач, усталости (информационное перенасыщение) и размыванию границы между работой и личной жизнью (Кабакова М.П., 2021).

Также для онлайн преподавателей характерно отсутствие четкого графика работы и нарушение территориальных и временных границ участников образовательного процесса, что стирает границы между рабочим и нерабочим временем и приводит к перерасходу энергии и времени.

В процессе дистанционных занятий преподаватели испытывают недостаток в обратной связи. Педагоги не всегда могут увидеть реакцию учащихся на учебный материал, а также их эмоциональное состояние в реальном времени, что может усложнять процесс обратной связи и выявление проблемных моментов. Сложности возникают и с контролем в оценке знаний, так как доступность интернета снижает мотивацию учащихся к самостоятельному выполнению заданий, что приводит к некачественному усвоению материала. При этом требования со стороны родителей к преподавателям за успеваемостью ученика остаются высокими.

Все вышесказанное определило цель нашего исследования – выявление особенностей эмоционального выгорания у молодых преподавателей, осуществляющих свою обучающую деятельность в онлайн-пространстве, в сравнении с преподавателями, ведущими занятия очно.

Для проведения исследования были выбраны следующие методики: диагностика уровня эмоционального выгорания (Бойко В.В.), опросник САН (самочувствие, активность, настроение) (Доскин В.А., Лаврентьева Н.А., Шарай В.Б., Мирошников М.П.), методика психологической диагностики профессионального «выгорания» в «помогающих» профессиях (Винокур В.А.).

Также был использован опросник для сбора дополнительных данных с целью оценки различных аспектов преподавательской деятельности в зависимости от формата обучения.

Выборку составили 30 молодых педагогов женского пола с опытом работы от 1 года до 5 лет, 14 из них работали очно, 16 - онлайн. Средний возраст респондентов – 23 года.

По результатам проведенного сравнительного анализа можно констатировать, что уровень выраженности эмоционального выгорания у онлайн и очных педагогов не показал статистически значимых различий ($p=0,064>0,05$ (Диагностика уровня эмоционального выгорания (Бойко В.В.)); $p=0,580>0,05$ (Методика психологической диагностики профессионального «выгорания» в «помогающих» профессиях (Винокур В.А.)). Исходя из этого, можно предположить, что

такой организационный фактор, как формат обучения, не является определяющим в формировании эмоционального выгорания у преподавателей.

В то же время, как показали результаты исследования, педагоги, работающие дистанционно, имеют значимо ниже показатели по шкале эмоционально-нравственной дезориентации ($p=0,038 < 0,05$), чем те, кто работают очно. Данный факт свидетельствует о том, что работающие очно педагоги менее эмоционально включены в профессиональные отношения, им свойственно не придавать значения эмоциональным нюансам взаимоотношений.

Также по данным проведенного исследования удалось установить, что между самочувствием, активностью и настроением педагогов, с одной стороны, и некоторыми аспектами эмоционального выгорания, с другой стороны, существуют значимые взаимосвязи.

В частности, были получены отрицательные корреляции самочувствия с такими аспектами, как переживание психотравмирующих обстоятельств ($r=-0,548$, $p=0,05$) и расширение сферы экономии эмоций ($r=-0,548$, $p=0,05$). То есть, при увеличении интенсивности аспектов эмоционального выгорания самочувствие педагогов ухудшается.

Также исследование обнаружило значимые отрицательные связи активности с показателями эмоционального дефицита ($r=-0,636$, $p=0,01$) и общим баллом по фазе истощения ($r=-0,592$, $p=0,05$). Данные результаты означают, что по мере усиления эмоционального дефицита и истощения преподавателей их активность снижается.

Были выявлены значимые отрицательные корреляции показателей настроения с состоянием здоровья и общей адаптацией ($r=-0,589$, $p=0,05$), профессиональным развитием ($r=-0,600$, $p=0,05$) и общим показателем выгорания ($r=-0,500$, $p=0,05$), а также с переживаем психотравмирующих обстоятельств ($r=-0,645$, $p=0,01$) и эмоциональным дефицитом ($r=-0,528$, $p=0,05$), психосоматическими и вегетативными нарушениями ($r=-0,669$, $p=0,01$). Эти данные позволяют предположить, что чем больше преподаватель озабочен своим здоровьем и профессиональным развитием и чем выше уровень его эмоционального выгорания, тем ниже будут показатели его настроения.

Кроме того, по результатам авторского опросника, было отмечено, что молодые преподаватели, работающие онлайн, незначительно хуже оценивают степень включенности себя и учеников в занятие, чем работающие очно педагоги. В то же время усталость от работы и трудности с организацией рабочего времени они оценивают ниже.

Полученные результаты могут быть использованы для разработки профилактических мер и рекомендаций по оптимизации рабочего процесса и сниже-

нию риска эмоционального выгорания у молодых преподавателей, которые работают или только начинают работать онлайн.

Литература

1. Гут Ю.Н. и др. Динамика влияния самоизоляции на эмоциональное состояние студентов и преподавателей вуза //Перспективы науки и образования. – 2021. – № 2 (50). – С. 340-352. – doi: 10.32744/pse.2021.2.23.
2. Кабакова М.П., Нутфуллина А.Р., Шевелева Д.Д. Проблема эмоционального выгорания субъектов образовательного процесса в условиях дистанционного и онлайн-обучения (на примере казахстанских вузов) // Человеческий фактор. Социальный психолог: журнал для психологов. – 2021. – № 1(41). – С. 386 - 394.
3. Петракова А.В., Канонир Т.Н., Куликова А.А. Особенности психологического стресса у учителей в условиях дистанционного преподавания во время пандемии COVID-19 // Вопросы образования. – 2021. – № 1. – С. 93-114. – doi:10.17323/1814-9545-2021-1-93-114.
4. Ситникова М.А., Малых С.Б. Влияние пандемии COVID-19 на психологическое состояние субъектов образовательного процесса // Вопросы психологии. – 2021. – Том 67. – №.6. – С. 128-140.
5. Сулейманкадиева А.Э., Петров М.А., Александров И.Н. Цифровая образовательная экосистема: генезис и перспективы развития онлайн-образования //Вопросы инновационной экономики. – 2021. – Том 11. – № 3. – С. 1273-1288. – doi: 10.18334/vines.11.3.113470.

Особенности рефлексии, идентичности и самоопределения в процессе профессионализации у студентов-психологов (на примере студентов факультета юридической психологии)

Кубахова Е.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

В современном обществе возрастает потребность в квалифицированных специалистах-психологах. Особенно востребованы психологи, специализирующиеся в области юридической психологии, которые могут оказывать помощь людям, находящимся в сложных жизненных юридически значимых ситуациях. Однако подготовка таких специалистов требует особого внимания к процессу их

профессионализации. Стремительные изменения в социокультурной и экономической среде требуют от молодого специалиста не только обладания теоретическими знаниями, но и глубокого понимания собственных ценностей, профессиональных интересов и личностных особенностей. В этом контексте важно рассмотреть процессы профессионального самоопределения, идентичности и рефлексии студентов-психологов, особенности которых могут оказать существенное влияние на их будущую карьеру и личностное развитие.

Цель исследования заключается в выявлении и описании особенностей рефлексии, идентичности и самоопределения в процессе профессионализации у студентов-психологов (на примере студентов факультета юридической психологии).

Задачи исследования:

1. Раскрыть психологические аспекты профессионализации в процессе подготовки студентов.
2. Рассмотреть понятие «профессиональное самоопределение» и теоретические подходы к его пониманию.
3. Описать феномен профессиональной идентичности в контексте психологических исследований.
4. Раскрыть понятия «рефлексия» и «профессиональная рефлексия».
5. Рассмотреть психологические особенности студенческого возраста.
6. Обобщить исследования рефлексии, идентичности и самоопределения в процессе подготовки студентов-психологов.
7. Выявить и описать особенности рефлексии, идентичности и самоопределения в процессе профессионализации у студентов-психологов (на примере студентов факультета юридической психологии).

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что можно выделить и описать особенности рефлексии, идентичности и самоопределения в процессе профессионализации у студентов-психологов, а именно:

1. Студенты, обучающиеся по специальности «Клиническая психология», будут иметь высокий уровень рефлексивности, наиболее выраженный тип идентичности «Мораторий».
2. Студенты, обучающиеся по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения», будут отличаться низким уровнем рефлексивности, иметь наиболее выраженный тип идентичности «Диффузная идентичность».
3. Студенты, обучающиеся по направлению подготовки «Психология», будут иметь средний уровень рефлексивности, наиболее выраженный тип идентичности «Преждевременная идентичность».
4. У студентов всех трех направлений не будет различий по таким показате-

лям ценностей, характеризующих самоопределение, как «Общественная жизнь», «Профессиональная жизнь», «Духовное удовлетворение».

Характеристика материала исследования. В исследовании принял участие 61 респондент. После предварительного анализа результатов выборку эмпирической части исследования составил 51 человек в возрасте от 19 до 23 лет (средний возраст - 20 лет). Из них респондентов мужского пола 10 чел. (19,6%, в возрасте от 19 до 23 лет, средний возраст - 20 лет), респондентов женского пола 41 чел. (80,4%, в возрасте от 19 до 23 лет, средний возраст - 20 лет). Все респонденты являются студентами ФГБОУ ВО МГППУ. Выборка была разделена на 3 группы:

1. Группа «С1клин» – студенты, обучающиеся по специальности «Клиническая психология» – 16 человек.
2. Группа «С2пдпд» – студенты, обучающиеся по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения» – 19 человек.
3. Группа «С3пси» – студенты, обучающиеся по направлению подготовки «Психология» – 16 человек.

Были использованы **методики:** «Методика исследования профессиональной идентичности (МИПИ)» (Шнейдер Л.Б., 2001), «Опросник рефлексивности» (Вульфов Б.З., 2002, Карпов А.В., 2018) и «Опросник терминальных ценностей (ОТеЦ)» (Сенин И.Г., 1991, Гулякина В.В., 2000).

Результаты исследования. Для студентов, обучающихся по специальности «Клиническая психология», характерны стойкое отрицание собственной уникальности либо ее излишнее подчеркивание с переходом в стереотипию, неприятие критики в свой адрес. Для студентов, обучающихся по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения», характерны состояния кризиса, поиск себя, высокий уровень тревожности, а также стремление к материальному достатку как к главному признаку благополучия и стремление к реализации своих хобби, получению удовлетворения скорее от процесса увлекающей их деятельности, нежели от результата. Для студентов, обучающихся по направлению подготовки «Психология» характерны отсутствие четкого понимания своего профессионального пути, сомнения в своих способностях, наличие внутренних конфликтов. Студентам всех трех направлений характерен средний уровень рефлексивности. Мы можем предположить, что способность к рефлексии необходима для специалистов любых психологических направлений, поэтому этот навык формируется в процессе обучения и накопления практического опыта студентами, что и приводит к одинаковому уровню рефлексивности независимо от выбранной психологической специальности.

На основе полученных данных можно разработать рекомендации по внедрению факультативов и дополнительных программ профессиональной подго-

товки, направленных на развитие рефлексии, формирование профессиональной идентичности и поддержку процесса самоопределения у студентов факультета юридической психологии.

Так, например, вне основных теоретических и практических занятий студентов можно организовывать:

- тренинги, направленные на развитие рефлексивности, формирование профессиональной идентичности и т.д.;
- дополнительные встречи студентов с практикующими специалистами в области юридической психологии;
- различные факультативы, где будут разбираться сложные кейсы из профессиональной практики.

Это поможет создать более благоприятные условия для профессионального роста и развития будущих специалистов в области юридической психологии.

Литература

1. Вульф Б.З. Профессиональная саморефлексия: психологические аспекты. – 1-е издание, переработанное и дополненное. – М.: Просвещение, 2002. – 200 с.
2. Гулякина В.В. Групповые нормы и ценности как факторы самоопределения личности старшеклассника: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Курск: Курский государственный педагогический университет, 2000. – 22 с.
3. Карпов А.В., Воронова Т.А. Рефлексивность как детерминанта структурной организации внутреннего мира человека // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Том 10. – № 3/2. – С. 104-110.
4. Сенин И.Г. Опросник терминальных ценностей (ОТеЦ): руководство. – Ярославль: НПЦ «Психодиагностика». – 1991. – 34 с.
5. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: монография. – М.: Московский открытый социальный университет, 2001. – 272 с.

Профилактика посттравматического стрессового расстройства у лиц, освободившихся из мест лишения свободы, участвующих в специальной военной операции

Панова Н.А.

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний (г. Вологда)

Научный руководитель – Макух Н.О.

Актуальность данной темы состоит в том, что многие люди, уходящие в зону боевых действий в связи с проведением специальной военной операции (далее – СВО) с 24 февраля 2022 года по настоящее время (Минобороны России, 2024), регулярно подвергаются стрессу. Мужчины, чей возраст подходит для службы в вооруженных силах, подлежат мобилизации для выполнения патриотического долга – защиты своей страны.

Находясь в зоне СВО, они периодически не могут удовлетворить свои первичные, витальные потребности – еда, питье, сон, отдых, а также потребности в достоверной информации о сослуживцах, о выполненных подразделением поставленных задач; потребность в получении непосредственной поддержки от командиров, сослуживцев и близких. В адрес военнослужащих поступают недовольство, агрессия, презрение от тех людей, которые выступают против проведения СВО. Все вышеперечисленные факторы отрицательно сказываются на психическом и физическом здоровье мужчин.

Для того чтобы сохранить нормальным свое текущее состояние, они учатся безэмоциональности, жёсткости, равнодушию к происходящим ситуациям. При длительном действии сильных стрессогенных факторов у мужчин начинает формироваться посттравматическое стрессовое расстройство (далее – ПТСР). Оно проявляется в том, что, по приезду в отпуск, бойцы начинают злоупотреблять алкогольными и наркотическими веществами, становятся более молчаливыми, замкнутыми, агрессивными. В связи с этим люди, участвующие в СВО, остро нуждаются в помощи специалистов психологического профиля.

Термин «стресс» впервые был введён Г. Селье и имел название общий адаптационный синдром (ОАС). Под ним он понимал неспецифический ответ организма на любые раздражители, способствующие восстановлению гомеостаза. Г. Селье подразделял стресс на положительный и отрицательный – эустресс и дистресс (Селье Г., 1992).

Если на стадии «Истощение» стресс продолжает возрастать, то он становится дистрессом и наносит вред здоровью. Таким образом, он начинает оказы-

вать травматическое воздействие, вследствие чего формируется психотравмирующий стресс.

Последствием психотравмирующего стресса является психическая травма, которая ведет к развитию посттравматического стрессового расстройства. Изучением данного термина занимался А. Кардинер в своей книге «Травматические неврозы военного времени», в которой описывались наблюдения за ветеранами Первой мировой войны. Он первым указал на то, что посттравматический стресс не просто находится «у человека в голове», а имеет уже физиологическую основу (Вотрина-Лопатина Е.М., 2024).

ПТСР изучали В.М. Бехтерев, Е.К. Краснушкин, Э. Крепелин, Г. Оппенгейм и другие. В своем исследовании мы опираемся на понятие Н.В. Тарабриной. По ее мнению, ПТСР – это непсихотическая отсроченная реакция на травматический стресс (такой как природные и техногенные катастрофы, боевые действия, пытки, изнасилования и др.), способный вызвать психические нарушения практически у любого человека (Тарабрина Н. В., 2001).

Согласно МКБ-10 симптомами ПТСР выступают эпизоды повторяющихся переживаний травмирующего события в навязчивых воспоминаниях («кадрах»), мыслях или кошмарах, появляющихся на устойчивом фоне чувства оцепенения, эмоциональной заторможенности, отчужденности от других людей, безответности на окружающее и избегания действий и ситуаций, напоминающих о травме. Обычно имеют место перевозбуждение и выраженная сверхнастороженность, повышенная реакция на испуг и бессонница (Международная классификация болезней, 2024). Данные симптомы в полной мере проявляются у мужчин, проходящих службу в зоне СВО.

В соответствии с Федеральным законом от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» (КонсультантПлюс, 2023) лица, призванные на военную службу по мобилизации или в военное время, освобождаются от уголовной ответственности и наказания на основании следующих положений со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы и со дня увольнения с военной службы по основанию, предусмотренному подпунктами «а», «в» или «о» пункта 1 статьи 51 ФЗ от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». Данный закон распространяется на подозреваемых, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, осужденных, за исключением судимости по статьям 131-134 УК РФ (против половой неприкосновенности) и других категорий лиц.

Хотелось бы отметить, что психологи не остаются равнодушными к данной проблеме. Они принимают активное участие в оказании помощи бойцам СВО. В интервью корреспондента российского государственного федерального

информационного агентства ТАСС с психологом В. Крайновой (Скуратов М., 2024) описано основание волонтерского проекта военных психологов «Ждем дома». Целью проекта является психологическая помощь мужчинам в переживаниях боевых действий. Как отмечает психолог, многие бойцы скептически относятся к специалистам, потому что не верят, что их сможет понять человек, не прошедший через военные события. Те, кто смог открыться психологу, довериться свое актуальное эмоциональное состояние, много курят и плачут, благодарят за помощь.

Медицинский психолог М. Сураева (Лютых С., 2023), работающая с клиентами, возвращающимися из зоны СВО, отмечает, что один из бойцов боялся пролетающих птиц, уличных звуков, ночной тишины, поэтому спал днем. Данные жалобы относятся к последствиям нахождения в зоне боевых действий и выступают в качестве симптомов ПТСР.

Можно подвести промежуточный итог о том, что бойцам, находящимся в зоне СВО, а также возвращающимся из нее, необходимо оказывать качественную психологическую помощь и сопровождение. Она может проводиться в форматах психологического просвещения, консультирования и коррекции. Мужчинам нужна эмоциональная и физическая поддержка, чтобы они ощущали свою значимость, знали, что ими гордятся. Бойцам необходимы знания о том, что психологические проблемы можно решать конструктивно, а не с помощью психоактивных веществ. Важно просветить их в том, что они всегда могут рассчитывать на поддержку специалистов помогающих профессий, в частности психологов.

Литература

1. Вотрина-Лопатина Е.М. История возникновения термина ПТСР. – URL: <https://www.b17.ru/article/508070/> (дата обращения: 29.04.2024).
2. Лютых С. «Работать с ними нам еще долго» Сотни волонтеров-психологов оставили все и поехали в зону СВО. Как они помогают бойцам? // Лента.ру – URL: <https://lenta.ru/articles/2023/12/11/ptsd/> (дата обращения: 05.05.2024).
3. Международная классификация болезней. – URL: <http://mkb-10.com/index.php?pid=4048> (дата обращения: 29.04.2024).
4. Сводка Министерства обороны Российской Федерации о ходе проведения специальной военной операции (по состоянию на 26 апреля 2024 г.) // Министерство обороны Российской Федерации. – URL: <https://z.mil.ru/?ysclid=lvmupe0sx9413520610> (дата обращения: 29.04.2024).
5. Селье Г. Стресс без дистресса. – М.: Прогресс, 1992. – 124 с.
6. Скуратов М. Не оставаться мыслями на войне: как военные психологи помогают бойцам в зоне СВО. // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/20173139> (дата обращения: 05.05.2024).

7. Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. – СПб: Питер, 2001. – 272 с.
8. Федеральный закон «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» от 24.06.2023 № 270-ФЗ // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_450391/ (дата обращения: 05.05.2024).

Стрессоустойчивость и её роль в обучении курсантов МВД

Супрун Л.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Коноплева И.Н.

Актуальность исследования заключается в значимости изучения особенностей стрессоустойчивости курсантов МВД, находящихся на этапе становления профессионализма. Это можно обосновать тем, что выбранная курсантами профессиональная деятельность относится к группе профессий со значительным уровнем стресс-факторов.

Стресс – это реакция организма на неблагоприятные условия, которые могут вызывать дискомфорт и неудобства. Курсанты, которые выбрали профессию, связанную с работой в экстремальных условиях, могут столкнуться со стрессом на ежедневной основе. Непредсказуемые и нестандартные условия, ненормированный график работы, использование огнестрельного оружия, чрезмерная опасность повышают уровень стресса среди сотрудников МВД.

Профессия правоохранителя специфична, поэтому обратим внимание на профессиограмму правоохранительной деятельности, которая включает:

1. властный характер профессиональных полномочий (правоохранители обладают властными полномочиями, что означает, что они имеют право принимать решения, которые могут серьезно повлиять на жизнь других людей);
2. нестандартный и экстремальный характер деятельности (правоохранительная деятельность часто связана с нестандартными и экстремальными ситуациями, которые требуют быстрого и эффективного реагирования);
3. высокую степень персональной ответственности (правоохранители несут высокую степень персональной ответственности за свои действия, что означает, что они должны быть готовы к последствиям своих решений и действий);
4. выполнение большого объема сложной многообразной работы в условиях острого дефицита информации и времени (Лозгачева О.В., 2012).

Анализ научной литературы показывает, что стрессоустойчивость сотрудников полиции необходима не только для обеспечения безопасности и порядка в обществе, но и для их собственной жизнестойкости и социальной адаптации. При сниженной стрессоустойчивости сотрудники могут столкнуться с такими проблемами, как депрессия, тревога и беспокойство.

Стрессоустойчивость курсантов в учебной деятельности – это сложное свойство личности, которое включает низкий уровень личной и ситуативной тревожности, низкий уровень нервно-психического напряжения, высокий уровень самоконтроля, адекватную самооценку и эмоциональную устойчивость.

Существуют природные предпосылки психологической стрессоустойчивости, но преимущественно данная черта вырабатывается в течение жизни, формируется в период профессиональной активности, в ходе выполнения учебных, служебных задач (Бодров В.А., 2009).

По мнению Ю.С. Колисник, сама учебная среда вуза МВД России способствует развитию стрессоустойчивости у студентов и помогает им справляться со сложными профессиональными и жизненными ситуациями (Колисник Ю.С., 2023). Е.К. Серпилина утверждает, что организационная среда образовательных учреждений системы МВД России оказывает значительное воздействие на курсантов, формируя их поведение в соответствии с установленными структурой, правилами, нормами и ценностями (Серпилина Е.К., 2021).

В связи с этим можно предположить, что организационная среда образовательных учреждений системы МВД России оказывает значительное воздействие на курсантов, формируя их поведение в соответствии с установленными структурой, правилами, нормами и ценностями, а также учебная среда вуза МВД России способствует развитию стрессоустойчивости у курсантов и помогает им научиться справляться со сложными профессиональными и жизненными ситуациями.

Целью исследования является изучение психологических особенностей стрессоустойчивости у курсантов вуза МВД. В качестве предмета исследования рассматривается стрессоустойчивость курсантов МВД.

Данное исследование проводилось на базе Крымского филиала Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации и государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова». Выборка исследования составила 100 человек (25 курсантов 1 курса, 25 курсантов 4 курса, 25 студентов гуманитарных направлений 1 курса, 25 студентов гуманитарных направлений 4 курса) в возрасте от 18 до 23 лет.

В исследовании применялись:

1. Методика для выявления подверженности стрессу Т.А. Немчина и Дж. Тейлор;
2. Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина;
3. Опросник волевого самоконтроля (ВСК) А.Г. Зверькова, Е.В. Эйдмана;
4. Тест жизнестойкости С. Мадди (перевод и адаптация Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой).

Нами получены следующие результаты:

1. Группе студентов 1 курса гуманитарных направлений присущ средний уровень волевого самоконтроля, настойчивости, адаптивных особенностей, нервно-психической устойчивости, коммуникативных особенностей, моральной нормативности, стрессоустойчивости, вовлеченности, принятия риска. Выявлен низкий уровень жизнестойкости и контроля, высокий уровень по шкале самообладания.

2. В группе студентов 4 курса гуманитарных направлений высокие показатели по шкале самообладания. Выявлен средний уровень волевого самоконтроля, настойчивости, адаптивных особенностей, нервно-психической устойчивости, коммуникативных особенностей, моральной нормативности, стрессоустойчивости, жизнестойкости, вовлеченности, контроля и принятия риска.

3. Группе курсантов 1 курса МВД присущи высокие показатели волевого самоконтроля, настойчивости, самообладания, коммуникативных особенностей, стрессоустойчивости, принятия риска. Выявлен средний уровень адаптивных особенностей, нервно-психической устойчивости, моральной нормативности, жизнестойкости, вовлеченности и контроля.

4. В группе курсантов 4 курса МВД обнаружены высокие показатели волевого самоконтроля, настойчивости, самообладания, адаптивных особенностей, нервно-психической устойчивости, коммуникативных особенностей, моральной нормативности, стрессоустойчивости, жизнестойкости, вовлеченности, контроля и принятия риска.

Результаты исследования, реализованные на базе Крымского филиала Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации и государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», доказывают эффективность программы обучения по повышению стрессоустойчивости.

Перспективы внедрения полученных данных состоят в возможностях корректировки программы подготовки курсантов МВД и для создания эффективных коррекционно-развивающих и профилактических программ.

Литература

1. Бодров В.А. Психология профессиональной деятельности – М.: ПЕРСЭ, 2009 – 511с.
2. Колисник Ю.С. Стресс и его значение в учебном процессе для студентов вуза МВД России // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 4 (220). – С. 187-189.
3. Лозгачева О. В. Особенности формирования устойчивости к стрессу в процессе профессионального развития личности // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 2. – С. 13-20.
4. Серпилина Е. К. Учебный стресс у курсантов первого курса образовательных организаций системы МВД России. // Молодой ученый. – 2021. – № 52 (394). – С. 315-316. – URL: <https://moluch.ru/archive/394/87150/> (дата обращения: 19.04.2024).

Особенности акцентуаций характера курсантов университета МВД

Сухарева В.А.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

(г. Москва)

Научный руководитель – Никитская Е.А.

Характер занимает центральное место в структуре личности, раскрывает её индивидуальность, формируется и предопределяется спецификой жизнедеятельности человека, а его проявление отображается в поведении, привычках и действиях. Вместе с тем сами осознанные поступки людей обуславливаются в соответствии с морально-этическими и нравственными нормами, потребностями и интересами, социальными ценностями.

Характер – набор устойчивых личностных качеств, которые определяют отношение человека к другим людям, к выполнению работы. Характер человека – это совокупность индивидуальных особенностей личности, которая определяет его предназначение. В своем функционировании характер связан с темпераментом, являясь его динамической стороной, однако, граница, которая разделяет темперамент и характер, достаточно условна.

Одним из первых, кто сделал попытку классификации характеров, создав типологии характеров на основе этических принципов, был Платон. Наиболее известными классификациями типов характера в настоящее время являются – работы К. Юнга (экстраверты и интроверты), Э. Кречмера (циклоидный и шизоид-

ный типы), К. Леонгарда и А.Е. Личко (патологический (психопатии), акцентуированный, нормальный).

Проблема акцентуации характера является по своей сути междисциплинарной и находит свое отражение в трудах психологов, медицинских работников, педагогов, биологов и пр. Классическим определением понятия «акцентуация» в психологии считается: «...чрезмерное усиление и проявление отдельных черт характера, или их соотношения, представляет собой предельный вариант нормы и приближается к психопатии...» (Мариновская И.Д., 2016). В современных источниках определены типы акцентуаций; их основные признаки; связь с неврозами и психопатиями, факторы, детерминирующие появления акцентуации, их влияние на процесс адаптации.

Тема акцентуации характера относится к идее о том, что определенные черты личности более заметны или подчеркнуты у определенных людей. Эта теория предполагает, что люди демонстрируют устойчивые модели поведения, мыслей и эмоций, которые можно разделить на определенные черты личности, такие как экстраверсия, покладистость, добросовестность, невротизм и открытость опыту. Термин «акцентуация характера» как усиленная черта личности человека был предложен немецким психиатром Карлом Леонгардом в 1968 г. Последующее развитие теория акцентуации К. Леонгарда получила благодаря советскому психиатру А.Е. Личко.

По мнению А.Е. Личко, существует две степени выраженности акцентуаций: «...*явная акцентуация* - является крайним вариантом нормы, где акцентуированные черты характера выражены в течение всей жизни довольно четко; *скрытая акцентуация* – это обычный вариант нормы. При психических травмах мы можем наблюдать акцентуированные черты характера, но к хронической дезадаптации они не приводят...». Акцентуация характера по К. Леонгарду – «...это утрированное развитие отдельных черт характера в ущерб другим, в результате чего ухудшается взаимодействие с окружающими людьми» и подразделяется на следующие типы: «...дистимичный тип; гипертимный (гиперактивный) тип; эмотивный (эмоциональный) тип; демонстративный тип; возбудимый тип; застреваемый тип; тревожно-педантичный тип; тревожный (психастеничный) тип; экзальтированный (лабильный) тип; интровертированный (шизоидный, аутистический) тип; циклоидный (смешанный) тип; экстравертированный (конформный) тип...» (Леонгард К., 2002). Классификация А.Е. Личко схожа с классификацией по К. Леонгарду, включая в себя: «...гипертимный тип; циклоидный тип; лабильный тип; астено-невротический тип; сензитивный тип; психастенический тип; шизоидный тип; эпилептоидный тип; истероидный тип; неустойчивый тип; конформный тип. Кроме выделенных типов, существуют еще и смешанные –

промежуточные (развитие сразу нескольких типичных черт) и амальгамные (добавление новых черт к уже имеющимся) (Личко А.Е., 2020).

Проведя эмпирическое исследование акцентуации характера у курсантов 1, 2 и 3 курсов МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя в составе 60 человек в возрасте от 17 до 21 года, был получен следующий результат: 1) выраженные акцентуации имеют: 75% (19 человек) среди 25 курсантов 1 «П» курса, 70% (16 человек) среди 24 курсантов 2 «П» курса, 50% (12 человек), среди курсантов 3 «П» курса; 2) среди курсантов 1«П», 2«П», 3«П» курсов 65% (41 человек) тестируемых имеют выраженные акцентуации из них 75% - гипертимный тип акцентуации, а 35% истероидный тип акцентуации; 3) данная выраженность акцентуаций становится менее заметной с возрастом; 4) у большинства курсантов 1«П», 2«П», 3«П» курса МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя наиболее выражен такой тип акцентуации, как *гипертимный*. Люди с этим типом акцентуации характера обладают обширным кругом общения, любят разговаривать и всегда смотрят на жизнь с позитивной стороны, находятся в хорошем настроении, активны, могут заниматься множеством дел, однако, часто бывают недисциплинированными, не принимая вмешательства в личную жизнь.

Исходя из полученных данных, были предложены следующие рекомендации курсантам с *гипертимной акцентуацией*: заниматься отвлекающей деятельностью, которая поможет уйти от негативных эмоций или разрядить напряжение, например спорт, вокал; активно искать конструктивные решения проблем, применяя рефлексивные техники; получать поддержку от окружающих, которая проявляется в анализе ситуации и поиске деятельности для самореализации и создания благоприятных условий для перехода к действию. Представителям *истероидного типа* важно понимать, что их живость и агрессивность в реакциях на различные ситуации могут только ухудшить обстановку, поэтому следует заняться отвлекающей деятельностью как наиболее эффективным способом поведения. Окружающим важно понимать, что агрессивное поведение *эпилептоидного типа* представляет собой лишь сильное и кратковременное проявление негативных эмоций, поэтому не следует обижаться на него и усугублять конфликт.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что характер можно определить как систему устойчивых мотивов, которая включает в себя привычные мысли, чувства и поведение человека, которые относительно постоянны в различных ситуациях с течением времени.

Литература

1. Леонгард К. Акцентуированные личности. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. – 358 с.
2. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. – СПб.: Питер, 2020. – 304с.
3. Мариновская И. Д., Тихомиров С.Н. Юридическая психология. – М.: Изд-во Дело, 2016. – 384 с.

Особенности ответственности, рефлексии и эмпатии у студентов-психологов с разными типами просоциального поведения

Тарасенко Д.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Просоциальное поведение относится к добровольным намеренным действиям, приносящим пользу другим (например, помощь, сотрудничество, обмен информацией и утешение в социальных взаимодействиях). Наиболее общую и полную классификацию типов просоциального поведения представляет Н.В. Кухтова. Она разделяет просоциальное поведение на публичное, уступчивое, альтруистичное, эмоциональное, анонимное, экстренное (Кухтова Н.В., 2014). Для студентов, находящихся на стадии перехода к новому этапу, просоциальное поведение имеет большое значение для развития их межличностных связей, психического здоровья, субъективного благополучия в контексте образовательного учреждения и социальной адаптации. Касательно студентов-психологов тенденция к проявлению просоциального поведения является неотъемлемой частью их будущей профессионализации. Проблема исследования заключается в изучении особенностей ответственности, рефлексии и эмпатии у студентов-психологов с различными типами просоциального поведения. Важно отметить, что ответственность, рефлексия и эмпатия являются важными качествами для успешного профессионального развития студентов-психологов.

Цель исследования заключалась в выявлении и описании особенностей ответственности, рефлексии и эмпатии у студентов-психологов с разными типами просоциального поведения.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть понятие «просоциальное поведение» в психологии и подходы к его изучению.

2. Описать типы просоциального поведения и механизмы его формирования.
3. Рассмотреть понятие «ответственность» и систематизировать психологические подходы к исследованию ответственности.
4. Раскрыть понятие «рефлексия» и описать теоретические концепции.
5. Описать феномен эмпатии, теоретические подходы и особенности его проявления.
6. Обобщить возрастные психологические особенности студенческого возраста и профессионально важные качества психолога.
7. Выявить и описать особенности ответственности, рефлексии и эмпатии у студентов-психологов с разными типами просоциального поведения.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что студенты-психологи с различными типами просоциального поведения имеют особенности ответственности, рефлексии и эмпатии, а именно:

1. Студенты-психологи, имеющие эмоциональный тип просоциального поведения, отличаются более высоким уровнем эмпатии и рефлексии, наиболее выраженный типологический вариант ответственности – этичность.

2. Студенты-психологи, имеющие альтруистический тип просоциального поведения, отличаются высоким уровнем эмпатии при низком уровне рефлексивности, наиболее выраженный типологический вариант ответственности – самопожертвование.

3. Студенты-психологи, имеющие экстренный тип просоциального поведения, имеют средний уровень рефлексивности и эмпатии, наиболее выраженный типологический вариант ответственности – нормативность.

Характеристика материала исследования. В исследовании приняли участие 89 респондентов. После предварительной обработки данных выборку эмпирической части исследования составили 51 человек в возрасте от 19 до 25 лет (средний возраст 21 год). Из них респондентов мужского пола 14 чел. (27,45%), респондентов женского пола 37 чел. (72,55%). Все испытуемые являются жителями г. Москвы и Московской области. Среди них есть учащиеся Московского государственного психолого-педагогического университета, среди них студентов 3 курса – 51 чел.

На основании результатов, полученных по методике «Измерение просоциальных тенденций» Н. В. Кухтовой, выборка была разделена на 3 группы:

- Группа «С1а» – молодые взрослые с альтруистическим типом просоциального поведения – 17 человек.
- Группа «С2эм» – молодые взрослые с эмоциональным типом просоциального поведения – 17 человек.

- Группа «С3эк» – молодые взрослые с экстренным типом просоциального поведения – 17 человек.

Методики исследования: Авторская анкета для сбора социально-демографической информации о респондентах; Опросник диагностики личностного симптомокомплекса ответственности (ОДЛСО) И.А. Кочаряна (Кочарян И.А., 2008); Тест эмпатийного потенциала личности (И. М. Юсупов) (Лимонченко, Р. А, 2016); Опросник рефлексивности А.В. Карпова (Карпов А.В., 2003); Методика «Измерение просоциальных тенденций» (Г. Карло и Б.А. Рэндалл), адаптированная Н.В. Кухтовой (Кухтова Н.В., 2014).

Исследование проводилось на онлайн платформе GoogleForms. Далее результаты исследования были обработаны с помощью программ Excel 2019 и IBM SPSS Statistics 20.

Результаты исследования. В ходе исследования были получены следующие результаты. Для каждой из групп («С3эк», «С2эм» и «С1а») характерны определённые типологические варианты ответственности. Так, для группы «С3эк» наиболее характерны принципиальность, самоутверждение и этичность, что может проявляться в социально одобряемом оказании помощи на основании принципов, которые относятся к высокоморальным. Для группы «С2эм» наиболее характерны этичность и самопожертвование, что свидетельствует об искреннем желании помогать, эмоционально вовлекаясь в чувства и проблемы человека, вероятно, в ущерб собственным чувствам и интересам. Для группы «С1а» в большей степени характерны самопожертвование и самоутверждение. Можно предположить, что в ситуации помощи люди с такими характеристиками могут жертвовать собственными интересами ради социального одобрения. Результаты методики «Тест эмпатийного потенциала личности» не показали существенных различий между группами, что позволяет предположить, что примерно одинаковый уровень эмпатии может проявляться в любом помогающем поведении и может быть как следствием, так и фактором профессиональной направленности испытуемых. Результаты методики «Опросник рефлексивности» выявили значимые различия между группами. Группа «С2эм» показала более высокий уровень рефлексивности по сравнению с группами «С3эк» и «С1а». Это может свидетельствовать о способности этой группы к осознанному и эмоционально окрашенному оказанию помощи, к более эмпатичному и адекватному отношению к другим людям, пониманию их чувств и потребностей и готовности помочь им в различных ситуациях.

Результаты исследования могут быть применимы для разработки программ учебной и внеучебной деятельности, направленных на развитие профессионально важных качеств у будущих психологов. Эти программы могут быть использованы в процессе обучения в вузах, в рамках профессиональной перепод-

готовки и повышения квалификации психологов. Они могут быть полезны для оценки профессиональной ориентированности будущих психологов на предмет соответствия выбранной профессии. Это позволит выявить потенциальные проблемы и разработать меры по их устранению.

Таким образом, научная работа представляет собой актуальное исследование, результаты которого могут быть использованы для повышения качества подготовки будущих психологов и обеспечения их профессиональной ориентированности.

Литература

1. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика её диагностики // Психологический журнал. – 2003. – № 5. – С. 45-57.
2. Кочарян И.А. Опросник диагностики личностного симптомокомплекса ответственности (ОДЛСО) и оценка его психометрических характеристик // Вестник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Серия: Психология. – 2008. – № 807. – С. 90-112.
3. Кухтова Н.В. Просоциальное поведение в структуре профессионально-важных качеств специалистов помогающих профессий. // Психологический журнал. – 2014. – № 3-4. – С. 15-21.
4. Лимонченко Р.А. Эмпатия и проблемы профессиональной пригодности диагностической процедуры (на примере анализа методики И. М. Юсупова). // Psychology. Educology. Medicine. – 2016. – № 2. – С. 14-23.

Особенности саморегуляции у подростков с расстройствами пищевого поведения

Воложанина В.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

Нарушения пищевого поведения остаются актуальными по сей день и являются малоизученными и плохо поддающимися терапии. По данным NEDA (Национальной Ассоциации Расстройств пищевого поведения), расстройства пищевого поведения затрагивают не менее 9% населения. По данным ВОЗ, показатели смертности при РПП составляют 15–20% в год, в 0,2% случаях причиной смерти является суицид.

Пищевое поведение представляет собой ценностное отношение к пище и ее приему, стереотип питания в обыденных условиях и в ситуации стресса, оно ориентировано на образ собственного тела и деятельность по его формированию (Менделевич В.Д., 2006). Нарушения в пищевом поведении обусловлены совокупностью факторов (биологических, психологических и социальных). Генетическая предрасположенность, родовые травмы, задержки развития в сочетании с определёнными особенностями семейного взаимодействия и формирования личности подростка повышают риск формирования расстройств пищевого поведения, которые характеризуется отклонением от нормы в приёме пищи, чрезмерной фиксацией на вопросах еды, веса, тела, убеждённости в мнимой или переоценённой полноте, навязчивым страхом расползеть, чрезмерным контролем процесса приёма пищи или потерей контроля и др.

Под индивидуальным стилем саморегуляции понимают комплекс типичных для человека и наиболее существенных индивидуальных особенностей реализации и управления внешней и внутренней целенаправленной активностью, устойчиво проявляющихся в различных её видах (Моросанова В.И., 2012). Несамостоятельность и привязанность к объекту зависимости (пища и процесс её приёма), характерные для пищевых аддикций, могут проявляться в непреодолимости влечений и неумении достигать удовлетворения здоровыми способами, что снижает способность регуляции поведения и эмоций (Фролов В.А., 2008).

В нашем исследовании мы предположили, что существуют значимые различия в саморегуляции между подростками с расстройствами пищевого поведения и их сверстниками без данных расстройств.

Методиками исследования выступили: опросник стиля саморегуляции поведения ССП-98 В.И. Моросановой, «Уровень субъективного контроля» Бажина, Голынкиной и Эткинда, опросник эмоциональной дисрегуляции Развальяевой и Польской, опросник пищевых предпочтений – опросник Eat-26 (тест отношения к приему пищи).

Выборку составили 54 подростка в возрасте от 14 до 17 лет (средний возраст – 15,81), проживающих в Москве и Московской области. Исследование проводилось на базе Научно-практического центра психического здоровья детей и подростков им. Г.Е. Сухаревой, с пациентами клиники расстройств пищевого поведения. Было набрано 20 подростков с РПП (18 девушек и 2 юноши; 11 человек с диагнозом «F50.0 Нервная анорексия»; 8 – «F50.2 Нервная булимия»; 1 – «F50.1 Атипичная нервная анорексия»). Группа сравнения была набрана в интернете и разделена на две группы: группа риска (7 девушек и 5 юношей со склонностью к РПП) и группа нормы (11 девушек и 11 юношей).

Полученные в процессе исследования результаты свидетельствуют о том, что больше половины подростков (63%) имеют средний уровень саморегуляции, 22% показали низкий, 15% – высокий. Большинство из них (93%) демонстрируют внешний локус контроля, внутренний выявлен только у 7%. Половина подростков (ровно 50%) показали высокие баллы по такой особенности эмоциональной дисрегуляции как избегание, чуть меньшее количество лиц подросткового возраста (44%) имеют высокий уровень выраженности трудностей ментализации и для 29% характерны руминации, под которыми понимают застревания на аффективно окрашенных переживаниях.

Анализируя полученные результаты, можно сказать, что большинству лиц старшего подросткового возраста свойственна средняя осознанность и взаимосвязанность процессов регуляции поведения, но лишь малая часть (7%) приписывает ответственность за результаты своих действий себе самим, в то время как преобладающее количество подростков склонны осуществлять регуляцию поведения, опираясь на внешние обстоятельства (случай, действия других людей и др.). Значительная часть подростков демонстрирует трудности в идентификации собственных и чужих эмоций, половина имеет тенденцию к избеганию и чуть больше четверти склонны застревать на негативно окрашенных переживаниях.

Сравнительный анализ результатов по H-критерию Краскела-Уоллиса позволил выявить статистически значимые различия в саморегуляции между подростками с расстройствами пищевого поведения и их сверстниками без данных расстройств (включая группу риска со склонностью к РПП).

Так, было установлено, что у подростков с РПП ($N=10,261$ при $p<0,05$), а также у их сверстников со склонностью к ним ($N=16,136$ при $p<0,01$) общий уровень саморегуляции существенно ниже, чем у нормотипичных подростков без данных нарушений. Подростки с РПП демонстрируют более низкий уровень развитости представлений о значимых внешних и внутренних условиях деятельности ($N=15,111$ при $p<0,01$), гибкости ($N=15,773$ при $p\leq 0,001$) по сравнению с нормой и более низкий уровень автономности процессов регуляции поведения по сравнению с нормой ($N=11,961$ при $p<0,05$) и подростками группы риска ($N=12,158$ при $p<0,05$).

Сравнительный анализ показал, что подростки с диагностированными РПП имеют общий уровень интернальности ниже, чем их ровесники группы нормы ($N=17,875$ при $p<0,001$). Было установлено, что подростки с РПП характеризуются более низким уровнем субъективного контроля в области семейных ($N=14,170$ при $p<0,01$) и межличностных отношений ($N=13,639$ при $p<0,01$), чем их нормотипичные сверстники, также как и склонные к РПП в меньшей степени берут ответственность за события, происходящие в семейных ($N=20,462$ при $p<0,001$) и межличностных отношениях ($N=11,530$ при $p<0,05$), чем подростки без склонности и диагноза.

Было показано, что подростки с РПП более склонны к руминациям ($N=16,930$ при $p<0,001$), избеганию ($N=22,389$ при $p<0,001$), чем группа нормы, в большей степени испытывают трудности идентификации собственных и чужих эмоций, чем склонные к РПП ($N=17,808$ при $p<0,01$) и нормотипичные подростки ($N=16,305$ при $p\leq 0,001$).

Перечисленные различия можно объяснить тем, что подростки с данными нарушениями склонны использовать стратегии избегания конфликтов в семье, игнорировать эмоциональные проблемы, а также характеризуются чрезмерной послушностью, пассивностью и недостаточной контактностью за пределами семейных отношений (со сверстниками). Тесная модель семейных отношений не приветствует внесемейных связей, а гиперопека и ригидность, характерная для семейной системы, снижают их самостоятельность, гибкость и не способствуют развитию навыков коммуникации в отношениях с близкими и ровесниками.

Таким образом, можно констатировать, что подростки с расстройствами пищевого поведения отличаются меньшей сформированностью системы представлений о значимых условиях деятельности, более низким уровнем гибкости, самостоятельности и интернальности, в меньшей степени чувствуют ответственность за регуляцию семейных и межличностных отношений, а также более склонны к застреваниям, избеганию и трудностям идентификации эмоций, чем их нормотипичные ровесники.

Результаты исследования могут быть использованы для теоретического обоснования профилактических и коррекционных программ для подростков с нарушениями в пищевом поведении.

Литература

1. Менделевич В.Д. Руководство по аддиктологии. – СПб: Речь, 2006. – 250 с.
2. Моросанова В.И. Саморегуляция и индивидуальность человека: монография. – 2-е изд. – М.: Наука, 2012. – 518 с.
3. Фролов В.А. Психолого-педагогические аспекты профилактики аддиктивного поведения детей и подростков // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2008. – № 11. – С. 94-100.

Особенности суицидальных переживаний у матерей с различным стажем воспитания детей, страдающих аутизмом

Голованова Е.Е.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бородина Л.Г.

В современных условиях растущего интереса к семьям детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) психологическое благополучие родителей становится ключевой проблемой. Родители сталкиваются с высокой психологической нагрузкой, вызванной неопределенностью, сложностями во взаимодействии с ребенком и обществом (Левченко И.Ю., 2008). Процесс воспитания таких детей осложняется тем, что родители испытывают стресс пролонгированного характера, который деструктивно сказывается на их психике и способствует кардинальному изменению семейной системы (Ткачева В.В., 2014). Особенно много внимания в последние годы уделяется матерям детей с РАС, часто сталкивающимся с чувством вины, отсутствием гибкости эмоционального восприятия и повышенной ответственностью за ограниченные возможности ребенка. Среди личностных особенностей матерей выделяют повышенную тревожность, эмоциональную неустойчивость, склонность к ипохондрическим и истерическим реакциям (Горячева, Т.Г., 2007). Кроме того, матери подвержены повышенному риску депрессии и суицидального поведения, механизмы которого изучены достаточно фрагментарно и противоречиво (Бородина, Л.Г., 2018). В этом контексте актуальными остаются задачи изучения и профилактики кризисных состояний у родителей детей с РАС.

При проведении исследования была выдвинута гипотеза о том, что суицидальные переживания матерей детей с РАС имеют специфические особенности в зависимости от времени, прошедшего с момента постановки диагноза. Предполагалось, что у матерей с малым стажем воспитания детей суицидальные переживания будут более выражены по сравнению с матерями, обладающими большим опытом воспитания. Основное внимание уделялось также способам совладания с психотравмирующей ситуацией. В рамках этого была сформулирована гипотеза о том, что у матерей с небольшим стажем воспитания копинг-стратегии будут менее адаптивными, такими, как избегание или конфронтация.

Выборку исследования составили 43 женщины в возрасте от 27 до 55 лет, воспитывающие детей с РАС. Выборка от 4 и менее лет стажа воспитания (средний стаж воспитания 2,5 года) составила 24 человека. Выборка от 5 и более лет стажа воспитания (средний стаж воспитания 8 лет) составила 19 человек.

Для исследования суицидальных переживаний первоначально матерям была предложена анонимная онлайн-анкета, состоящая из 12 вопросов. Все вопросы касались суицидальных мыслей и замыслов, степени сформированности суицидальных намерений, наличия суицидальных попыток в анамнезе. По результатам проведенного опроса было установлено, что подавляющее большинство матерей в группах с большим (74%) и малым (87%) стажем воспитания сталкивались с тяжелым эмоциональным состоянием и суицидальными мыслями ранее. При этом различия между двумя группами в наличии суицидальных мыслей и замыслов по критерию согласия Пирсона оказались достоверными: «Никогда» (42% и 74%, $\chi^2=4.408$, $p=0.035$); «Иногда» (33% и 5%, $\chi^2=5.049$, $p=0.024$), что указывало на то, что матери с малым стажем воспитания детей чаще сталкиваются с суицидальными мыслями на текущий момент времени и задумываются о способах совершения суицида. Более того, меньше половины опрошенных (42%) с большим опытом воспитания признались, что размышляли о постгомицидном суициде, в то время как доля женщин с малым стажем составила примерно треть (29%).

В результате обработки данных анкеты были выделены наиболее существенные атрибуты кризисного состояния родителей. Так, в обеих группах подавляющее большинство родителей указывали на чувство вины, страх будущего и бессилие. В группе с большим стажем родительства респонденты отмечали усталость. Больше половины матерей с малым стажем среди факторов выделяли повышенную ответственность за действия ребенка и непонимание ребенком обращенной речи. При этом матери с большим стажем указывали на отсутствие понимания со стороны специалистов и размышления о возможном ухудшении состояния ребенка.

Проведен анализ суицидальных попыток как у матерей, так и среди их родственников. Двое (8%) из опрошенных женщин с малым стажем воспитания совершали суицидальные попытки. В то время как среди матерей с большим стажем в этом призналась одна женщина (5%). Среди матерей группы с малым стажем 8 женщин (34%) сообщили о том, что совершили бы суицидальную попытку в ближайшее время. Пять женщин (21%) сообщили о том, что присутствовали попытки суицида среди родственников. Между тем, матери с большим стажем воспитания реже сообщали о желании суицидальных действий (10%) и наличии суицидальных попыток среди близких (16%).

Для прицельного изучения суицидальных переживаний и способов совладания в ситуации кризиса матерям были предложены следующие методики: «Шкала безнадежности» А.Т. Бека; «Опросник суицидального риска» А.Г. Шмелева; Опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса. По данным проведенного опроса было установлено, что уровень безнадежности в обеих группах достигал умеренного и находился на приблизительно одинаковом уровне. Статистически значимые отличия между двумя группами были получены по шкалам опросника суицидального риска: «Аффективность» $U_{эмп}(157$ при $p \leq 0,05$); «Социальный пессимизм» $U_{эмп}(156,5$ при $p \leq 0,05$); «Слом культурных барьеров» $U_{эмп}(141,5$ при $p \leq 0,05$). Так, матери с малым стажем воспитания обладали более высокой склонностью к аффективным реакциям, чаще рассматривали социум в пессимистическом ключе, а также выбирали суицид как допустимый или даже наиболее подходящий способ выхода из психотравмирующей ситуации. Необходимо отметить, что в обеих группах респондентов отмечалось значительное присутствие антисуицидального фактора, выражающегося в высоком уровне чувства ответственности перед близкими, в том числе и перед детьми. При рассмотрении способов совладания с кризисной ситуацией был сделан вывод о том, что в обеих группах матерей вне зависимости от стажа воспитания преобладает стратегия избегания.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что матери с малым стажем воспитания детей с расстройствами аутистического спектра более подвержены суицидальному поведению по сравнению с матерями, обладающих большим опытом воспитания. Обе группы матерей, независимо от стажа, используют стратегию избегания, что в конечном итоге может увеличивать риск суицидального поведения. Полученные данные подчеркивают важность систематического изучения психологического состояния матерей, особенно тех, кто сталкивается с вызовами воспитания детей с аутизмом на ранних этапах своего родительского опыта. Продуктивная психологическая поддержка и доступ к соответствующим ресурсам для категории матерей с меньшим опы-

том воспитания могут сыграть ключевую роль в превенции суицидального поведения.

Литература

1. Бородина Л.Г. Особенности суицидальности у матерей детей с аутизмом // Суицидология. – 2018. – №3 (32). – С. 41-52.
2. Горячева Т.Г., Солнцева И.А. Личностные особенности матери ребенка с отклонениями в развитии и их влияние на детско-родительские отношения // Психология семьи и больной ребенок: уч. пособие: Хрестоматия. – СПб.: Речь, 2007. – 316 с.
3. Левченко И.Ю., Ткачева В.В. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии: метод. пособие. – М.: Просвещение, 2008. – 239 с.
4. Ткачева В.В. Семья ребенка с ограниченными возможностями здоровья: диагностика и консультирование. – М.: Национальный книжный центр, 2014. – 160 с.

К вопросу о мишенях психологической реабилитации лиц, имеющих травматический опыт утраты

Гомелля Ю.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Луковцева З.В.

Психологическая травма – событие высокой интенсивности, которое превышает адаптационные способности индивида и возникает в момент отсутствия необходимых ресурсов для совладания. Травмирующим фактором может оказаться нарушение значимых социальных связей, изменение привычного жизненного уклада, попадание в непривычную систему ценностей или экстремальные условия. Человек может столкнуться одновременно с несколькими подобными факторами; кроме того, психическая травматизация может приобретать длительный или хронический характер. В совокупности различные характеристики травмирующего фактора (само содержание воздействия на человека, предсказуемость, интенсивность, длительность подобного воздействия и пр.) определяют тяжесть наступающих психологических, а иногда и психиатрически значимых, т.е. требующих врачебного вмешательства, последствий.

Понятие утраты не имеет четких границ, и не в последнюю очередь в зависимости от индивидуальных особенностей человека, пережившего ее, этот тер-

мин будет приобретать особую трактовку. Зачастую утрату понимают как невозможность контактировать со значимым человеком в силу различных обстоятельств; в данном материале мы ограничимся рассмотрением утраты как следствия смерти такого человека.

Исследователи, посвятившие свои труды изучению механизмов и психологических особенностей утраты как травмирующего фактора, понимают ее по-разному. Практически в каждой разработанной теории стадии переживания горя разделены на несколько.

Э. Линдемманн впервые описал синдром острого горя, который проявляется по-разному в зависимости от давности утраты. Он может включать психические и иные изменения, в том числе отсроченные и скрытые. К симптомам острого горя относятся физическая боль, нарушения сна, чувство вины, враждебные реакции и дезадаптивное поведение (Lindemann E., 1944).

Существует и понятие патологического горя, понимаемое как нарушение нормального процесса скорби, его неудачное завершение (Фрейд З., 1984), застревание на конкретной фазе данного процесса (Черепанова Е. М., 1997), дисфункция интеграции утраты в структуру нового опыта (Моховиков А. Н., 1999).

После утраты близкого человека могут возникнуть длительные расстройства, которые обычно проявляются в форме реактивной депрессии и симптомов посттравматического стрессового расстройства (ПТСР).

Пролонгированное горе отличается от депрессии, обусловленной иными причинами, тем, что оно связано с конкретной потерей, а депрессия чаще связана с более общим ощущением неудачи (Малюткина Е.П., 2013). Но грусть и печаль, связанные с пролонгированным горем, могут быть намного более интенсивными и продолжительными, как и при депрессии, что отличает это состояние от нормальных эмоций утраты. Пролонгированное горе, как и депрессия, может вызывать высокую степень нарушения адаптации человека. В таких случаях необходима профессиональная психиатрическая помощь.

При оказании психотерапевтической помощи горяющему клиенту важным принципом является выявление клинических проявлений возможных психических расстройств. Часто люди, пережившие утрату, высказывают наиболее заметные и трудно скрываемые жалобы, вызывающие большее беспокойство. Но в то же время существует ряд других симптомов, которые человек может сознательно попытаться скрыть из-за боязни подвергнуться стигматизации со стороны общества (Малюткина Е.П., 2021).

Психологическая помощь горяющим может быть оказана в рамках групповой или индивидуальной психотерапии. Существуют две основные программы, которые ложатся в основу работы с различными случаями горевания и могут быть модифицированы с учётом состояния клиентов.

1. Программа, разработанная М. Уильямс и В. Франгесом, изначально была предназначена для работы с семьями, пережившими внезапную потерю одного из членов. Программа основана на принципе кризисного вмешательства, которое включает в себя сообщение о смерти, психологическое сопровождение в течение двух месяцев и оценку симптомов осложненного горя с последующей их нормализацией. Завершающим этапом программы является направление в группу людей, находящихся в схожих жизненных обстоятельствах.
2. Программа, разработанная В. Ворденом, фокусируется на адаптации человека, пережившего утрату, к нормальной жизни. Она моделирует этапы, позволяющие горюющему выполнить следующие задачи: осознать и принять реальность утраты, пройти через боль от потери и пережить ее, перестроить отношения с окружающими людьми и интегрировать опыт потери в настоящую жизнь (Williams M., Frangesch B., 1995).

Частными механизмами психологической реабилитации лиц, имеющих травмирующий опыт утраты близкого человека, выступают:

1. Создание новой когнитивной модели жизнедеятельности. В процессе психологической работы с человеком, пережившим утрату, необходимо разработать когнитивную модель расстройства. Это позволит оказать адекватную психотерапевтическую помощь и создать протокол терапии в соответствии с принципами выбранного подхода. Под когнитивной моделью, как правило, понимается взаимосвязь когнитивного, эмоционального и поведенческого аспекта личности. Основными мишенями работы будут выступать снижение уровня эмоционального напряжения и интолерантности к неопределенности (Бурдин М.В., 2013).
2. Аффективная оценка и переработка травматического опыта. Для успешного преодоления последствий психической травмы необходимо мобилизовать здоровые способы переработки и интеграции пережитого опыта. Стабилизирующую роль играет включение человека в различные группы, а также участие в оказании помощи другим людям. Это помогает преодолеть острые реакции на стресс и вернуться к полноценной жизни (Копытин А.И., 2014).
3. Реабилитация ощущения целостности личности. Из-за возникающего у человека страха повторной травматизации под угрозой оказывается его истинная самость. Конфликт между устоявшейся картиной мира и новым взглядом на реальность после события травмы обуславливает дезинтеграцию некоторых аспектов личности, что в ходе приспособления к фрустрации может привести к возникновению алекситимии, диссоциативных и депрессивных симптомов. Соответственно, основной мишенью работы является диагностика личностных изменений, переоценка человеком полученного опыта и интеграция изменений в струк-

туру уже существующей личности с минимальным патогенным воздействием на психику индивида.

4. Реабилитация способности дальнейшего существования в мире. Дезинтеграция личности, наступающая после переживания травмирующего события, зачастую ведёт к частичному или тотальному нарушению жизненного уклада человека. Основная задача специалиста в работе с данным аспектом состоит в помощи человеку, пережившему травмирующее событие, изменить поведение таким образом, чтобы оно было применимо к повседневной жизни.

Литература

1. Бурдин М.В. Ситуация сложного жизненного выбора как психотравма: когнитивная модель и подходы к терапии // Вестник Ассоциации психиатров Украины. – 2013. – № 4. – С. 63-65.
2. Копытин А.И. Методы арт-терапии в преодолении последствий травматического стресса. – М.: Когито-Центр, 2014. – 208 с.
3. Малюткина Е.П. Симптоматика, медико-психологические характеристики и предрасполагающие факторы затяжных стрессовых психопатологических расстройств: автореф. дис... канд. мед. наук. – СПб., 2013. – 31 с.
4. Малюткина Е.П. Психотерапевтическая помощь при ПТСР после смерти близких людей // КГМУ имени В.Ф.Войно-Ясенецкого. – Красноярск: Версо, 2021. – С. 132-139.
5. Моховиков А. Н. Телефонное консультирование. – М.: Смысл, 1999. – С. 201-210.
6. Фрейд З. Печаль и меланхолия // Психология эмоций: тексты. М: Изд-во Московского университета, 1984. – С. 237-246.
7. Черепанова Е. М. Психологический стресс – 2-е изд. – М.: Издательский центр «Академия», 1997. – 96 с.
8. Lindemann E. Symptomatology and management of acute grief // Amer. Journ. of psychiatry. – 1944. – Vol. 101. – № 2. – P. 141-148.
9. Williams M., Frangesch B. Developing strategies to assist sudden-death families // Death Studies. – 1995. Sep-Oct. – Vol. 19 (5). – P. 475-487.

Эмоционально-личностные особенности мужчин, страдающих алкогольной зависимостью

Иртегова М.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

Распространенность различного рода зависимостей среди населения, в частности алкогольной, оказывает своё существенное влияние на все сферы жизни человека и влечет дезадаптацию. Согласно докладу проекта «Трезвая Россия», к концу 2023 года, около 60% трудоспособных мужчин употребляют спиртные напитки, что составляет свыше 76 млн. человек.

Наиболее дискуссионным в современных исследованиях является вопрос изучения эмоционально-личностных особенностей у аддиктов, в частности таких феноменов, как: алекситимия, эмоциональный интеллект и эмпатия. В связи с чем вопрос исследования роли эмоционально-личностных особенностей в формировании зависимого поведения и отказе от приема алкоголя остается актуальным.

По данным В. Бройтигам, П. Кристиан и М. Рад, феномен алекситимии характеризуется 4 основными признаками.

1. Характерная неспособность выражать переживаемые чувства.
2. Ограниченность способности фантазировать.
3. Преобладание «товарищеских» отношений в межличностных коммуникациях, которые характеризуются своеобразной «пустотой отношений».
4. Тотальное идентифицирование с объектом – «ключевой фигурой» (Бройтигам В., Кристиан П., Рад М., 1999).

В контексте межличностного взаимодействия определенную роль играет такой психологический феномен, как эмпатия, то есть способность человека считывать эмоциональный контекст, понимать сущность и природу его переживаний в процессе взаимодействия, восприятия эмоционального состояния и скрывающихся за ним чувств (Гаврилова Т.П., 1975). Описываемая особенность в определенной степени позволяет повысить эффективность коммуникации и сделать процесс взаимодействия более продуктивным для обеих сторон (Юсупов И.М., 1995).

Конструктом, в определенной степени связывающим эмоциональный и когнитивный компоненты, является эмоциональный интеллект, то есть способность понимать и идентифицировать как свои, так и чужие эмоции, а также уме-

ние эффективно управлять ими, не нарушая адаптацию человека (Люсин Д.В., 2004). В связи с чем данный феномен рассматривается в данном исследовании как ресурс, способствующий наращиванию социальной компетентности человека и более эффективному выполнению им деятельности.

Гипотезой исследования стало предположение, что существуют различия между показателями выраженности алекситимии, уровнем эмоционального интеллекта и эмпатии у мужчин, страдающих алкогольной зависимостью, в сравнении с группой здоровых мужчин.

Методиками исследования выступили: «Торонтская Алекситимическая Шкала» (TAS) (адаптация Д. Б. Ереско, Г. Л. Исурина и др.) Г.Д. Тейлор, «Тест эмоционального интеллекта ЭМИн» (Д. В. Люсин, 2006), «Методика диагностики уровня эмпатии: эмпатийный потенциал личности» (И. М. Юсупов, 1995), а также «Мичиганский алкогольный скрининг-тест» (Michigan Alcoholism Screening Test - MAST) (Nystrom M. et al., 1993; Seppa K. et al., 1995).

Выборку исследования составили 60 мужчин в возрасте старше 18 лет (средний возраст – 43,5), которые составили две исследовательские группы. Проблемную группу мужчин (30 человек), страдающих алкогольной зависимостью, составляют лица, опрошенные на базе Национального научного центра Психиатрии – филиал НМИЦ ПН им. В.П. Сербского. Респонденты данной группы имеют диагноз «Синдром зависимости от алкоголя». Группа здоровых мужчин (30 человек) была набрана в сети интернет посредством опроса через Google-форму, критерием включения в выборку было прохождение скрининг-теста на выявление склонности к алкогольной зависимости (в исследование включались респонденты, набравшие низкие/средние баллы).

В группе мужчин, страдающих алкогольной зависимостью, средние значения по шкалам алекситимия, эмпатия и компонентам структуры эмоционального интеллекта распределились следующим образом: 76,6% – выраженная алекситимия, 29,1% – средний с тенденцией к низкому уровень эмпатии, 3,7% – низкий уровень межличностного эмоционального интеллекта (МЭИ), 3,7% – низкий уровень внутриличностного эмоционального интеллекта (ВЭИ), 3,5% – низкий уровень способности к пониманию эмоций (ПЭ), 3,9% – низкий с тенденцией к среднему уровень к способности управлению эмоциями (УЭ).

По данным сравнительного анализа было установлено, что для мужчин, страдающих алкогольной зависимостью, в большей степени характерной оказывается высокая выраженности черт алекситимии ($U=136,5$, при $p<0,05$), выраженная в трудностях идентификации и корректной вербализации собственных чувств и актуальных эмоциональных переживаний. В структуре эмоционального интеллекта обращают на себя внимание: трудности понимания эмоций ($U=242$,

при $p < 0,01$), низкий уровень выраженности показателей межличностного ($U=155$, при $p < 0,01$) и внутриличностного эмоционального интеллекта ($U=252$, при $p < 0,01$). В то же время по результатам исследования можно сделать вывод, что для лиц данной группы характерны средние показатели выраженности эмпатии ($U=380,5$, при $p < 0,01$), а также способности управления эмоциями ($U=382,5$, при $p < 0,01$), которая может быть интерпретирована через призму сформированных дезадаптивных стратегий совладания с эмоциональным напряжением, характеризующихся избеганием, в частности, посредством употребления алкоголя. В группе здоровых мужчин без алкогольной зависимости была выявлена низкая выраженность черт алекситимии. Также для здоровых мужчин характерным оказывается средний уровень сформированности всех компонентов эмоционального интеллекта и эмпатии, что в свою очередь выражается в их способности к распознаванию, пониманию и идентификации как своих, так и чужих эмоций. Для данной группы характерна возможность управления актуальными переживаниями, в основе которой заложена рефлексия и возможность использования адаптивных способов регуляции эмоций, установка на решение проблем, а не их избегание.

Анализ данных с помощью U-критерия Манна-Уитни показал значимые различия в показателях: «Алекситимия» ($0,000^{**}$), «Межличностный эмоциональный интеллект» ($0,005^*$), «Внутриличностный эмоциональный интеллект» ($0,004^*$), «Понимание эмоций» ($0,002^*$). У группы мужчин, страдающих алкогольной зависимостью, показатель выраженности черт алекситимии значимо выше, чем в группе здоровых мужчин без алкогольной зависимости. Также обнаруживается, что у респондентов из группы мужчин, страдающих алкогольной зависимостью, уровень трёх компонентов эмоционального интеллекта ниже, чем у здоровых мужчин.

Таким образом, понимание различных сторон эмоционально-личностных особенностей, таких, как алекситимия, эмоциональный интеллект, эмпатия и установление их роли в механизме формирования алкогольной зависимости дают возможность расширить теоретическую и практическую базу для дальнейших исследований. Полученные данные могут быть использованы в качестве теоретического обоснования для разработки и проверки эффективности коррекционных программ работы с лицами с выраженной алекситимией.

Литература

1. Бройтигам В., Кристиан П., Рад М. Психосоматическая медицина / Пер с нем. Г.А. Обухова, А.В. Бруенка; Предисл. В.Г. Остроглазова. // М.: Гэотар Медицина, 1999. – 376 с.
2. Гаврилова Т. П. Понятие эмпатии в зарубежной психологии // Вопросы психологии. – 1975. – № 2. – С. 147-158.

3. Люсин Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: ИПРАН, 2004. – С. 29-35.
4. Морогин В.Г., Костина Н.П. Социально-психологическая история алкоголизации России // Медицинская психология в России. – 2013. – Том 5. – № 5. – С. 16.
5. Юсупов И. М. Психология эмпатии (теоретические и прикладные аспекты): автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – СПб., 1995. – 34 с.

**Уровень импульсивности и субъективного контроля у юношей и
молодых взрослых со склонностью к несуицидальному
самоповреждающему поведению**

Коробова Д. К.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Проблема несуицидального самоповреждающего поведения (НССП) на протяжении долгих лет изучается как в отечественной, так и зарубежной литературе, однако до сих пор возникают трудности и некоторые противоречия при определении, описании и диагностике данного поведения.

В.В. Walsh определяет несуицидальное самоповреждающее поведение следующим образом: «Несуицидальное самоповреждающее поведение – это преднамеренное, нанесенное самому себе телесное повреждение с низкой летальностью, социально неприемлемого характера, наносимое с целью уменьшения психологического стресса и/или сообщения о нем» (В. W. Walsh, 2014).

При возникновении негативных переживаний лица с НССП могут предъявлять жалобы на непереносимость страданий и невозможность совладать с собственными эмоциями. Это обусловлено определенными психологическими особенностями, которые являются факторами риска развития склонности к НССП, а именно такими, как: эмоциональная дисрегуляция, склонность к руминациям, алекситимия (Дарьин Е. В., 2019), низкая самооценка, тревожность, агрессивность, склонность к самообвинениям, повышенная импульсивность (Зинчук М. С., 2019), застенчивость, ранимость, депрессивность, негативное отношение к себе, неприятие собственной личности и отрицательный образ тела (Тарасова А. Е., 2019).

Для изучения проблемы несуицидального самоповреждающего поведения было проведено исследование, цель которого заключалась в выявлении и описании особенностей уровня импульсивности и субъективного контроля у юношей и молодых взрослых со склонностью к несуицидальному самоповреждающему поведению.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что уровень импульсивности, саморегуляции и субъективного контроля у лиц, склонных к несуицидальному самоповреждающему поведению, отличается от уровня импульсивности, саморегуляции и субъективного контроля у лиц, не склонных к данному поведению, а именно:

1. Юноши и молодые взрослые, имеющие склонность к несуицидальному самоповреждающему поведению, имеют более высокий уровень импульсивности и более низкий уровень саморегуляции по сравнению с лицами, не имеющими склонности к данному поведению.

2. Лицам, склонным к несуицидальному самоповреждающему поведению, внешний локус контроля свойственен в большей степени, чем лицам, не склонным к несуицидальному самоповреждающему поведению.

В исследовании приняли участие 70 человек в возрасте от 17 до 26 лет. Из них женщин – 64 человека, мужчин – 6 человек. Респондентам предлагалось пройти Google-форму, содержащую демографическую анкету и четыре методики: «Шкала самоповреждающего поведения» Н.А. Польской (2017); Короткий опросник импульсивности В. А. Лосенкова (Имп-15), В.П. Шейнов, А.С. Девичин (2022); Опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК), Е.Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, Л.М. Эткин (1984); Многошкальный опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ), В.И. Моросанова (2020).

Выборка эмпирического исследования в составе 70 человек была разделена на группу сравнения «С» – склонные к несуицидальному самоповреждающему поведению, и контрольную группу «К» – не склонные к данному поведению. К группе сравнения были отнесены респонденты, соответствующие следующим критериям: 1) наличие опыта длительного нанесения самоповреждений; 2) последний эпизод самоповреждений был не более 1 года назад; 3) хотя бы один способ нанесения повреждений выбран как часто используемый в методике «Шкала самоповреждающего поведения».

По результатам проведенного исследования было установлено, что уровень импульсивности у лиц с НССП выражен больше, чем у лиц без данного поведения, а также что между импульсивностью и выраженностью НССП наблюдается прямая средняя связь. Лица, склонные к НССП, могут наносить самоповреждения импульсивно под влиянием отрицательных эмоций с целью быстрого снижения интенсивности переживаний.

По результатам исследования было установлено, что у лиц со склонностью к самоповреждающему поведению уровень саморегуляции ниже, чем у лиц без данной склонности. Было установлено, что у лиц, склонных к НССП, способность к программированию действий и надежность выражены меньше, чем у лиц без самоповреждающего поведения. Данные результаты могут быть связаны с тем, что людям с самоповреждениями может быть трудно контролировать собственные действия и находить адаптивные способы совладания со стрессом, в особенности в сложной, психологически напряженной ситуации. Именно поэтому уровень надежности, выражающийся в устойчивости в стрессовых ситуациях, и программирования алгоритма собственных действий ниже.

Также было установлено, что существует значимая связь между склонностью к НССП и такими показателями, как: общий уровень саморегуляции, программирование действий, гибкость – обратная средняя связь; надежность – обратная слабая связь. Полученные результаты могут быть объяснены следующим образом: при сниженных показателях по указанным выше показателям у человека может быть не до конца сформирована система саморегуляции, могут наблюдаться трудности в построении плана действий и алгоритма реализации поставленной цели, ригидность системы саморегуляции, трудности в адаптации к изменившимся условиям. Для лиц с НССП описанные выше признаки довольно характерны, так как лица с самоповреждениями испытывают трудности преодоления стрессовых ситуаций, часто ощущают состояние беспомощности, не видят альтернативного способа совладания с эмоциями, из-за чего совершают самоповреждения.

Между группой сравнения и контрольной группой не было выявлено статистически значимых различий по уровню субъективного контроля личности (по всем шкалам), а также не было обнаружено статистически значимой связи между склонностью к НССП и локусом контроля. Также было установлено, что как в группе сравнения, так и в контрольной группе преобладают лица с экстернальным локусом контроля. Полученные результаты могут быть объяснены несколькими вариантами: во-первых, преобладание экстернального локуса контроля в обеих группах может быть обусловлено возрастными особенностями исследуемых лиц, так как в период юношества и ранней взрослости на лиц данных возрастов возложено много требований, ответственности, которые необходимо научиться принимать в собственной жизни. Лица данного возрастного периода могут ощущать собственную беспомощность в жизни при решении различных задач и построении планов на будущее. Во-вторых, данные результаты могут отражать не только возрастные особенности, но и особенности социальной среды, в которой созревает индивид. В обществе могут транслироваться мысли об от-

сутствии контроля над собственной жизнью и ведущей роли влияния внешних обстоятельств.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает предположение о том, что у лиц со склонностью к несуицидальному самоповреждающему поведению более высокий уровень импульсивности и более низкий уровень саморегуляции в сравнении с лицами без склонности. Предположение о том, что у лиц с самоповреждениями экстернальный локус контроля выражен в большей степени, чем у лиц без самоповреждений, не было подтверждено.

Литература

1. Дарьин Е.В. Несуицидальное самоповреждающее поведение у подростков // Медицинский вестник юга России. – 2019. – № 4. – С. 6-14.
2. Зинчук М.С., Аведисова А.С., Гехт А.Б. Несуицидальное самоповреждающее поведение при психических расстройствах непсихотического уровня: эпидемиология, социальные и клинические факторы риска // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. – 2019. – Том 119. – №. 3. – С. 108-119.
3. Тарасова А. Е. Причины самоповреждающего поведения подростков и молодежи // Коллекция гуманитарных исследований. – 2019. – №. 1 (16). – С. 21-33.
4. Walsh B.W Treating self-injury: A Practical Guide. Second Edition. – 2014. – 413 p.

Особенности аутоагрессивного поведения лиц старшего подросткового возраста

Осиневич С.Е.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Калашикова А.С.

На протяжении нескольких последних десятилетий в России и в некоторых других странах отмечается рост аутоагрессивного поведения человека. По мнению А.Г. Ефремова, у большинства людей начало аутоагрессивных действий приходится на подростковый возраст или раннюю юность (Ефремов А.Г., 2006).

Феномен аутоагрессии подразумевает особую форму поведения человека, возникающую в результате психической, биологической и социальной дезадаптации – зачастую в экстремальных ситуациях, – направленной на изменение этой ситуации путем причинения вреда здоровью. А.Г. Амбрумова, Е.Г. Трайнина,

Н.А. Ратинова дают такое определение, принятое за основу в большинстве исследований: «Аутоагрессивное поведение – действия, направленные на нанесение какого-либо ущерба своему соматическому или психическому здоровью. Вариант агрессивного поведения, при котором субъект и объект агрессии совпадают» (Амбрумова А.Г., Трайнина Е.Г., Ратинова Н.А., 1990).

Природа аутоагрессии до конца не изучена. За последние двадцать лет появились новые и малоизученные модели поведения, которые можно рассматривать как проявления аутоагрессии.

Мы провели исследование, посвящённое изучению феномена аутоагрессивного поведения лиц старшего подросткового возраста. Цель заключалась в выявлении и описании особенностей аутоагрессивного поведения старших подростков.

Основной **гипотезой** выступило предположение о том, что у подростков с историей аутоагрессивного поведения с преднамеренным самоповреждением более выражена склонность к девиантному поведению, показатели общего уровня саморегуляции и эмоционального интеллекта ниже, чем у подростков без истории аутоагрессивного поведения.

Выборку эмпирической части исследования составили 40 человек в возрасте от 14 до 17 лет. Выборка была разделена на 2 группы по 20 человек в каждой. В первую группу вошли подростки без истории аутоагрессивного поведения (нормативная группа), во вторую – подростки с историей аутоагрессивного поведения с преднамеренным самоповреждением. Исследование проводилось в онлайн-формате с использованием Google-форм.

В исследовании были применены следующие **методики**: Опросник суицидального риска (А.Г. Шмелев, модификация Т.Н. Разуваевой), Методика диагностики склонности к девиантному поведению (Э.В. Леус, А.Г. Соловьев), Методика «Самооценки психических состояний» (Г. Айзенк), Опросник эмоционального интеллекта (Люсин Д.В.), Опросник «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ» (В.И. Моросанова).

Результаты сравнения двух исследуемых групп показали, что подросткам с историей аутоагрессивного поведения с преднамеренным самоповреждением характерна более выраженная склонность к девиантному поведению, а их показатели общего уровня саморегуляции ниже, чем у нормативной группы. Также статистически значимые различия были получены в отношении эмоционального интеллекта – уровень эмоционального интеллекта в группе подростков с аутоагрессивными проявлениями значительно ниже, чем в группе без таковых.

Таким образом, подросткам с историей аутоагрессивного поведения с преднамеренным самоповреждением в наибольшей степени свойственны такие особенности, как: склонность к девиантному поведению, низкие показатели общего

уровня саморегуляции и эмоционального интеллекта, наивность, податливость групповому воздействию, тревожность, впечатлительность, неуверенность в себе, отсутствие смелости и инициативы в выборе личной линии поведения и другие.

Данные, полученные в ходе эмпирического исследования, позволили нам выявить и описать некоторые особенности аутоагрессивного поведения старших подростков. Полученные данные могут быть полезны преподавателям для использования в лекциях, практическим психологам и педагогическим работникам при организации профилактических мероприятий с подростками, а также могут быть использованы при разработке психокоррекционных программ. Н. Г. Тормосина считает, что продуктивнее всего психокоррекционную работу проводить в условиях общеобразовательной школы, а главной ее целью должна являться не только коррекция, но и сохранение, укрепление общего психологического здоровья подростков (Тормосина Н.Г., 2014).

Литература

1. Амбрумова А.Г., Трайнина Е.Г., Ратинова Н.А. Аутоагрессивное поведение подростков с различными формами социальных девиаций // Шестой Всероссийский съезд психиатров. – М., 1990. – Том 1. – С. 105-106.
2. Ефремов А.Г. Системы субъективных значений у лиц юношеского возраста с аутоагрессивными попытками // Молодой ученый. – 2006. – №4. – С.15-20.
3. Польская Н.А. Психология самоповреждающего поведения. – М.: Ленанд, 2017. – 320 с.
4. Тормосина Н.Г. Психологическая профилактика аутодеструктивного поведения в подростковом возрасте. – Пятигорск, 2014. – 237 с.

Оценка экспертных решений в судебной практике

Солдатова К.М.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России
(г. Москва)

Научный руководитель – Сафуанов Ф.С.

Анализ показывает, что в последние 8 лет при квалификации аффективных преступлений суды первой инстанции практически всегда назначают КСППЭ или СПЭ (Сафуанов Ф.С., Исаева И.В., 2015). Судебная психологическая экспертиза включает в себя исследование и дачу заключения по вопросам, требующим

специальных познаний в области психологической науки. Экспертное заключение является фактическим разъяснением по вопросам, которые поставил суд (следователь) перед экспертом и служит основным звеном, обеспечивающим взаимодействие между судебными (или следственными) органами и экспертом (Сафуанов Ф.С., 2011). Эффективное и грамотное сотрудничество между указанными сторонами находится в прямой зависимости от уровня их компетентности, грамотности и обоюдной осведомленности об особенностях пересечения их профессиональных областей.

Проведенное исследование судебных решений, включающих заключения экспертов-психологов, демонстрирует преобладание слаженности позиций вышеназванных структур, однако также выявляются многочисленные случаи их рассогласованности. Задачей данной работы является анализ использования экспертных психологических заключений судебными органами с целью выявления основных дезинтегрирующих факторов из взаимодействия.

В рамках уголовного процесса в отношении совершеннолетнего лица, обвиняемого в агрессивных действиях, можно выделить два основных вида судебно-психологической экспертизы по юридическому значению экспертных заключений: 1) экспертиза индивидуально-психологических особенностей и их влияния на поведение во время совершения инкриминируемых деяний; 2) экспертиза аффекта у обвиняемого в момент совершения инкриминируемых ему деяний. Указанные предметные виды судебно-психологической экспертизы являются одними из самых сложных, требующих опыта производства и высокой компетентности эксперта (Сафуанов Ф.С., 1998).

Экспертиза индивидуально-личностных особенностей со стороны экспертов дополнительно усложняется фактором отсутствия универсальной типологии вариантов квалификации влияния личности на поведение в момент правонарушения, что обуславливает необходимость тщательного анализа взаимодействия личностных структур с ситуационными переменными. С другой стороны, указанное юридически значимое состояние не имеет под собой четко закреплённых правовых последствий, в связи с чем суд чаще пренебрегает такой экспертной квалификацией (Сафуанов Ф.С., 1998).

Экспертное установление аффекта, напротив, базируется на определенных критериях, очерченных признаках с целостно описанной феноменологией протекания юридически значимой эмоциональной реакции, а также имеет существенное основание для квалификации статей с привилегированным составом преступления. Однако анализ экспертных заключений и здесь показывает наличие расхождений в позициях суда и экспертов. В частности, такая рассогласованность обусловлена неточными, недостаточно корректно сформулированными и

изложенными экспертными выводами в рамках вышеназванных предметных видов экспертиз.

В первую очередь, трудности понимания экспертных психологических заключений судом составляет использование экспертами терминов, которые косвенно свидетельствуют о неполноте осознанно-волевой регуляции подэкспертного в момент агрессивных действий, однако описание такого состояния не включает в себя юридически принятых и закрепленных экспертных квалификаций, которые могли бы быть понятны суду. Так, например, ответ на вопрос суда о нахождении подэкспертного в состоянии аффекта содержал в себе ответ о том, что «поступок подэкспертного был аффективно обусловлен» без дополнительных пояснений. Такая формулировка несет в себе двойственный смысл, где с одной стороны, присутствует указание на аффективный механизм агрессивных действий, но с другой, отсутствует какое-либо определение глубины такого аффективного состояния, позволяющее квалифицировать его как юридически значимое. Другим примером может служить формулировка о «резко фрустрирующем воздействии» ситуации на подэкспертного, «оказавшем существенное влияние». В данном случае существенное влияние приписывается внешним обстоятельствам, а не внутренним – личностным или аффективным механизмам, что является грубой ошибкой: изолированные ситуативные факторы, без преломления через личностные особенности, не могут оказывать существенное влияние. Кроме того, «фрустрирующее воздействие» как термин не обладает заданным экспертно-психологическим содержанием, собственной феноменологией, критериями, а также юридическим значением.

Крайне сложным для понимания судебных и следственных органов являются ответы гипотетического характера. Примерами могут являться следующие формулировки: «выявленные индивидуально-психологические особенности могли оказать существенное влияние на его сознание и поведение» или «в состоянии кумулятивного аффекта не находилась, однако она могла находиться в состоянии эмоционального напряжения на фоне длительной психотравмирующей ситуации, которое в определенной степени повлияло на ее поведение во время совершения инкриминируемого ей деяния». Указанные ответы выстроены в форме предположений, которые невозможно использовать в качестве однозначной и надежной доказательной базы по делу.

Другой класс ответов, чья некорректность менее очевидна для суда, но крайне ошибочна с экспертно-психологической точки зрения, иллюстрирует сочетание нескольких юридически значимых категорий. Примером может служить ответ, при котором психолог-эксперт одновременно устанавливает состояние аффекта и существенное влияние индивидуально-психологических особенностей в момент агрессивных действий: «В момент совершения инкриминируемого

ей деяния находилась в состоянии кумулятивного аффекта, возникшего как разрядка эмоционального напряжения...Индивидуально-психологические особенности...оказывали существенное влияние на сознание и деятельность подэкспертной в юридически значимый период, тем самым, ограничив ее в способности к осознано-волевой регуляции своего поведения в момент совершения инкриминируемого деяния». Вышеуказанная квалификация носит противоречивый характер, грубым образом нарушая фундаментальные теоретические положения, согласно которым состояние аффекта обуславливает такую глубину нарушения осознано-волевой регуляции, что личностный уровень регуляции нивелируется и не может одновременно с аффективными механизмами влиять на поведение индивидуума (Сафуанов Ф.С., 2011).

Таким образом, произведенный анализ судебных решений с использованием экспертных заключений иллюстрирует самые распространенные ошибки в экспертных психологических заключениях. Некорректность, неоднозначность или непонятность экспертных заключений ограничивает возможности использования судом такого рода доказательств при судопроизводстве, повышает вероятность того, что суд не будет учитывать такое заключение при вынесении приговора.

Литература

1. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. – М.: Гардарики: Смысл, 1998. – 192 с.
2. Сафуанов Ф.С. Определение аффекта у обвиняемого: проблемы правоприменительной практики и судебно-психологической экспертизы // Юридическая психология. – 2011. – № 1. – С. 11-14.
3. Сафуанов Ф.С., Исаева И.В. Анализ решений верховных судов по аффективным преступлениям и проблемы судебной экспертизы // Российский судья. – 2015. – № 12. – С. 37-40.

Когнитивные искажения и осознанная саморегуляция у лиц с шизотипическим и пограничным расстройствами личности

Туйчиева М.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Когнитивные искажения – это систематические ошибки в мышлении или шаблонные отклонения, которые возникают на основе дисфункциональных убеждений, внедренных в когнитивные схемы (Боброва Л.А., 2021).

Осознанная саморегуляция произвольной активности человека – это целостная система психических средств, при помощи которой человек способен управлять своей целенаправленной активностью (Моросанова В.И., 2015).

В нашем исследовании мы предположили, что у лиц с шизотипическим и пограничным расстройствами личности эмоциональный интеллект и уровень осознанной саморегуляции поведения ниже, чем у условно-здоровых людей.

Для выявления когнитивных искажений был выбран «Опросник когнитивных ошибок» А. Фримена в адаптации А.Е. Боброва, Е.В. Файзрахмановой (Бобров А.Е., 2017). Для исследования особенностей осознанной саморегуляции произвольной деятельности использовалась сокращенная версия опросника «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой (Моросанова В.И., 2015).

Выборку эмпирического исследования составили 127 человек в возрасте от 18 до 50 лет (средний возраст – 25,73 лет). Из них респондентов мужского пола - 54 чел., женского пола - 73 чел. Респонденты набирались на базе ПКБ №4 им. П.Б. Ганнушкина и в сети интернет посредством опроса через Google-форму. Выборка была разделена на 3 группы:

- Лица без установленных психических расстройств – 75 человек в возрасте от 18 до 50 лет (средний возраст 26,62 лет), из них 36 чел. женского пола и 39 чел. мужского.
- Лица с установленным пограничным расстройством личности – 30 человек в возрасте от 18 до 39 лет (средний возраст 24,76 года), из них 24 чел. женского пола и 6 чел. мужского.
- Лица с установленным шизотипическим расстройством личности - 22 человека в возрасте от 19 до 32 лет (средний возраст 23,86 года), из них 13 чел. женского пола и 9 чел. мужского.

Критерий Краскела-Уоллиса показал, что у лиц с шизотипическим расстройством личности (ШТРЛ) выраженность таких когнитивных искажений, как преувеличение опасности ($p = 0,00$), персонализация ($p = 0,00$), упрямство ($p =$

0,02), катастрофизация ($p = 0,00$), выученная беспомощность ($p = 0,00$), максимализм ($p = 0,00$) и морализация ($p = 0,03$) значимо выше, чем у условно здоровых людей.

У лиц с пограничным расстройством личности (ПРЛ) по сравнению с условно-здоровыми значимо выше выраженность таких когнитивных искажений, как персонализация ($p = 0,00$), упрямство ($p = 0,02$), катастрофизация ($p = 0,02$), выученная беспомощность ($p = 0,00$), максимализм ($p = 0,01$) и морализация ($p = 0,03$).

При этом не было выявлено статистически значимых различий между группами с ШТРЛ и с ПРЛ ни по одной из шкал опросника. Однако, можно отметить, что для лиц с ШТРЛ характерна выраженность преувеличения опасности, что не характерно для лиц с ПРЛ.

Также были выявлены значимые различия в уровнях осознанной саморегуляции и ее компонентов. Критерий Краскела-Уоллиса показал, что у лиц с ШТРЛ уровни моделирования ($p=0,00$), оценки результатов ($p=0,01$) и общий уровень осознанной саморегуляции поведения ($p=0,00$) значимо ниже, чем у условно-здоровых людей. У лиц с ПРЛ по сравнению с условно-здоровыми значимо ниже уровни планирования ($p=0,01$), гибкости ($p=0,00$), моделирования ($p=0,03$), программирования ($p=0,00$), надежности ($p=0,00$), оценки результатов ($p=0,00$) и общий уровень осознанной саморегуляции поведения ($p=0,00$).

По результатам данной методики также не было выявлено значимых различий между группами с ШТРЛ и с ПРЛ ни по одной шкале, но можно отметить, что у лиц с ПРЛ страдает большее количество компонентов саморегуляции, чем у лиц с ШТРЛ. Если лица с ШТРЛ имеют сниженные способности только к моделированию и оценке результатов (что, однако, значительно влияет на успешность всего процесса саморегуляции), то лица с ПРЛ имеют нарушение всей системы осознанной саморегуляции и практически всех ее компонентов.

Раскрывая данные результаты, можно говорить о том, что скорее всего, людям как с шизотипическим, так и с пограничным расстройствами личности свойственны следующие особенности:

- Ожидание враждебного и неодобрительного отношения к себе, фиксация на критических замечаниях, обидчивость, недоверие и настороженность, восприятие несогласия или замечания как отвержения, подавления или унижения.

- Негибкость суждений, преобладание эгоцентрических защитных суждений и бездействия, настойчивое стремление отстаивать свою самооценку, связанное со страхом ошибиться.

- Склонность преувеличивать значимость проблем и бурно на них реагировать, склонность к аффективно-шоковым и диссоциативным реак-

циям.

- Обесценивание собственного «я», декларирование пессимистической установки, стремление к поиску защиты и покровительства, декларирование своей слабости и беспомощности как оправдание неудач и нежелания активно преодолевать имеющиеся затруднения.

- Амбициозность и крайность в оценках и суждениях, потребность в восхищении, выражающаяся через нарциссическую безупречность.

- Декларирование повышенной моральной ответственности, преобладание моральных суждений и оценок в восприятии явлений и людей, представляющих потенциальное неудобство или опасность.

- Слабая выраженность процессов моделирования, которая может приводить к неадекватной оценке значимых внутренних условий и внешних обстоятельств; трудности в определении цели и программы действий, адекватных текущей ситуации.

- Сниженная критичность к своим действиям и ошибкам, неустойчивые субъективные критерии успешности.

- Сниженная потребность в осознанном планировании и программировании своего поведения, большая зависимость от ситуации и мнения окружающих.

Кроме того, лицам с ШТРЛ также свойственна склонность преувеличивать значимость проблем и бурно на них реагировать.

Лицам с ПРЛ также скорее всего свойственны такие особенности, как:

- Сниженная потребность в планировании своего поведения, нереалистичность и частая смена целей, выдвижение целей ситуативно и несамостоятельно.

- Неуверенность и трудности в динамичной и быстро меняющейся обстановке, сниженная способность адекватно и быстро реагировать на ситуацию, вносить коррективы в свою деятельность.

- Неумение продумывать последовательность своих действий (склонность действовать импульсивно).

- Низкая устойчивости функционирования регуляторных процессов в условиях психической напряженности.

Мы предполагаем, что как выраженность когнитивных искажений, так и сниженные способности к осознанной саморегуляции у лиц с рассматриваемыми расстройствами личности объясняются и логично соотносятся с такими критериями расстройств, как своеобразие мышления (у лиц с ШТРЛ) и нарушения идентичности, импульсивность и эмоциональная неустойчивость (у лиц с ПРЛ). При этом, особенности когнитивных искажений и навыков осознанной саморегуля-

ции в свою очередь могут усугублять проявления данных расстройств и негативно влиять на социальную, учебную, трудовую адаптацию и на межличностные отношения, а также повышать риск самоповреждающего и суицидального поведения. Данные особенности могут стать мишенями для психотерапевтического и психокоррекционного воздействия при работе с такими пациентами.

Литература

1. Бобров А.Е., Файзрахманова Е.В. Опросник когнитивных ошибок как инструмент оценки компонентов патологической тревоги // Доктор.Ру. – 2017. – № 8(137). – С. 59-65.
2. Боброва Л.А. Когнитивные искажения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. – 2021. – № 2. – С. 69-79.
3. Моросанова В.И., Бондаренко И.Н. Диагностика саморегуляции человека. – М.: Издательство Когито-Центр, 2015. – 304 с.

Проявления агрессивного поведения в дошкольном возрасте и способы его коррекции

Барабанова А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Ремеева А.Ф.

Агрессивное поведение в дошкольном возрасте может принимать различные формы. Оно может быть физическим, например, ребенок может толкать сверстников, ставить подножки и наносить удары. Оно также может включать словесные оскорбления, обзывательства и насмешки (Crick N. R., 1995).

Агрессивное поведение может выполнять различные функции. Реактивная агрессия является защитной ответной мерой и возникает в ответ на реальную или предполагаемую провокацию. С другой стороны, активная агрессия проявляется для достижения какой-либо цели, независимо от того, связана ли эта цель с материальной, территориальной выгодой или социальным доминированием. По сути, исследователи отличают агрессию, которая вызвана гневом, защитой и возмездием от агрессии хладнокровной, обдуманной и целенаправленной (Hubbard J.A., 2010). Первоначально исследователи предположили, что существуют различные группы агрессивных детей, причем одна группа проявляет преимущественно реактивную агрессию, а другая – преимущественно проактивную. Однако большинство исследований, проведенных на сегодняшний день, показывают, что эти два подтипа агрессии, как правило, проявляются одновременно, причем большинство агрессивных детей проявляют в той или иной степени как реактивную, так и проактивную агрессию. Другими словами, подтипы агрессии правильнее всего рассматривать как непрерывные проявления, которые в разной степени присущи каждому ребенку, а не как категории, к которым относятся исключительно дети (Dodge K.A., 2013).

Агрессивное поведение может быть результатом просмотра насильственных действий в средствах массовой информации, предыдущего опыта и травм, которые запускает реакцию борьбы в нервной системе, вследствие чего дети агрессивно реагируют на предполагаемую угрозу (Möble T., Kliem S., Rehbein F., 2014). Нездоровые отношения или разрыв в общении между родителями и детьми также влияют на их агрессивное поведенческое реагирование. Неэффективный, авторитарный, суровый и отвергающий стиль воспитания также способ-

стует такому поведению (Fikkers К.М., 2013). Психологические проблемы родителей, такие как депрессия, злоупотребление наркотиками и алкоголизм могут способствовать проявлению агрессии у детей. Агрессивные действия у детей могут являться следствием синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), маниакальной стадии биполярного расстройства, шизофрении, паранойи или других психотических состояний (Stuart G.W., 2012). Иногда дети ведут себя агрессивно из-за страха неспособности справиться с эмоциями, особенно с разочарованием и не способны эффективно выразить ситуацию словами. Другие факторы, включая влияние окружающей среды, постоянный стресс, отсутствие соответствующих навыков решения проблем и стратегий преодоления также могут привести к агрессивному поведению (Kanne S. M., Mazurek M. O., 2011).

В настоящий момент работе с агрессивным поведением дошкольников уделяется пристальное внимание. На базе дошкольных образовательных учреждений возможно выявление и ранняя работа с детьми во избежание дальнейшего усугубления данных проблем, а также затруднений школьной адаптации (Бахадова Е.В., Макарова А.М., 2022). Для эффективной коррекции агрессивного поведения необходимо соблюдение принципа максимально раннего вмешательства при выявлении признаков неблагополучия (Елисеева О.Н., 2012).

Коррекционная программа агрессивного поведения в дошкольном возрасте должна обладать системностью, комплексностью, индивидуальным подходом к характерологическим особенностям каждого ребенка, учитывать индивидуальные причины реализации им агрессивных моделей поведения.

Наиболее эффективными направлениями коррекционной работы с агрессивным поведением у дошкольников признаются индивидуальная и групповая работа, поведенческая и семейная терапия.

Также следует указать на наиболее эффективные техники коррекции различных видов агрессивного поведения. Среди данных техник можно выделить суггестивные, игротерапевтические, поведенческие, арт-терапевтические и ориентированные техники, а также их сочетания (Веретнова И.В., 2008).

В процессе работы с дошкольниками используются различные подходы к формированию и проведению программ, направленных на коррекцию агрессивности. Например, в коррекционной программе О.Н. Елисейевой (Елисеева О.Н., 2012), направленной на работу с агрессивными проявлениями детей старшего дошкольного возраста с гиперактивностью, проводимой в 2010 году, указываются 3 основных этапа работы: подготовительный, целью которого является создание мотивации на обучение конструктивным формам общения, конструктивно-формирующий, направленный на развитие социально-адаптированных форм поведения и перестройку структуры общения путем использования сказко-

терапии и специальная коррекция, ориентированная на развитие саморегуляции, навыков невербального общения путем применения активных игр и игр на развитие внимания.

Литература

1. Бахадова Е.В., Макарова А.М. Психологические и личностные особенности младших школьников, имеющих склонность к девиантному поведению // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2022. – № 4. – С. 149-164.
2. Веретнова И.В. Особенности проявления детской агрессии и формы ее коррекции // Социум и власть. – 2008. – № 2. – С. 18-19.
3. Елисеева О.Н. Психолого–педагогическая технология коррекции агрессивных проявлений у гиперактивных детей старшего дошкольного возраста // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 1. – С. 87-96.
4. Crick N.R., Grotpeter J.K. Relational aggression, gender, and social-psychological adjustment // Child development. – 1995. – Vol. 66. – № 3. – P. 710-722.
5. Dodge K.A. The structure and function of reactive and proactive aggression // The development and treatment of childhood aggression. – Psychology Press. – 2013. – P. 201-218.
6. Fikkers K.M. et al. Double dose: High family conflict enhances the effect of media violence exposure on adolescents' aggression // Societies. – 2013. – Vol. 3. – № 3. – P. 280-292.
7. Hubbard J.A. et al. Reactive and proactive aggression in childhood and adolescence: Precursors, outcomes, processes, experiences, and measurement // Journal of personality. – 2010. – Vol. 78. – № 1. – С. 95-118.
8. Kanne S.M., Mazurek M.O. Aggression in children and adolescents with ASD: Prevalence and risk factors // Journal of autism and developmental disorders. – 2011. – Vol. 41. – P. 926-937.
9. Mößle T., Kliem S., Rehbein F. Longitudinal effects of violent media usage on aggressive behavior–The significance of empathy // Societies. – 2014. – Vol. 4. – № 1. – P. 105-124.
10. Stuart G.W. Principles and Practice of Psychiatric Nursing-E-Book. . – 10th edition. – Elsevier Health Sciences, 2012. – 832 p.

Психологическая профилактика вторичного сиротства: мотивирование приемных родителей на взаимодействие со службами сопровождения

Баринаева В.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

Опираясь на иностранный, а также отечественный научно-практический опыт помощи детям, оставшимся без попечения родителей, невозможно опровергать, что устройство детей в замещающие семьи и дальнейшее воспитание дает наибольшую эффективность, так как оно обеспечивает и предоставляет удовлетворение такой потребности, как безопасность. Воспитание приемного ребенка в замещающей семье связано с определенными трудностями, в связи с чем работа служб сопровождения является актуальной (Мареева Л.А., Вахрушева И.А., 2019).

В.Н. Ослон (2013) предлагает в качестве методологического основания психологического сопровождения замещающих семей рассматривать эколого-динамический подход. В рамках данного подхода психологическое сопровождение осуществляется в двух направлениях – «экологическом» и «континуальном» (динамическом). В рамках первого направления психологическое сопровождение не ограничено временными рамками существования конкретной замещающей семьи, во втором оно имеет четкие временные границы, которые начинаются с момента объявления о намерении принять детей в семью и до изменения статуса семьи.

В ГКУСО РО Донецком центре помощи детям Ростовской области 140 семей находятся на сопровождении, из них только 31% (22 семьи) участвуют в мероприятиях сопровождения и обращаются за консультативной помощью. При этом важно подчеркнуть, что несмотря на то, что данные семьи находятся на базовом уровне сопровождения, риск отказа от ребенка минимален. Остальные семьи не обращаются за помощью и отказываются принимать участие в мероприятиях сопровождения, что не позволяет прогнозировать исключение повторного сиротства.

С учетом возникшей ситуации в регионе и приоритета работы служб сопровождения в отношении профилактики вторичных отказов от ребенка вопросы мотивации замещающих родителей являются актуальными.

Учитывая вышесказанное, было проведено исследование, целью которого является разработка и оценка условий эффективности реализации программы,

направленной на повышение мотивации у замещающих родителей на взаимодействие со службами сопровождения с целью профилактики вторичного сиротства.

Гипотеза исследования состоит в том, что программа, направленная на повышение мотивации у замещающих родителей на взаимодействие со службой сопровождения, является эффективным инструментом в предотвращении возникновения вторичного сиротства и послужит средством улучшения детско-родительских отношений в замещающих семьях.

В исследовании приняли участие 32 замещающие семьи, воспитывающие детей в возрасте от 5 до 10 лет и находящиеся на сопровождении в ГКУСО РО Донецком центре помощи детям. Выборка была разделена на контрольную и экспериментальную группы методом случайных выборов. В качестве методов исследования детско-родительских коммуникаций и отношения родителей были использованы опросник «Взаимодействие родитель – ребенок» (И.М. Марковская) и «Тест-опросник родительского отношения (ОРО)» (А.Я. Варга, В.В. Столин).

По результатам, полученным с использованием опросника «Взаимодействие родитель – ребенок» (Марковская И.М.), 59% замещающих родителей имеют низкий уровень принятия приемного ребенка, 13% – высокий. При этом по шкале «Эмоциональная дистанция – близость» у 90% обнаружен низкий уровень эмоциональной близости, у 10% – средний. По шкале «Отсутствие сотрудничества – сотрудничество» у 78% – низкий уровень сотрудничества, у 22% – средний. По шкале «Воспитательная конфронтация» у 25% выявлен низкий уровень, у 12% – средний и у 63% – высокий. По шкале «Удовлетворенность отношениями» у 16% респондентов установлен средний уровень, у 84% – низкий уровень. По результатам, полученным с использованием «Тест-опросника родительского отношения (ОРО)», 16% родителей имеют низкий уровень принятия ребенка, 84% – средний уровень.

В основе программы, направленной на повышение мотивации у замещающих родителей на взаимодействие со службой сопровождения, использовалась техника Мотивационного интервью. Мотивационное интервью – это техника консультирования, направленная на укрепление личной мотивации человека к изменениям (Миллер У.Р., Роллник С., 2017).

В результате сравнительного анализа, проведенного после реализации программы, были установлены значимые различия в экспериментальной группе с помощью U-критерия Манна – Уитни. По методике «Взаимодействие родитель – ребенок» значимые различия были выявлены по шкалам: «Отвержение – принятие» ($U = 32,5$; $p \leq 0.01$); «Эмоциональная дистанция – близость» ($U = 18$; $p \leq 0.01$); «Отсутствие сотрудничества – сотрудничество» ($U = 5,5$; $p \leq 0.01$); «Удовлетворенность отношениями» ($U = 0,5$; $p \leq 0.01$). При этом по шкале «Воспитательная

конфронтация» значимых различий не было выявлено. По результатам сравнительного анализа по методике «Тест-опросник родительского отношения» были выявлены значимые различия по шкале «Отвержение – принятие» ($U = 52$; $p \leq 0.01$). В контрольной группе значимых различий по результатам представленных методик не было выявлено.

Таким образом, можно констатировать, что в ходе проведенного исследования была подтверждена гипотеза и сделан вывод, что программа, направленная на повышение мотивации у замещающих родителей на взаимодействие со службой сопровождения, является эффективным инструментом в предотвращении возникновения вторичного сиротства, и служит средством улучшения детско-родительских отношений в замещающих семьях.

Литература

1. Мареева Л.А., Вахрушева И.А. ТОГБУ «Центр по развитию семейных форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей «Ради будущего» Методические рекомендации по сопровождению замещающих семей. – Тамбов, 2019. – 35с.
2. Ослон В.Н. Эколого - динамический подход как методологическое основание к психологическому сопровождению замещающей семьи // Психическая депривация детей в трудной жизненной ситуации: образовательные технологии профилактики, реабилитации, сопровождения [Электронный ресурс]: URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/childdeprivation/contents/69106> (дата обращения: 21.04.2024)
3. Миллер У.Р., Роллик С. Мотивационное консультирование: как помочь людям измениться. – М.: Эксмо, 2017. – 540 с.

Связь родительского отношения к подростку с успешностью его обучения

Беликова К.Р.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

В подростковый период у человека формируются модели поведения и личностные качества, которые помогают ему справляться с жизненными трудностями. Эти качества и модели поведения во многом определяются взаимоотношениями с родителями и их отношением к ребенку. Отношения с родителями

вливают на то, как подросток относится к миру, людям и общению с ними. Это также относится к учебной деятельности, которая является важной частью жизни школьника, настраивает его на путь самореализации, познания и выбора профессионального пути. Все вышесказанное обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

С целью анализа родительского отношения к подростку как причины успешности его обучения, мы обратились к современным психологическим теориям как в сфере детско-родительских отношений (Шнейдер Л. Б., 2024, Винникотт Д.В., 2015), так и успешности обучения подростков (Мурачковский Н.И., 2003, Цетлин В.С. 2006).

Таким образом, целью исследования стало изучение связи родительского отношения к подростку с успешностью его обучения.

Исследование проводилось на базе общеобразовательного учреждения города Москвы. Всего в исследовании приняли участие 23 человека. Из них 2 преподавателя по общим предметам и 1 классный руководитель, которые опрашивались с целью установить успешность обучения детей. Опрос проводился на основании анкеты, содержащей различные факторы оценок (Кобзарь Т.А., Кузнецова А.А., 2017).

С целью выявления особенностей отношения к ребенку подросткового возраста были опрошены родители детей, учащихся 6 класса в возрасте от 12 до 13 лет. Общая численность родителей составила 20 человек в возрасте от 33 до 45 лет, из которых 3 мужчин и 17 женщин. Родителям были предложены следующие психодиагностические методики: опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (Э.Г. Эйдемиллер и В.В. Юстицкис) и «Опросник родительского отношения к ребенку» (А.Я. Варга и В.В. Столин).

Анализ результатов проведенного исследования с использованием критерия корреляции Спирмена позволил выявить следующие значимые связи. Так, были получены связи успешности обучения ребенка со следующими показателями методик: гиперпротекция ($R=-0,399$, $p<0,05$), недостаточность требований-запретов ($R=,448$, $p<0,05$), неустойчивость стиля воспитания ($R=-0,450$, $p<0,05$), фобия утраты ребенка ($R=0,424$, $p<0,05$), отношение к неудачам ($R=-0,513$, $p<0,05$).

Отрицательный результат по шкале гиперпротекции свидетельствует об обратной связи с обучением: чем выше данный показатель, тем хуже успеваемость у ученика, так как родители слишком сильно контролируют подростка, не давая ему проявлять самостоятельность и ответственность.

Положительный показатель недостаточности требований-запретов, коррелирующий с успешностью обучения, говорит о прямой связи между данными показателями: чем меньше требований и запретов со стороны родителя, тем

выше успеваемость ребенка. В данном случае ребенок сам принимает решения в своей жизни, а требования и запреты со стороны родителей минимальны. По причине подобной свободы действий успеваемость становится выше, так как ученик сам принимает решения, касающиеся его деятельности.

Шкала неустойчивости стиля воспитания способствует худшей успешности обучения, об этом говорит отрицательная корреляция по данной шкале. Снижение успеваемости подростка в этом случае продиктовано резкой сменой стиля воспитания – от крайне строгого к попустительскому, от повышенного внимания к ребенку к эмоциональному отвержению его.

По шкале «фобия утраты ребёнка» получена положительная корреляция с успеваемостью. Это обусловлено, как правило, повышенной тревожностью родителей и повышенным вниманием с их стороны, но в отличие от гиперпротекции данная характеристика обладает большей эмоциональностью.

Также результаты исследования показали, что наблюдается тенденция в корреляции успешности обучения и показателей родительского отношения по шкалам: вынесение конфликта в сферу воспитания ($R=-0,377$); воспитательная неуверенность родителя ($R=-0,376$); минимальность санкций ($R=0,360$). Такие тенденции требуют дальнейших более подробных исследований с большим количеством выборки.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать вывод, что стиль семейного воспитания и отношение родителя к подростку имеют немаловажное значение в успешности его обучения. Так, при крайне авторитарном стиле воспитания, ограничении его самостоятельности и сверхконтроле, ребенок чаще демонстрирует свой неуспех в обучении, не стремится к познанию нового и не связывает свои желания с процессом освоения знаний.

Результаты исследования могут быть использованы психологами и педагогами в качестве материалов при работе с подростками и их родителями с целью повышения успеваемости детей.

Литература

1. Винникотт Д.В. Разговор с родителем. – М.: Класс, 2015. – 153 с.
2. Кобзарь Т.А., Кузнецова А.А. Критерии успешности учебной деятельности в подростковом возрасте // Коллекция гуманитарных исследований. – 2017. – № 4 (7). – С. 52-59.
3. Мурачковский Н.И. Как предупредить неуспеваемость у школьников. – Минск, 2003. – 164 с.,
4. Цетлин В.С. Неуспеваемость школьников и ее предупреждение. – М.: Педагогика, 2006. – 243 с.

5. Шнейдер Л. Б. Психология родительства: учебное пособие для вузов. – М.: Изд-во Юрайт, 2024. – 129 с.

Психологические особенности подростков при семейном неблагополучии

Василенко О.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

Актуальность данного исследования обусловлена значительным ростом числа детей из социально неблагополучных семей в современной России. Согласно сведениям о деятельности комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (по России) за 2022 год, численность несовершеннолетних, в отношении которых органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних проводилась индивидуальная профилактическая работа, составляет 461 377 человек. Также число протоколов и постановлений в отношении родителей (законных представителей) несовершеннолетних, поступивших на рассмотрение в КДН и ЗП, составило 500 253.

Беспрецедентный рост числа детей из социально неблагополучных семей поставил проблему их социально-психологической реабилитации и интеграции в общество, а также проблему профилактики сиротства в ряд наиболее приоритетных проблем практической психологии. Отмечается тенденция к устойчивой динамике выявления подростков с девиантным поведением.

Знание особенностей личностного развития подростков с нормативным развитием и нарушением хода онтогенетического развития, находящихся в условиях социальной депривации, особенно важно в настоящее время, когда выявлено большое количество детей и подростков, воспитывающихся в условиях семейного неблагополучия, в связи с чем находящихся в трудной жизненной ситуации.

К подростковому возрасту у ребенка, воспитывающегося в социально неблагополучной семье, формируется дефицит навыков социального поведения, необходимых для его успешной социальной адаптации.

В проведенном исследовании получены данные о психологических особенностях подростков при семейном неблагополучии. Материал эмпирического исследования, данные о выявленных различиях в характерологических, эмоционально-волевых, мотивационных, межличностных особенностях подростков,

воспитывающихся в дисфункциональных семьях, могут быть использованы в методических рекомендациях и при дальнейших исследованиях на данную тематику.

Практическая значимость исследования обусловлена высокой актуальностью проблемы создания системы социально-психологической помощи детям и подросткам из социально неблагополучных семей. Выделены психологические механизмы нарушения способности принимать и оказывать социальную поддержку подростками при разных категориях семейного неблагополучия. Обоснованы мишени психологической помощи, которые необходимо учитывать специалистам, работающим с подростками данной группой риска.

В данной работе были рассмотрены психологические особенности подростков при семейном неблагополучии. Целью исследования было выявление различий в уровнях выраженности психологических особенностей подростков при разных видах семейного неблагополучия.

В выборку исследования психологических особенностей подростков при семейном неблагополучии вошли 55 несовершеннолетних в возрасте от 14 до 17 лет включительно (средний возраст 15,7 лет), среди которых 47,3% мальчиков (26 чел.) и 52,7% девочек (29 чел.). 61,8% выборки (34 чел.) имеют критерий по семейному неблагополучию и состоят на профилактическом учете в КДН и ЗП г. Москва, у оставшихся 38,2% подростков (21 чел.) не выявлены признаки семейного неблагополучия.

Используемые методики:

1. Методика "Поведение родителей и отношение подростков к ним" (ПоР) Е.Шафер в адаптации НИПНИ им. Бехтерева (Л. И. Вассерман, И. А. Горьковая, Е. Е. Ромицына).
2. Методика «Мотивация аффилиации» А.Мехрабиана в модификации М. Ш. Магомед-Эминова.
3. Методика диагностики межличностных отношений Т. Лири
4. Методика диагностики акцентуаций характера К. Леонгарда-Г. Шмишека
5. Личностный опросник Я-концепция (Е. Пирс, Д. Харрис, А.М. Прихожан)
6. Диагностика мотивации достижения (А. Мехрабиан).

Выводы:

1. Особенности детско-родительских отношений, стиль родительского воспитания, семейные установки, уровень включенности родителей в жизнь своих детей являются важным фактором, обуславливающим своеобразие личностного развития подростков. В дисфункциональных семьях не осуществляются полноценные условия для нормативного развития детей, что может

стать дополнительным фактором, предрасполагающим к появлению отклонений в развитии личности подростка. Сочетание нарушения детско-родительских отношений и степень выраженности семейного неблагополучия приводит к формированию различных психологических особенностей подростков.

2. В социально неблагополучных семьях подростки воспринимают отношение родителей к себе как враждебное и непредсказуемое, считают, что родители к ним строги, чрезмерно критичны.

3. Имея специфичный опыт воспитания в дисфункциональной семье, подростки хотят близкого общения с другими, но боятся отвержения, вследствие чего проявляют замкнутость и враждебность, имеют трудности при коммуникации.

4. У подростков из неблагополучных семей нереалистичные ожидания в межличностном общении: они чаще оценивают себя как покорных и недоверчивых, при этом хотят быть властными и сотрудничающими. Имеются выраженные различия между оценками реального «Я» и идеального «Я» в межличностном общении.

5. Подростки из социально неблагополучных семей неудовлетворены собой и своей жизнью: они хотели бы быть другими, иметь другие отношения со сверстниками и взрослыми, лучше оценивать себя, уметь справляться со своими эмоциями и пр.

6. У подростков, воспитывающиеся в дисфункциональных семьях, чаще проявляются такие акцентуации характера, как экзальтированность, дистимность, циклотимность и возбудимость.

7. В неблагополучных семьях подросткам свойственна мотивация избегания неудачи, намного реже доминирует мотивация достижения успеха.

Литература

1. Беличева С.А. Социально-психологические основы предупреждения десоциализации несовершеннолетних: автореф. дис. ... докт. пед. наук. – М., 1989. – 42 с.
2. Вассерман Л.И., Горьковая И.А., Ромицына Е.Е. Родители глазами подростка. – СПб.: Речь, 2004. – 256 с.
3. Видерман Н.С. Характеристики копинг-поведения подростков с девиантным поведением. Дипломная работа. – М., МГППУ, 2007.
4. Дозорцева Е.Г. Аномальное развитие личности у подростков и юношей с делинквентным и криминальным поведением: дис. ... д-ра психол. наук. – СПб., 2000. – 380 с.

5. Евлашкина Н.М. Влияние детско-родительских отношений на проявление агрессивного поведения у подростков с девиантным поведением. Дипломная работа. – М., МГППУ, 2007. – 93 с.
6. Ениколопов С.Н. Социально-дезадаптированные семьи как объект психологической помощи // Тезисы конференции "Психолог и общество: диалог о взаимодействии", 12 февраля 2008 г. – М.: Центр развития русского языка, 2008. – С. 32-40.
7. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. – М.: Просвещение, 1983. – 198 с.
8. Осипова И.И. Система предотвращения социального сиротства и правонарушений несовершеннолетних. М.: Полиграф-сервис, 2005. – 281 с.
9. Сидоров Н.Р. Проблемы социальной дезадаптации несовершеннолетних. М., 2004. – 50 с.
10. Социально-психологическая и педагогическая помощь несовершеннолетним с девиантным поведением // Серия: «Инструктивно-методическое обеспечение содержания образования в Москве» / Отв. ред. В.П. Моисеенко. – М.: Центр «Школьная книга», 2006. – 296 с.
11. Туманова Е.В., Филиппова Е.В. Образ отца и образ себя у подростков (возрастные и гендерные аспекты) // Психологическая наука и образование, 2007. – № 2. – С. 16-24.
12. Фомичева Л.Ф. Образ родителей и представленность отношений с ними у подростка // Психологическая наука и образование. – 2005. – № 3. – С. 26-40.
13. Целуйко В.М. Психология неблагополучной семьи. – М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2006. – 270 с.

Особенности самоотношения старших подростков, склонных к самоповреждающему поведению

Василиадис О.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бусарова О.Р.

Проблемы самоповреждающего поведения старших подростков становятся все более распространенными в современном обществе, требуя особого внимания и комплексного изучения специалистами в области психологии и психиатрии. Самоповреждающее поведение (СПП) или селфхарм (self-harm, в переводе с английского – членовредительство, причинение вреда своему телу, самоповреждение) может оказывать сильное воздействие на общество в целом, так

как оно связано с рисками для здоровья и психики подростков. Статистические данные о распространенности самоповреждений в популяционных и клинических выборках среди подростков существенно различаются и составляют по разным источникам от 5% до 21,4% (Польская Н.А., 2019). Подросткам, переживающим интенсивные эмоциональные состояния, может быть сложно находить эффективные способы справиться с ними, и нанесение себе вреда может временно облегчить психологическую боль или стресс, создавая иллюзию контроля над эмоциями (Дарьин Е.В., Зайцева О.Г., 2023).

Старший подростковый возраст – период интенсивного формирования личности, включая определение своего места в обществе, понимание себя и собственных чувств. Самоотношение подростков формируется под влиянием множества факторов, включая семейную обстановку, социальные отношения, самоидентификацию и внутренние конфликты. Подростки, имеющие негативное самоотношение, могут испытывать чувство недооцененности, неуверенности в себе и низкой самооценки, что может привести к появлению стресса, тревожности и депрессии. Подростки могут использовать СПП в качестве способа снять стресс, контролировать свои эмоции или привлечь внимание к своим проблемам. Например, резание, удары по себе или другие формы самоповреждения могут временно облегчить эмоциональную боль или напряжение (Горохова А.А., Сомова Н.Л., Киричик Е.С., 2021).

Негативное самоотношение может увеличивать риск развития самоповреждающего поведения у подростков. Кроме того, низкая самооценка может сделать подростков более уязвимыми перед влиянием стресса и эмоциональных трудностей, что увеличивает вероятность использования самоповреждения как способа справиться с этими трудностями (Сторожева Ю.А., 2019).

Изучение связи самоповреждающего поведения и самоотношения может способствовать формированию более здоровой личности у старших подростков, а также помочь в разработке эффективных методов профилактики и коррекции СПП и развития способов совладающего поведения со стрессом и эмоциональными трудностями.

Наше исследование основывается на теориях, описывающих формирование самооценки и самосознания в период подросткового развития, а также на теориях, объясняющих механизмы возникновения и поддержания самоповреждающего поведения. Проблемы самоповреждающего поведения раскрыты в трудах таких ученых, как Н.А. Польская, А.Ю. Разваляева. Самоотношение и его природа стали объектом исследования таких ученых, как В. Франкл, В.В. Столин, Ю.С. Яранская, Н.И. Сарджвеладзе, Е.С. Киричик, Ю.А. Сторожева.

Методологические основания исследования опираются на принципы эмпирического анализа, включая использование стандартизированных психодиа-

гностических методик, а также статистических методов для обработки и интерпретации полученных данных. В исследовании нами были применены следующие психодиагностические методики: определение склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орёл), опросник самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантеев), шкала причин самоповреждающего поведения (Н.А. Польская).

В исследовании приняли участие старшие подростки в возрасте от 15 до 18 лет. Общее число участников составило 52 человека. Из них 26 человек (13 юношей и 13 девушек) склонны к самоповреждающему поведению (основная группа) и 26 человек (13 юношей и 13 девушек) – не склонны (группа сравнения). От всех участников было получено согласие на использование информации, полученной в ходе исследования, также соблюдены этические нормы и законы в отношении конфиденциальности.

Цель исследования – определить особенности самоотношения старших подростков, склонных к самоповреждающему поведению.

Объект исследования – самоотношение старших подростков.

Предмет исследования – особенности самоотношения старших подростков, склонных к самоповреждающему поведению.

Нами были выдвинуты три гипотезы исследования.

Первая гипотеза предполагает, что у подростков со склонностью к самоповреждающему поведению наблюдаются отличия в глобальном самоотношении, уровне самоуважения, аутосимпатии, самоинтереса и ожидаемого интереса от других по сравнению с их сверстниками без такой склонности.

Вторая гипотеза предполагает существование обратной связи между самоотношением и склонностью к самоповреждающему поведению.

Третья гипотеза предполагает, что старшие подростки женского пола имеют меньшую склонность к самоповреждающему поведению по сравнению со своими сверстниками мужского пола.

Проведенное эмпирическое исследование показало следующие результаты. Проверка первой гипотезы с использованием критерия Манна-Уитни позволила нам сделать вывод о том, что глобальное самоотношение, самоуважение, аутосимпатия, ожидаемые отношения других и самообвинение различаются у подростков с разной склонностью к самоповреждающему поведению.

Вторая гипотеза была подтверждена на основании результатов корреляционного анализа с использованием коэффициента Спирмена, мы сделали вывод, что у подростков склонность к самоповреждающему поведению отрицательно коррелирует со шкалами опросника самоотношения.

Гипотеза о том, что старшие подростки женского пола менее склонны к самоповреждающему поведению, чем их сверстники мужского пола, не подтвердилась. Психологические и эмоциональные факторы, такие как стресс, тревога,

депрессия и самооценка, могут играть более существенную роль в самоповреждающем поведении, чем половая принадлежность. Индивидуальные различия в этих факторах могут быть более важными, чем различия между полами.

В результате проведенной работы были разработаны рекомендации для практического применения результатов исследования в психологической работе и поддержке подростков, склонных к самоповреждающему поведению.

Литература

1. Воржев И.Ю. Особенности самоотношения в старшем подростковом возрасте// В книге: Generation Ψ. Материалы II Всероссийской научно-практической студенческой конференции. // Под ред. А.С. Тишковой. – Новосибирск, 2021. – С. 47-49.
2. Горохова А.А., Сомова Н.Л., Киричик Е.С. Исследование особенностей самооценки современных детей и подростков // Психология человека в образовании. – 2021. – Том 3. – № 2. – С. 128-139. doi: 10.33910/2686-9527-2021-3-2-128-139.
3. Дарьин Е.В., Зайцева О.Г. Этиология и факторы риска несуйцидального самоповреждающего поведения// Медицинский вестник Юга России. – 2023. – Том 14. – № 1. – С. 13-23.
4. Польская Н.А. Аутодеструктивное поведение в подростковом возрасте: профилактика и основы психолого-медико-педагогической помощи. Методические рекомендации – М.: ФГБНУ «Центр защиты прав и интересов детей», 2019. – 58 с.
5. Польская Н.А. Самоповреждающее поведение и методы его профилактики у подростков // В сборнике: Психическое здоровье и образование. сборник научных статей по материалам II Конгресса "Психическое здоровье человека XXI века" – М.: Изд-во «Городец», 2018. – С. 303-305.
6. Сторожева Ю.А. Взаимосвязь образа родителей и самоотношения в юношеском возрасте// Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – Том 7. – № 3. – С. 45.

Ксенофобские установки у несовершеннолетних и молодых взрослых

Галютин А.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Проблема ксенофобии является актуальной, т.к. наша страна имеет богатое культурное и религиозное многообразие, в то же время для нее характерно и значительное социальное и экономическое расслоение. На фоне этого в обществе периодически возникают межнациональные и межгрупповые конфликты на почве ксенофобии. Ксенофобия – это негативное, эмоционально насыщенное, иррациональное по своей природе отношение субъекта к определенным человеческим общностям и их отдельным представителям – «чужакам», «иным», «не нашим» (Кроз М.В., 2005). Чтобы попытаться спрогнозировать, перерастет ли бытовая ксенофобия в преступную деятельность, важно учитывать совокупность факторов, в том числе правосознание граждан, их отношение к праву и правовым нормам, а также ценностно-смысловые ориентации, т.к. благодаря им формируется отношение человека к окружающей действительности и к другим людям (Буслаева Е.Л., 2011).

В 2024 году нами проведено исследование, цель которого заключается в выявлении и описании особенностей ксенофобских установок, правосознания и ценностно-смысловой ориентации у несовершеннолетних и молодых взрослых.

Мы предположили, что несовершеннолетние больше склонны к ксенофобии, чем молодые взрослые; низкий уровень ксенофобских установок свойственен несовершеннолетним и молодым взрослым, имеющим высокие показатели по ценностям «доброта» и «универсализм», а высокий уровень ксенофобских установок свойственен несовершеннолетним и молодым взрослым, имеющим высокий показатель по ценности «безопасность», «власть»; несовершеннолетним и молодым взрослым с более высоким уровнем развития правосознания свойствен низкий уровень ксенофобских установок.

Выборку эмпирического исследования составили 112 человек в возрасте от 14 до 25 (средний возраст – 18,04 лет). Из них юношей 41 человек (возраст от 14 до 24, средний возраст – 16,21 лет), девушек - 71 (возраст от 15 до 25 средний возраст – 19 лет). 55 респондентов выборки - пользователи социальной сети «ВКонтакте», анкетирование с ними было проведено с помощью системы Google-формы; 57 чел. – ученики ГБОУ школы № 1363 г. Москвы. Выборка была разделена на две группы: несовершеннолетние от 14 до 17 лет и молодые взрослые от 18 до 25 лет.

Для исследования были использованы следующие методики: авторская демографическая анкета, «Индекс толерантности» Г. У Солдатовой (2002; 2008); «Тест коммуникативной толерантности» В.В. Бойко (Фетискин Н.П., 2002); «Шкала оценки ксенофобских установок ОКУ» О.Д. Гуриной (2019); «Тест правового и гражданского сознания» Л.А. Ясюковой (Дворянчиков Н.В., 2017); «Тест смысло-жизненных ориентаций СЖО» Д.А. Леонтьева (2000); «Портретный ценностный опросник PVQ» Ш. Шварца (Карандашев В.Н., 2004).

Было выявлено, что уровень общей толерантности (в том числе социальной и этнической) выше у молодых взрослых, чем у несовершеннолетних. Несовершеннолетние в большей степени склонны проявлять категоричность в оценках окружающих, а также отличаются нетерпимостью к негативным состояниям других. Молодые взрослые имеют более высокий показатель толерантности по сравнению с несовершеннолетними.

Несовершеннолетние и молодые взрослые придают примерно одинаковое значение всем ценностям, однако есть небольшие отличия: для несовершеннолетних больше, чем для молодых взрослых, значима ценность «гедонизм» как получение от удовольствия от жизни, в то время как для молодых взрослых существенно важнее, чем для несовершеннолетних, благополучие окружающих людей и их безопасность. Наиболее значимыми ценностями для обеих групп являются самостоятельность и независимость. Наименее значимы для них традиции, они не готовы принимать традиционные идеи и обычаи, существующие в их культуре, и предпочитают не ориентироваться на них.

По результатам корреляционного анализа было выявлено, что несовершеннолетним и молодым взрослым с выраженными ксенофобскими установками не свойственны ценности «доброта» и «универсализм», однако для них особую значимость имеет ценность «власть». Также для молодых взрослых с выраженными ксенофобскими установками важна ценность «безопасность». Таким образом, мы можем отметить, что людям с гуманистическими ценностями не свойственно относиться негативно к представителям других этнических и социальных групп. Стремление иметь превосходство над окружающими, наоборот, коррелирует с негативными установками. Молодые взрослые могут иметь подобные установки в силу того, что испытывают страх перед тем, что они воспринимают «другим», «чужим», считая, что это способно негативно повлиять на их благополучие.

Корреляционный анализ также показал, что несовершеннолетним и молодым взрослым с высоким уровнем правосознания свойственно быть более толерантными. Предположительно, это связано с тем, что люди с высоким уровнем правосознания более ответственно относятся к уважению прав человека и его правовых свобод, что способствует более терпимому отношению к различиям

других людей, а значит, снижает вероятность появления ксенофобских установок.

Также мы обнаружили, что люди с ксенофобными установками и ценностями власти коммуникативно не толерантны, что усложняет их процесс взаимодействия с окружающими, мешая адаптироваться в социуме. Подобное явление отмечается и у тех людей, которые недовольны процессом и результатом своей прожитой жизни, т.к. это коррелирует с неумением прощать другим людям их ошибки.

Таким образом, ценностно-смысловые ориентации оказывают особое влияние на отношение к окружающим людям. Важно воспитывать гуманистические ценности, а также повышать уровень правосознания в обществе, чтобы снизить вероятность возникновения межгрупповых конфликтов на почве ксенофобии.

Литература

1. Буслаева Е.Л. Ценностно–смысловые ориентации студентов высшей профессиональной школы // Вестник ОГУ. – 2011. – №2 (121). – С. 98-103.
2. Гурина О.Д. Разработка и апробация шкалы оценки ксенофобских установок (шкала ОКУ) [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2019. – Том 9. – № 4. – С. 149-160.
3. Дворянчиков Н.В., Делибалт В.В., Дозорцева Е.Г. и др. Сборник тестов программно–методического комплекса дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност–Эксперт+» Методическое руководство – М.: МГППУ, 2017. – 198 с.
4. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. – СПб.: Речь, 2004. – 70 с.
5. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Социально–психологические и правовые аспекты ксенофобии. – М.: Academia, 2005. – 52 с.
6. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентации (СЖО). 2–е изд. – М.: Смысл, 2000. – 18 с.
7. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Прокофьева Т.Ю., Кравцова О.А. Психодиагностика толерантности личности. – М.: Смысл, 2008. – 172 с.
8. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально–психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М.: Изд–во Института Психотерапии, 2002. – 490 с.

Психологические особенности показаний несовершеннолетних свидетелей

Гамова Д.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Возможности психологического анализа показаний выступают в качестве одного из наиболее востребованных практических направлений юридической психологии. Дискуссии о способности формирования показаний, надежности, то есть об их полноте, точности, особенно в отношении категории несовершеннолетних лиц, ведутся в научном сообществе с начала XX в.

Цель исследования заключается в выявлении и описании психологических особенностей показаний несовершеннолетних свидетелей. Объектом исследования выступают особенности показаний несовершеннолетних свидетелей, предметом исследования являются показания несовершеннолетних свидетелей в возрасте 5-10 лет.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что можно выделить и описать психологические особенности показаний несовершеннолетних свидетелей, а именно:

1. Возрастной фактор является одним из значимых при анализе показаний несовершеннолетних свидетелей;
2. Дети младшего школьного возраста (9-10 лет) могут более структурировано и подробно описать увиденную ситуацию, свидетелями которой они были, чем дети старшего дошкольного возраста (5-7 лет).

Методологические основы исследования составили научные труды авторов: U. Undeutsch V.G. Amado и др. Эмпирическую базу исследования составили видеоматериалы, полученные в ходе проведения эксперимента и структурированного интервью (Undeutsch U., 1989). Также для проверки когнитивных возможностей детей были использованы субтест на зрительную память теста Векслера (WISC) и «Прогрессивные матрицы Равена». Ход эксперимента фиксировался на видео. Видеоматериал, предъявляемый в ходе эксперимента – фрагмент мультфильма «Осторожно, обезьянки!», из серии мультфильмов: «Обезьянки» (Союзмультфильм, 1984). После его просмотра в форме свободного рассказа запрашивался пересказ событий, происходивших в мультипликационном фрагменте. Далее следовало проведение этапа структурированного интервью, состоящего из 9-ти открытых вопросов, по сюжету мультипликационного фрагмента (Vrij A., 2005). Через 4 дня проводилась повторная серия.

В выборку вошли 6 испытуемых в возрасте от 5 до 10 лет, проживающих в Москве и Подмосковье. Были составлены 2 группы, разделенные по возрастному фактору. Группа «А» состояла из старших дошкольников в возрасте 5-7 лет, средний возраст 5 лет 6 месяцев. Группа «В» - младшие школьники 9-10 лет, средний возраст 9 лет 3 месяца.

Анализ результатов исследования проводился с использованием методов описательной статистики, экспертной оценки, качественного и количественного анализа показаний испытуемых. Был рассчитан критерий Cohen's kappa для проверки результатов согласованности и значимости экспертных оценок, в среднем, отразивший умеренное значение каппа-статистики 0.602.

Результаты. Сопоставляя категории и критерии контент-анализа, видно, что группа младших школьников «В» показывает более высокий результат по сравнению с дошкольниками по таким общим признакам, как: логичность структуры рассказа, количество деталей, осмысленность и полнота описания. Дети более четко переносят специфическое содержание, контекст видеоматериала, отдельные действия и взаимодействия героев, без существенных искажений. В то же время в группе старших дошкольников «А» специфическое содержание описывается менее полно и структурно. Младшие испытуемые более эмоционально погружены в контекст, о чем свидетельствуют их яркие мимические проявления, жестовое подражание героям и т.п., запечатленные благодаря видеофиксации процедуры эксперимента и интервью. Также они чаще ждут эмоциональных и оценочных комментариев со стороны экспериментатора. Что касается структурированного интервью как дополнительного средства получения информации, то в группе «А» после его проведения объем полученной информации об основных моментах мультфильма увеличивается в среднем на 34%. В группе «В» различие менее существенно и составляет 11%.

При проведении субтеста теста Векслера на зрительную память способность к репродукции зрительных образов геометрических рисунков наиболее полно и качественно реализуется в группе «В», выделяются более четкие углы и линии, пропорциональные формы, принцип их изображения несет порядок от общего к частному, что отличается от фрагментарного воспроизведения геометрических рисунков группой «А». Форма – одно из свойств окружающих нас предметов, она получает обобщенное отражение в геометрических фигурах, которые, в свою очередь, выступают некоторыми эталонами. Так, даже чувственно воспринимаемые свойства геометрических фигур формируют различные представления об окружающем мире, например количественные: протяженность, объем, место в пространстве, ориентация, принадлежность и т.д. Восприятие со временем усложняется, представления совершенствуются. Все это неразрывно связывается с развивающимися мыслительными операциями, интеллектуальной си-

стематизацией, что в совокупности является неотъемлемой частью тематики, связанной с анализом показаний несовершеннолетних.

Согласно результатам выполнения методики «Шкала прогрессивных матриц» Равена показатель SR у группы «А» соответствует средним нормативным значениям по возрастной группе, в то время как в группе «В» эти значения высокие. Так, общий показатель результатов по всему исследованию в группе младших школьников (82%) выше, чем у старших дошкольников (56%).

Точность и правильная формулировка вопросов структурированного интервью помогает раскрыть изначальный свободный рассказ, показания старших дошкольников. Объем получаемой информации о содержании мультипликационного фрагмента, персонажах, их действиях, увеличивается в среднем на 22%. Это важно учитывать при планировании и проведении допроса.

Ключевым является глубина применяемых комплексных мер, способствующих раскрытию полноты показаний несовершеннолетнего, что существенно для применения дальнейших базовых линий анализа показаний. Важно учитывать особенности проведения допроса с правовой и психологической точек зрения. Необходимо тщательно продумывать характер, формулировку вопросов, взаимодействие следователя и допрашиваемого, вариабельность применяемых методов, наличие аудио- и видеоматериалов допроса. Существенное значение имеет учет невербальных, вербальных проявлений допрашиваемого, его возрастных, индивидуальных особенностей, связанных с мотивацией, отношением к делу, эмоциональным комплексом, знаниями, жизненным опытом и т.п. (Дозорцева Е.Г., Красавина А.Г., 2017).

Таким образом, в теории и практике психологии разрабатываются рекомендации, касающиеся необходимости комплексного, многоаспектного психологического анализа показаний детей в судебно-следственном процессе. Глубокое исследование проблематики тактики допроса несовершеннолетних, анализ качественной стороны показаний, различных факторов, оказывающих влияние на их содержание, способствует развитию, эффективности, оптимизации действий, выходящих за рамки сугубо юридических знаний.

Литература

1. Дозорцева Е.Г., Красавина А.Г. Правила проведения допросов несовершеннолетних, потерпевших от преступлений: изменения в следственной практике // Культурно-историческая психология. – 2017. Том 13. – № 3. – С. 23-31. – doi: 10.17759/chp.2017130304.

2. Amado B.G. et al. Undeutsch hypothesis and Criteria Based Content Analysis: A meta-analytic review // The European Journal of Psychology Applied to Legal Context. – 2015. – Vol. 7(1). – P. 3-12.
3. Undeutsch U. The development of statement reality analysis // In Yuille J. (Eds.), Credibility Assessment. A Unified Theoretical and Research Perspective, Nato Science. – Vol 47. – Springer, Dordrecht. – doi: [10.1007/978-94-015-7856-1_6](https://doi.org/10.1007/978-94-015-7856-1_6).
4. Vrij A. Criteria-Based Content Analysis: A Qualitative Review of the First 37 Studies. // Psychology, Public Policy, and Law. – 2005. – Vol. 11. – P. 3-41. – doi: 10.1037/1076-8971.11.1.3.

Характеристики виктимного поведения у несовершеннолетних потерпевших от сексуальных преступлений, совершенных в интернет-среде

Гулиева А.Р.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дозорцева Е.Г.

Для современных молодых людей интернет стал частью реальной жизни, а не только виртуальной, как считали раньше. Чем ребенок старше, тем ниже уровень родительского контроля над интернет-контентом, который потребляет ребенок. Если среди родителей младших школьников и дошкольников почти 90 % следят за направленностью интернет-ресурсов, которыми интересуются их дети, то среди родителей подростков – всего лишь 60 %. При этом большинство опрошенных родителей считают проблему безопасности в интернете актуальной и важной, но у 42 % отсутствует четкое представление о сути персональных данных в интернет-среде (Калашник В.А., 2022). В связи с этим риск стать жертвой онлайн-преступления у подростка гораздо выше, потому что, к сожалению, большая часть несовершеннолетних пренебрегает элементарными правилами информационной безопасности.

К основным видам сексуальных правонарушений в сети Интернет относятся секстинг и кибергруминг, они представляют собой манипулятивные формы коммуникации, которые применяются для воздействия на несовершеннолетних. Преступники скрывают истинную цель своих действий, прикрываясь другими мотивами общения, что заставляет несовершеннолетних рассматривать эти взаимодействия как допустимые и легитимные.

Секстинг – это отправка, получение, а также пересылка сообщений сексуального содержания (обнаженных, частично обнаженных или сексуально направленных изображений себя или других) в сети Интернет. Секстинг может привести к негативным последствиям, таким как сексуальное рискованное поведение, киберзапугивание, шантаж, секс по принуждению и сексуальное насилие (Van Ouytsel J., Ponneta K., Walrave M., 2016).

Кибергруминг – сложное комплексное явление, представляющее собой онлайн-взаимодействие взрослого с несовершеннолетними, направленное на получение от последних сексуального контента (Солдатова Г. и др., 2012). Кибергруминг обычно описывается как «обхаживание» несовершеннолетнего с сексуальными намерениями. Чаще всего, однако, это коммуникация без цели встречи «офлайн», направленная на получение сексуально окрашенного контента для дальнейшей его реализации и вероятного шантажа несовершеннолетней жертвы. Этот признак качественно отличает кибергруминг от секстинга. Психологические приемы, используемые кибергрумерами, представляют собой информирование (в том числе путем предоставления искаженной информации - подтасовки фактов, искажения понятий, лжи, запутывания и др.), внушение (для снижения уровня критичности восприятия несовершеннолетним информации), убеждение (для побуждения жертвы принять точку зрения кибергрумера в отношении какой-либо ситуации и/или поступка) и принуждение (для снижения или устранения сопротивления жертвы путем приказов, угроз и шантажа).

Сам процесс кибергруминга, как правило, не длителен, тем не менее негативное психологическое воздействие на ребенка может иметь долгосрочный характер. Помимо чувства обиды ребенок нередко испытывает и чувство вины за произошедшее, считает негативные последствия случившегося заслуженными. Это может привести к формированию низкой самооценки, аутоагрессивному поведению. Последствия также могут состоять в трансформации взглядов и социальных ценностей жертвы в отношении сексуального поведения.

Виктимность – это потенциальная совокупность психофизических свойств, которая определяет трудности несовершеннолетних в распознавании сексуальной нацеленности злодеяния, постижение морально-этического компонента и потенциальных общественных социальных последствий (Морозова Н.Б., 1999).

Стоит отметить, что значимую роль в формировании виктимной личности несовершеннолетнего играют также и негативные формы семейного воспитания. Как правило, такие воспитательные стратегии характеризуются авторитарностью, враждебностью, эмоциональной депривацией, неадекватными воспитательными средствами, отчуждением. Вместе с этим, в процессе развития виктимности также важным является индивидуальный опыт несовершеннолетнего. Та-

ким образом, виктимность несовершеннолетних определяется и внутренними (индивидуальные особенности, наличие психопатологии и т.д.), и внешними (особенности ситуации социального формирования и конкретной юридически значимой ситуации) факторами (Борисенко Е.В. и др., 2021).

Данные о распределении детей, попадающих под воздействие кибергруппинга, по полу неоднозначны. Отмечается, что девочки чаще становятся жертвами и переживают тяжелые последствия кибергруппинга (Медведева А.С., 2023). Вместе с тем мальчики более активно используют интернет, что делает их более уязвимыми для онлайн-посягательств сексуального характера. Они также склонны к рискованному поведению в социальных сетях, включая размещение объявлений о поиске взрослых партнеров для сексуальных отношений (Whittle H.C., Hamilton-Giachritsis C.E., Beech A.R., 2014).

Важно развивать у детей навыки защиты личных границ и критического взгляда на онлайн-собеседников. Несмотря на продолжительное внимание юристов, криминологов, социологов, психологов, психиатров, педагогов к данному вопросу, механизмы виктимизации несовершеннолетних в интернет-среде остаются мало изученными.

Исследование характеристик виктимности и проявлений виктимного поведения у несовершеннолетних, пострадавших от сексуального насилия в интернет-среде, является важной составляющей в разработке программ, направленных на психологическую профилактику этого вида правонарушений.

Недостаточная изученность данной проблемы и ее бесспорная актуальность определяют необходимость проведения эмпирических исследований с целью определения психологических характеристик виктимного поведения несовершеннолетних потерпевших от сексуальных преступлений, совершенных в интернет-среде.

Литература

1. Борисенко Е.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., Чибисова И.А. Показатели виктимности у несовершеннолетних потерпевших от сексуального насилия и злоупотребления [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2021. – Том 11. – № 2. – С. 132-145. – doi: 10.17759/psylaw.2021110210.
2. Калашник В.А. Половые преступления в отношении несовершеннолетних в сети Интернет: факторы динамики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2022. – Вып. 4 (845). – С. 106-111. – doi: 10.52070/2500-3488_2022_4_845_106.
3. Медведева А.С. Виктимизация несовершеннолетних в процессе кибергруппинга: гендерная и психосексуальная специфика [Электронный

ресурс] // Психология и право. – 2023. – Том 13. – № 4. – С. 83-94. – doi: 10.17759/psylaw.2023130407.

4. Морозова Н.Б. Психические расстройства у несовершеннолетних – жертв сексуального насилия (клиника, возрастные особенности, судебно-психиатрическое значение): автореф. дис. ...д-ра мед. наук. – М., 1999. – 48 с.
5. Солдатова Г., Рассказова Е., Зотова Е., Лебешева М., Роггендорф П. Дети России онлайн. Результаты международного проекта EU Kids Online II в России. – М.: Фонд развития Интернет, 2012. – 213 с.
6. Whittle H.C., Hamilton-Giachritsis C.E., Beech A.R. “Under his spell”: Victims’ perspectives of being groomed online // Social Sciences. – 2014. – Vol. 3(3). – P. 404-426. – doi:10.3390/socsci3030404.
7. Van Ouytsel, J., Ponneta K., Walrave, M., & d’Haenens, L. Adolescent sexting from a social learning perspective // Telematics & Informatics. – 2016. – Vol. 34(1). – P. 287-298. – doi: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2016.05.009>.

Особенности взаимоотношений в семьях, воспитывающих ребенка-инвалида

Дмитриева Е.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Штейнберг И.Е.

Проблема исследования детско-родительских отношений и роли сиблингов в развитии ребенка-инвалида является одной из ведущих в психолого-педагогической науке.

Роль родителей сложно переоценить в жизни каждого ребенка, в том числе и ребенка-инвалида, именно они являются образцом подражания для своих детей. Через общение с родителями у детей происходит понимание жизненных ценностей, которые транслируются в семье. Для воспитания здорового во всех смыслах ребенка и сибса-инвалида, благополучного в будущем, родителям необходимо найти индивидуальный подход к каждому. В последнее время проводится множество исследований в рамках различных наук для того, чтобы раскрыть данные проблемы.

Х. Кох стала одним из первых исследователей, начавших изучение проблемы сиблингов в семье (Koch H.L., 1955). В последствии В. Томан исследовал влияние формальных семейных характеристик на развитие личности ребенка. В

его теоретической модели, основанной на предположении о том, что люди получают роли в семье в зависимости от их пола, возраста и т.д., приобретенные в семье роли распространяются во внесемейное пространство (например, роль «младшей сестры брата» может быть распространена на все семейство) (Toman W., 1976).

М. Макголдрик и Р. Герсон выделили следующие факторы для развития сиблинговых отношений: пол, разница в возрасте, время рождения каждого последующего ребенка в истории рода, характеристики личности ребенка, сиблинговая позиция ребенка по отношению к родительской позиции (McGoldrick M., Gerson R., 1985).

И.Е. Валитова в своей работе о сиблинговых отношениях (с позиции здорового ребенка) пишет: «в отношениях между сиблингами, один из которых – ребенок с особенностями в развитии, несмотря на отношения эмпатии и доброжелательности, присутствуют явно выраженные тенденции конкуренции, предполагающие стремление главенствовать над другим (особым ребенком); антагонизм, проявляющийся в наличии резких противоречий во взаимоотношениях» (Валитова И.Е., 2006). О более детальном рассмотрении сиблинговых исследований рассказано в работе, опубликованной Н.М. Зыряновой (Зырянова Н.М., 2008).

Мы провели исследование с целью изучения особенностей сиблингов в семьях с детьми-инвалидами.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что для семей, воспитывающих ребенка с инвалидностью, характерны: изменение внутрисемейных отношений в сторону большей сплоченности, независимости и социальной изоляции; неудовлетворенность родителем отношениями с детьми, где наиболее сильные и часто возникающие конфликты наблюдаются в области родительско-детских отношений у здоровых сиблингов, особенно у старших детей; наименее сильные и часто возникающие конфликты – у сиблингов-инвалидов, что связано с присутствием гиперопеки или, наоборот, попустительским отношением со стороны родителей.

Характеристика материала исследования. Всего было исследовано 100 сиблингов (50 человек - здоровые сиблинги, 50 человек - сиблинги-инвалиды) и 114 родителей, из них 62 матери и 52 отца. Испытуемые были распределены на экспериментальную (ЭГ) и контрольную группы (КГ), где ЭГ составили семьи, имеющие сибса-инвалида, КГ – семьи, имеющие здоровых детей.

Методики исследования. В исследовании применялись следующие методики: PARI (Parental Attitude Research Instrument - методика изучения родительских установок) разработана американскими психологами Е.С. Шеффер и Р.К. Белл (1958); опросник «Анализ семейной тревоги» (АСТ) (Э.Г. Эйдемиллер, В.

Юстицкис, 2000); опросник «Анализ семейных взаимоотношений (АСВ) (Э.Г. Эйдемиллер, 1990); тест на конфликтность Кноблех – Фальконетт (1986). Для математического анализа данных мы использовали программу IBM SPSS 14 Statistics 20.

По результатам исследования были выявлены и описаны особенности отношений сиблингов к сибсам с проблемами в развитии, где появляется повышенный риск поведенческих и эмоциональных проблем, что негативно отражается на внутрисемейных ситуациях; матери и отцы из семей, воспитывающих детей с ОВЗ и инвалидностью, с большей вероятностью оценивали поведение здоровых сиблингов как «ненормальное» по сравнению с родителями, воспитывающими только здоровых детей. Для сиблингов, имеющих сибса с инвалидностью, характерны низкие показатели психической и социальной адаптации по сравнению со здоровыми сиблингами. Важным фактором неблагополучия здоровых сиблингов, имеющих сибса с инвалидностью, является проецирование материнского отношения к больному ребенку на здорового сиблинга, что отражается в более высокой степени его эмоционального отвержения.

Литература

1. Валитова И.Е. Взаимоотношения в семье между сиблингами, один из которых – ребенок с особенностями в развитии // Мир психологии. – 2006. – № 4. – С. 55-67.
2. Зырянова Н.М. Ранние сиблинговые исследования // Психологические исследования. – 2008. – № 2. – С. 38-56.
3. Лагун И.В. Сиблинговые отношения как ресурс развития личности ребенка // Журнал практического психолога. – 2016. – № 6. – С. 58-60.
4. Koch H.L. Sibling Influence On Children's Speech // Journal of Speech and Hearing Disorders. – 1956. – Vol. 21. – № 3. – P. 322-328.
5. McGoldrick M., Gerson R. Genograms in family assessment. – N.Y.: W.W. Norton. – 1985.
6. Toman W. Family constellation: Its effects on personality and social behavior. – N.Y.: Springer. – 1976. – 333 p.

Особенности эмоционального интеллекта у несовершеннолетних, имеющих опыт употребления ПАВ

Дубровина М.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Федонкина А.А.

Количество подростков, употребляющих психоактивные вещества, неуклонно растет (Статистика Министерства Здравоохранения РФ, 2021). Преодоление данной проблемы зависит от множества факторов, и один из них – это совершенствование программ вторичной психопрофилактики употребления ПАВ.

Несовершеннолетние, употребляющие ПАВ, имеют специфические индивидуально-психологические особенности, данный фактор является наиболее существенным при определении целей вторичной психопрофилактики. Перечень данных особенностей обширен, в их число включают низкий эмоциональный интеллект. Собственно, сам эмоциональный интеллект упоминают как одну из основ просоциального поведения (Андреева И.Н., 2011). Проблемы понимания и управления эмоциями особенно актуальны из-за специфики мотивов, лежащих в основе употребления ПАВ. При реализации аддиктивного поведения преобладают мотивы изменения эмоционального состояния (Короленко Ц. П., Дмитриева Н.В., 2001). Поэтому в программах вторичной профилактики необходимо учитывать указанные особенности и предусматривать развитие и коррекцию эмоционального интеллекта у несовершеннолетних, имеющих опыт употребления ПАВ.

В существующих моделях эмоциональный интеллект в большей или меньшей мере связан с аспектами понимания и управления эмоциями. В рамках модели Д.В. Люсина (2006) эмоциональный интеллект – это способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими. Рассмотрение исследований, направленных на изучение особенностей эмоционального интеллекта среди подростков, вовлеченных в употребление ПАВ, показало, что выявляются различные отклонения в регуляции и понимании как собственных, так и чужих эмоций. Значительная часть исследований эмоционального интеллекта нацелены на определение связей эмоционального интеллекта с личностными характеристиками, что также необходимо учитывать для повышения эффективности развития и коррекции изучаемого конструкта. Прежде всего необходимо принимать во внимание феномены, связанные с уровнем эмоционального интеллекта. В первую очередь, такими феноменами являются алекситимия и рефлексивность.

Алекситимия нарушает восприятие и понимание человеком собственных эмоций (Москачева М.А., Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г., 2014). Рефлексия необходима человеку для внутренней регуляции психических процессов и поведения в целом (Выготский Л.С., 1982). Исходя из специфики этих феноменов, можно предположить, что нарушения их развития могут быть связаны с особенностями эмоционального интеллекта у несовершеннолетних.

Анализ научной литературы, содержащей информацию об особенностях эмоционального интеллекта, позволяет определить основные направления и методы его развития и коррекции. В большинстве программ, развитие и коррекция эмоционального интеллекта проводится в рамках тренинговых занятий. Усилить эффект от тренингов возможно через вовлечение несовершеннолетних в активную деятельность. Существует много вариантов активной деятельности в условиях программ вторичной психопрофилактики, одним из них являются театральные занятия. Само содержание театральных занятий связано с развитием и коррекцией способности человека понимать и выражать различные эмоции, что естественно связывается с особенностями эмоционального интеллекта. Кроме того, театральные занятия имеют неограниченные возможности творческой реализации, результаты которой могут быть представлены обществу и, соответственно, влиять на других людей. С.Л. Рубинштейн говорил о деятельности человека в первую очередь как о воздействии и изменении действительности, при этом подчеркивая, что в деятельности проявляется, формируется и утверждается позиция человека к обществу, людям (Рубинштейн С.Л., 2000). Интерес к эмоциональной сфере другого человека, умение понимать эмоции другого человека и влиять на них также является составляющей эмоционального интеллекта. Указанные выше особенности театральных занятий естественно predispose к развитию способности к рефлексивности, а преобладание телесно-ориентированных и арт-терапевтических методов в театре могут положительно повлиять на смягчение проявлений алекситимии.

Таким образом, анализ исследований особенностей эмоционального интеллекта у несовершеннолетних, употребляющих ПАВ, позволяет планировать содержание программ вторичной психопрофилактики.

Литература

1. Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. – Новополюк: ПГУ, 2011. – 388 с.
2. Выготский, Л.С. Собр. соч.: в 6 т. – М., 1982. – Том 2. – 504 с.
3. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Психосоциальная аддиктология. – Новосибирск: Изд-во «Олсиб», 2001. – 251с.

4. Москачева М.А., Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Алекситимия и способность к эмпатии // Консультативная психология и психотерапия, 2014. – № 4. – С. 98-112. – URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2014_n4/74168 (дата обращения: 08.05.2024).
5. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии – СПб.: Изд-во «Питер», 2000. – 712 с.
6. Статистика Министерства Здравоохранения РФ по учёту наркозависимых за 2021 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents> (дата обращения: 10.04.2024).

Влияние хоррор-контента на подростков, склонных к девиантному поведению

Исаева Д.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Гурина О.Д.

В данной работе рассмотрено влияние, которое оказывает контент жанра ужасов на подростков, склонных к отклоняющемуся поведению. Проблема причин девиантного поведения в среде подростков является объектом внимания многих исследователей. Поведение, противоречащее общественным нормам, является результатом сочетания многих факторов, среди которых низкий социально-экономический статус семьи, психологические проблемы родителей или опекунов, неблагоприятная социальная среда, педагогическая запущенность и множество других. Среди них присутствует и такой фактор, как потребляемый подростком медиаконтент, в частности, контент, содержащий сцены насилия и жестокости. Именно влиянию медиаконтента в жанре хоррор на личность девиантного подростка посвящена данная работа.

Жанр хоррор определяется как «жанр преимущественно популярной массовой литературы (но также и искусства в целом), главной отличительной чертой которого является непосредственное обращение автора к эмоции страха, ориентация автора на эмоциональное поле страха во всем его многообразии» (Парфенов Л.Г., 2012).

Девиантное поведение представляет собой систему поступков, противоречащую принятым в обществе нормам и проявляющуюся в качестве несбалансированности психических процессов, неадаптивности, нарушения процесса само-

актуализации или уклонения от нравственного и эстетического контроля над своим поведением (Коробанова Ж.В., Полевая М.В., 2020).

Цель исследования: определение влияния контента в жанре хоррор на подростков, склонных к девиантному поведению.

Гипотеза: хоррор-контент положительно влияет на подростков, склонных к отклоняющемуся поведению, так как позволяет легитимным образом прожить и выразить импульсы, связанные с агрессией и побуждением к насилию, и таким образом снижает вероятность совершения правонарушения.

В результате анализа ряда источников были выявлены различные точки зрения по данному вопросу. С одной стороны, при просмотре фильмов ужасов зритель как бы «легитимным» образом воспринимает собственные вытесненные (чуждые сознанию и/или ядру «Я») желания/побуждения самого теневого плана (то есть связанные с импульсами к убийству, разрушению, насилию и т.д.), а также получает за них наказание (идентификация идет и с агрессором, и с жертвой). Кроме того, в «игре» находятся и «Оно», и «Я». Таким образом, хоррор-контент позволяет пережить и выразить побуждения к агрессии и насилию безопасно для окружающих, вместо того чтобы выражать подобные импульсы в реальности в виде правонарушений и девиантного поведения (Богачев А.М., 2019).

Однако, согласно некоторым другим исследованиям, медиапродукция, содержащая сцены насилия и жесткости, повышает уровень агрессии у подростков, что может стать предиктором правонарушений (Курочкина В.Е., 2020).

Кроме того, результатом регулярного взаимодействия с хоррор-контентом может стать привыкание к жестокости и нормализация насилия, отсутствие сострадания, что, в теории, может стать одной из причин отклоняющегося поведения. Однако прямой корреляции между невосприимчивостью к экранному насилию и совершением правонарушений выявлено не было. Также в результате исследования школьников, предпочитающих хоррор-контент, с помощью методов анкетирования, беседы и теста Басса – Дарки, оценивающего склонность к физической, вербальной, косвенной агрессии, не было выявлено и связи предпочтения хоррор-контента с повышенной агрессией и асоциальным поведением. Уровень агрессии учащихся, предпочитающих хоррор-контент, оставался в пределах нормы (Прокопик Ю.В., 2013).

Еще одно исследование, направленное на выявление особенностей девиантного поведения в подростковом возрасте в связи с предпочитаемым телевизионным контентом, демонстрирует отсутствие существенных корреляций между предпочтением определенного медиаконтента и склонностью к девиантному поведению. Фактором риска может выступать только контент, не соответствующий возрасту. Однако жанр ужасов целиком нельзя отнести к контенту, не соответствующему возрасту, в силу того что различные произведения жанра имеют раз-

ную возрастную маркировку, в том числе 12+ и 16+. Таким образом, согласно данному исследованию, фактором риска девиантного поведения подростка может стать только определенная часть хоррор-контента, направленная на взрослую аудиторию и имеющая возрастную маркировку 18+ (Криворучко М.В., 2019).

Стоит также рассмотреть хоррор-контент с точки зрения девиантогенности. С помощью исследования, направленного на изучение контента девиантной тематики и установление девиантогенного эффекта медиапродукции, было выявлено, что девиантогенность медиапродукции нельзя оценивать только с точки зрения наличия в ней девиантной тематики. Следует оценивать не сам факт демонстрации девиаций, насилия и агрессии, а провоцируемое у медиапотребителя отношение к этому: престижность девиантности, наличие или отсутствие демонстрации последствий для человека и социума и др. Из этого можно сделать вывод, что хоррор-контент далеко не всегда является девиантогенным, так как зачастую в фильмах ужасов полноценно демонстрируются последствия насилия и агрессии, а отрицательные персонажи, ведущие себя девиантно, представлены в большинстве случаев как нечто резко негативное и отталкивающее (Книжникова С.В., 2017).

Таким образом, проанализированные работы свидетельствуют о том, что хоррор-контент не оказывает прямого негативного влияния на подростка, склонного к девиантному поведению. В отдельных случаях медиапродукция данного жанра может помочь безопасно сублимировать агрессию и побуждения к насилию. Однако в других случаях контент жанра ужасов может спровоцировать повышение агрессии и стать фактором появления девиации. То или иное влияние хоррора на личность зависит от многих факторов, которые все еще остаются исследованными не полностью. В целом в большинстве случаев хоррор-контент не оказывает существенного влияния на подростка, склонного к девиантному поведению.

Литература

1. Богачев А.М. Фильмы ужасов и ночные кошмары: некоторые аспекты психологического анализа явлений [Электронный ресурс] // Психология и Психотехника. – 2019. – № 4. – С. 39-49. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filmy-uzhasov-i-nochnye-koshmary-nekotorye-aspekty-psihologicheskogo-analiza-yavleniy/viewer> (дата обращения: 16.04.2024).
2. Книжникова С.В. Медиапродукция и риск девиантного поведения у детей и молодежи // Медиаобразование. – 2017. – № 3. – С. 91-103.

3. Коробанова Ж.В., Полевая М.В. Девиантное поведение личности: социальные и психологические особенности // Социально-гуманитарные знания. – 2020. – № 1. – С. 145-153.
4. Криворучко М.В. Телевизионные предпочтения как предикторы девиантного поведения в подростковом возрасте // Вестник Омского университета. Серия “Психология”. – 2019. – № 1. – С. 57-67.
5. Курочкина В.Е. Влияние медиапродукции, содержащей сцены агрессии и насилия, на формирование девиантного поведения подростков // Экопсихологические исследования: экология детства и психология устойчивого развития. – 2020. – № 6. – С. 461-465.
6. Прокопик Ю.В. Влияние фильмов жанра “ужасы” на уровень агрессивности школьников [Электронный ресурс] // Сборник научных работ “Эврика - 2013”. – 2013. – URL: <https://ebooks.grsu.by/evrika2013/prokopik-yu-v-vliyannie-filmov-zhanra-uzhasy-na-uroven-agressivnosti-shkolnikov.htm> (дата обращения: 16.04.2024).

Кинотерапия как способ проживания утраты у воспитанников детского дома

Каменева В.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Гурина О.Д.

Современное общество продолжает сталкиваться с вызовами, связанными с разрывом связей в семьях и потребностью в альтернативных формах воспитания для детей. Исследование методов поддержки и помощи таким детям не только усиливает понимание сущности этой проблемы, но также вносит важный вклад в область социальной педагогики и психологии (Отинова Е.П., 2018).

Утрата, которую переживают дети, находящиеся в детских домах, оказывает значительное воздействие на их психическое состояние и развитие. Исследование роли кинотерапии как метода психологической поддержки и реабилитации в этом контексте представляет собой инновационное исследование, которое может привести к обновлению и расширению методов и подходов к работе с этой уязвимой группой детей (Баканова А.А., 2017; Коробова Е.А., 2017).

Отдельные компоненты темы хорошо разработаны и представлены в научном сообществе. Так, утрату исследовали А.А. Баканова (2017), Е.А. Бурина (2016), Н.В. Нозикова (2015), А.О. Руслина (2012) и др., кинотерапию изучали

О.С. Андреева (2017), А.Э. Ахмеджанова (2011), Е.И. Захарова (2018) и др., а особенностями детей и детей-сирот, в частности, занимались А.Н. Магомедова (2014), Е.П. Отинова (2018), Е.Б. Филинкова (2021) и др., однако их комбинация ранее не встречалась в научной литературе. Наша работа позволит оценить эффективность предложенного метода работы с утратой для избранной аудитории.

Целью нашего исследования было формирование у воспитанников детского дома социально-эмоциональных и поведенческих навыков проживания утраты с помощью техник кинотерапии.

Методиками исследования выступили: тест Спилбергера (State-Trait Anxiety Inventory, STAI) (Spielberger C.D., 1964) для оценки уровня тревожности на данный момент – как реактивной (ситуативной) тревожности, так и личностной тревожности, опросник “ВРАQ” Басса-Перри для определения трехкомпонентной структуры агрессии – инструментального, аффективного и когнитивного аспектов, методика Г. Айзенка «Самооценки психических состояний» для определения уровней таких психических свойств, как тревожность, фрустрация, агрессивность, ригидность; в качестве эмпирического воздействия была разработана авторская тренинговая программа с использованием кинотерапевтических техник.

Выборку исследования составили 12 воспитанников ЦССВ “Каховские ромашки” – 3 девушки и 9 юношей в возрасте 12-14 лет. Воспитанники были поделены на 2 группы, в одной из которых проводились кинотерапевтические тренинги (1 девушка и 5 юношей), в другой же воздействие не осуществлялось (2 девушки и 4 юноши). Тренинги проводились в очном формате с периодичностью раз в неделю.

Были выявлены изменения показателей по всем шкалам методики «Тест Спилбергера» State-Trait Anxiety Inventory, STAI и методики «Опросник ВРАQ Басса-Перри». Так, у всех 6 испытуемых в экспериментальной группе снизились значения по уровню враждебности, у 4 снизились значения по уровню тревожности. Изменений по показателям по методике Г. Айзенка «Самооценка психических состояний» в экспериментальной группе установлено не было. В то время как в контрольной группе изменений не было за исключением повышения показателя ситуативной тревожности и враждебности у 4 испытуемых. В целом, были установлены тенденции к незначительному увеличению большинства показателей. Изменение ситуативной тревожности можно назвать связанным с внешними факторами среды.

Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что экспериментальная группа, проходившая тренинг, демонстрировала снижение ситуативной и личностной тревожности, а также различных проявлений агрессии (таких как физическая агрессия, враждебность и др.). Ввиду отсутствия изменений, а также

тенденций к увеличению показателей в контрольной группе можно сказать, что причиной исследуемых изменений послужили проведенные в экспериментальной группе психологические тренинги.

Можно предположить, что тренинг повлиял на снижение психологических показателей, изучаемых методикой «Самооценки психических состояний» Айзенка. В случае со шкалой тревожности методики «Самооценки психических состояний» можно быть более уверенным, так как это качество дополнительно проверялось шкалой тревоги Спилбергера. Отдельно можно отметить результаты по шкале агрессивности. Снижение других показателей (фрустрация, ригидность), зафиксированное в тенденциях изменения, может быть гипотезой для последующих изучений.

Причиной отсутствия выраженных изменений по шкалам в методике Айзенка (фрустрация, ригидность) может являться как устаревание методического материала, так и его слабая восприимчивость к изучаемому возрасту. Можно предположить, что такие характеристики, как фрустрация и ригидность требуют более длительного коррекционного воздействия.

Еще одной гипотезой, объясняющей отсутствие выраженных изменений у испытуемых, может служить тот факт, что при снижении выражаемой агрессии, предположительно, повышается внутреннее психологическое напряжение, что, вероятно, способствует увеличению данных показателей, особенно фрустрации (такую картину мы наблюдаем у нескольких испытуемых). В связи с чем одним из направлений развития данного исследования является, на наш взгляд, включение в тренинговую программу дополнительных занятий по снижению данного внутреннего напряжения.

Таким образом, мы можем предположить, что тренинговое воздействие с использованием кинематографических материалов в рамках использовавшейся тренинговой программы эффективно для детей данного возраста (12-14 лет) в вопросе снижения тревоги и проявлений агрессии, а также потенциально таких характеристик и проявлений личности как фрустрация и ригидность. Более того, использование кинотерапии может повысить эффективность других методов, таких как когнитивно-поведенческая терапия и психотерапевтические игры.

Литература

1. Баканова А.А. Психотерапия горя: история становления и текущая практика в зарубежных исследованиях // Консультативная психология и психотерапия. – 2017. – Том 25. – № 4. – С. 23–41.
2. Вачков И.В. Психологический тренинг: методология и методика проведения. – М.: Эксмо, 2010. – 560 с.

3. Волкан В., Зинтл Э. Жизнь после утраты: Психология горевания / Пер. с англ. 2-е стереотип. изд. – М.: Когито-Центр, 2014. – 160 с.
4. Коробова Е. А., Киселева Е.В. Кино-терапия как один из эффективных методов арт-терапевтической работы с юношеством и молодежью // Молодой ученый. – 2017. – № 1.1 (135.1). – С. 58-61.
5. Магомедова А. Н. Психологические особенности детей-сирот // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – №3 (46). – С. 27-29. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-detey-sirot> (дата обращения: 26.04.2024).
6. Отинова Е.П. Проблемы социальной адаптации детей из центров содействия семейному воспитанию // Научные исследования и современное образование. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2018. – С. 102-107.
7. Туманова О.И., Кулагина И.В. Развитие и становление кинотерапии как инновационный метод в арт-терапии // Universum: психология и образование: электрон. научн. журн. – 2021. – № 4(82). – URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/11474> (дата обращения: 26.04.2024).
8. Berg-Cross L., Jennings P., & Varuch R. Cinematherapy: Theory and application // Psychotherapy in Private Practice. – 1990. – Vol. 8(1). P. 135–156. – doi: 10.1300/J294v08n01_15.
9. Bierman J.S., Krieger A.R., Leifer M. Cinematherapy as a Treatment Modality for Adolescent Girls // Residential Treatment for Children & Youth. – 2003. – Vol. 21(1). – P. 1-15. – doi: 10.1300/J007v21n01_01.

Влияние совместного пребывания родителя и ребенка в детском саду на процесс адаптации

Меркулова И.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Теплова А.Б.

Общеизвестно, что для многих родителей проблема адаптации ребенка к дошкольному учреждению стоит достаточно остро. По мнению Е.В. Жердевой, поступление ребенка в дошкольное учреждение – процесс сложный и для самого малыша, и для родителей. Для ребенка это сильное стрессовое переживание, ко-

торое необходимо смягчить. Малышу предстоит приспособиться к совершенно иным условиям, чем те, к которым он привык в семье.

В ходе теоретического анализа литературы было выявлено, что существует ряд исследований, посвященных изучению социально-психологических факторов, влияющих на адаптацию ребенка к дошкольному учреждению (М.М. Безруких, Е.Ю. Беликова, Н.В. Дубровинская, А.И. Захаров, Е.В. Сазонова, Д.А. Фарбер, Н.В. Чахмахчева), но эти факторы анализируются только с позиции своеобразия новой, социальной среды, в которую вступают дети. Между тем, прямое влияние родителя на качественные характеристики адаптации детей к детскому саду остается до конца не исследованным.

Большой вклад в изучение проблем адаптации детей раннего возраста к условиям дошкольной организации сделан в отечественной литературе. В последние годы все более активно вопросы социальной адаптации рассматриваются в педагогических работах Ш.А. Амонашвили, Г.Ф. Кумарина, А.В. Мудрика и др.

Н.Д. Ватутина (2003) в своем пособии рассматривает оптимизацию условий для успешной адаптации детей в детском саду, раскрывает особенности поведения детей и, соответственно, методы педагогического воздействия на них в этот период, требования к подготовке детей в семье к детскому саду.

Т.В. Костяк рассматривает особенности психологической адаптации детей раннего возраста к детскому саду, а также факторы психологического благополучия ребенка и основные закономерности его психического развития в дошкольном возрасте.

Говоря о влиянии родителя, мы выделили ряд показателей, влияющих на адаптацию ребенка: совместное пребывание с ребенком в период адаптации к детскому саду; эмоциональное состояние родителя (наличие/отсутствие тревожности), тип привязанности ребенка, тип привязанности матери; наличие/отсутствие взаимодействия с педагогом.

Цель нашего исследования состояла в теоретическом изучении и эмпирическом исследовании влияния факторов совместного пребывания родителя и ребенка на процесс адаптации к дошкольной организации.

Нами было проведено диагностическое обследование 2 групп детей и родителей с целью сбора информации о факторах, которые могут влиять на адаптацию ребенка к детскому саду.

Основной исследовательский вопрос, решаемый в рамках данной работы, состоял в том, чтобы определить наличие и характер обсуждаемого влияния.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что адаптация ребенка к дошкольной организации будет более благополучной, если родитель находится рядом с ребенком и взаимодействует с педагогом в период адаптации,

имеет низкий уровень тревожности, обладает безопасной материнской привязанностью, при этом ребенок демонстрирует безопасный тип привязанности.

Методы исследования были представлены анализом и обобщением материалов литературных источников, психолого-педагогическим методом –наблюдением, беседой с родителями, анкетированием родителей, экспертной оценкой и качественным анализом полученных данных.

В качестве исследуемых групп были выбраны дети в возрасте 2-3 лет, поступившие в младшие группы детского сада, а также родители детей в возрасте 25-35 лет. Объем выборки составил 60 человек, из них 30 детей и 30 взрослых.

Респонденты были объединены в экспериментальную (15 детей и 15 взрослых) и контрольную (15 детей и 15 взрослых.) группы. В контрольной группе дети посещали дошкольное учреждение без присутствия родителей в течение дня, в экспериментальной группе воспитанники находились в дошкольном учреждении с родителями в течение одного месяца.

Первичная диагностика заключалась в исследовании родительской тревожности по методике В.В. Ткачевой, затем была проведена диагностика уровня адаптированности ребенка к ДООУ (А.С. Роньжина), в ходе которой оценивались следующие параметры: эмоциональный фон, познавательно-игровая деятельность, взаимоотношения со взрослыми, реакция на изменение привычной ситуации. На основании подсчета общего балла делался вывод об адаптации ребенка.

Было проведено анкетирование по "Анкетe для мамы ребенка раннего возраста" (Автор – Н.В. Верещагина, научное руководство – проф. Е.И. Николаева), которое позволило выявить и определить степень привязанности матери к собственному ребенку.

В двух группах осуществлялось наблюдение за детьми в разных ситуациях: разлука, незнакомец, возвращение матери, в основу которого был положен эксперимент «Незнакомая ситуация» (M.D.S. Ainsworth et al.), в ходе которого ведется наблюдение за детьми в аналогичных ситуациях.

Проведенная работа подтвердила первоначальную гипотезу. Показатели адаптации выше у тех детей, где родители были с детьми в период адаптации. Степень адаптации выше у тех детей, чьи матери проявляли высокий уровень материнской привязанности. Дети родителей с меньшей тревожностью показали более высокие показатели адаптации. Уровень адаптации выше у тех детей, где осуществлялось взаимодействие педагогов с родителями во время совместного пребывания с детьми. Показатели адаптации выше у тех детей, кто проявлял безопасный тип привязанности.

Для улучшения процесса адаптации была разработана модель психолого-педагогического сопровождения детей и родителей в этот период. Модель сопровождения адаптации детей к детскому саду включает взаимодействие всех

специалистов детского сада при обязательной поддержке родителей и реализуется в следующих направлениях деятельности: психологическая и педагогическая диагностика, консультирование, методическая и организационная работа.

Литература

1. Васильева Л.И. Эмоциональное благополучие ребенка в период адаптации к детскому саду // Психолог в детском саду. – 2011. – №3. – С. 102-116.
2. Ватутина Н.Д. Ребенок поступает в детский сад: Пособие для воспитателей дет. сада. – М.: Просвещение, 2003. – №3. – 104 с.
3. Роньжина А.С. Занятия психолога с детьми 2-4 лет в период адаптации к дошкольному учреждению. – М.: Академия, 2003. – 200 с.
4. Ainsworth M. D. Infant–Mother Attachment // American Psychologist. – 1979. – Vol. 34. – № 10. – P. 932-937. – doi: 10.1037/0003-066x.34.10.932.

Особенности проявления буллинга в детском дошкольном учреждении

Остапенко К.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Буллинг представляет собой преднамеренное, агрессивно направленное поведение, включающее в себя неравенство по признаку социальной власти или физической силы. Явление буллинга может проявляться в любых коллективах. Причиной травли может стать любой признак, любая характеристика или особенность, начиная от внешнего вида, заканчивая физиологическими и психическими нюансами.

В возрасте пяти-семи лет дети начинают проявлять признаки агрессивного поведения или манипулирования. В первую очередь, причина такого поведения кроется в конкуренции за игрушки или игровые места. Ситуация, происходящая в игре, провоцирует отрицательные эмоции, а впоследствии и агрессивное поведение. При этом определенные отличительные черты ребенка могут стать основой для травли. Суть такого поведения кроется в том, что дети еще не умеют в полной мере контролировать эмоции и желания.

По мнению И.Б. Терешкиной, Ю.Е. Гусевой и Г.В. Семеновской (2022), одной из причин феномена буллинга также можно назвать эгоцентризм, характерный для детей дошкольного возраста. Ж. Пиаже утверждал, что эгоцентризм представляет собой такое отношение к окружающему миру и внешним событиям, в котором самому себе отводится центральное место, то есть ребенок еще

не может встать на место другого, понять его чувства и состояния, поэтому он и не задумывается о том, что может кого-то обидеть.

Как правило, травля в дошкольном коллективе исходит не от группы детей, а от отдельного ребенка. Инициатором буллинга становится чаще всего импульсивный, не умеющий контролировать свое поведение и агрессивные проявления, не обладающий эмпатией и не умеющий сочувствовать ребенок. При этом перед совершением агрессивно направленных действий дошкольник не обдумывает и не планирует то, каким образом он причинит вред другому. Он в принципе не до конца осознает свои действия, не понимает последствий и не ощущает чувства вины. Именно из-за непонимания негативного характера своих поступков ребенку не важна поддержка группы, из-за чего он действует в одиночку. Однако, буллинг может принять и групповую форму не целенаправленно, а стихийно: окружающие начинают подражать булли. И.Б. Терешкина, Ю.Е. Гусева и Г.В. Семенова также отмечают: «В некоторых случаях механизмом образования буллинга как группового явления может стать заражение». Например, если один ребенок придумает хорошо рифмованную дразнилку к имени другого ребенка, то благодаря механизмам подражания и заражения уже через пару минут эту дразнилку будет повторять хором вся группа (Гусева Ю.Е., 2022).

Жертвами буллинга становятся дети, отличающиеся от других внешне или особенностями поведения. Также причиной того, что конкретный ребенок стал подвергаться травле, может быть замечание со стороны воспитателя, связанное с каким-то качеством ребенка (Терешкина И.Б., 2022).

Среди дошкольников чаще всего буллинг проявляется в четырех формах:

- физические действия (удары, плевки, царапание, толчки, порча имущества и др.);
- вербальные проявления (клички, дразнилки, обзывания, негативные комментарии и др.);
- моральное подавление (розыгрыши, критика и др.);
- запреты и игнорирование (бойкотирование, запреты на общение, исключение из игр и др.).

В некоторых случаях причиной буллинга может стать продемонстрированное педагогом поведение. Фигура взрослого для ребенка является значимой, он ориентируется на него, копирует слова и поступки. Агрессивная манера общения воспитателя с детьми может стать основой для формирования аналогичных паттернов поведения у воспитанников. Более того, подобная форма поведения может начать считаться нормальной. Таким образом, воспринятые ребенком враждебные реакции со стороны взрослого дают ему образец агрессивно направленного поведения, который трактуется им как приемлемый тип межличностного

взаимодействия (Шалагинова К.С., 2020).

Явление буллинга может иметь ряд неутешительных последствий для жертвы. Опыт травли представляет собой серьезный фактор риска для нормального развития ребенка. В качестве последствий можно выделить: психосоматические заболевания (нарушенный сон, нарушенный аппетит, нервные тики и др.) и психологическую дезадаптацию (тревожное расстройство, страх социальных контактов, занижение самооценки).

Большое значение для предотвращения и искоренения травли имеет участие взрослых. Педагоги должны пресекать любые наблюдаемые формы проявления буллинга, указывать на недопустимость такого поведения. При этом для ребенка дошкольного возраста важна дифференциация поступков на «хорошие» и «плохие». В этом случае участие могут принять и родители детей, показывая положительные и отрицательные поступки, а также указывая на них. В ином случае агрессивное поведение и травлю в отношении других дети могут принять в качестве нормы (Гусева Ю.Е., 2022).

Феномен буллинга в детском саду – нередко встречающееся явление. Причина травли кроется в характерном для детей дошкольного возраста эгоцентризме – неумении понимать и разделять чувства другого, центрированности на себе и собственных желаниях. Как правило, буллинг проявляется в какой-либо из четырех форм: физических действиях, вербальных проявлениях, моральном подавлении или запретах и игнорировании. Чаще всего травля осуществляется единолично, лишь в редких случаях явление может перерасти в групповое по причине активизации механизмов подражания и заражения. Буллингу подвергается ребенок, имеющий яркие особенности во внешности, либо в поведении, особенно если это поведение было отмечено воспитателем.

Литература

1. Гусева Ю.Е., Терешкина И.Б., Семенова Г.В. Буллинг в детском саду: к постановке проблемы // Дошкольное воспитание. – 2022. – № 9. – С. 39-47.
2. Терешкина И.Б., Гусева Ю.Е., Семенова Г.В. Буллинг. Специфика проявления в детском саду // Дошкольное воспитание. – 2022. – №10. – С. 43-51.
3. Шалагинова, К.С., Чилачава М.К. Предпосылки проявления буллинга в дошкольной образовательной организации как индикатор неблагополучия в детском коллективе // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 6-2 (96). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-proyavleniya-bullinga-v-doshkolnoy-obrazovatelnoy-organizatsii-kak-indikator-neblagopoluchiya-v-detskom-kollektive> (дата обращения: 09.04.2024).

Влияние участия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в принятии решений на их психологическое благополучие в условиях институциональной системы

Ратошнюк Ю.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Гарифулина Э.Ш.

С 2018 года Министерство просвещения России организует проведение оценки субъективного благополучия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, что свидетельствует об изменении в подходе к психологической помощи детям данной группы. На психологическое благополучие детей-сирот влияют ряд факторов: социальные, личностные, травматические события, особенности здоровья и другие. Безопасности ребенка и улучшению его благополучия может способствовать право участвовать в принятии решений (Шамрова Д.П., Арчакова Т.О. и др., 2023).

Сегодня в России широко декларируется, что участие ребенка в принятии решений имеет положительные последствия как для развития ребенка, так и для общества в целом (Русакова М.М., Одинокова В.А., 2019).

Дети, которые имеют возможность принимать решения по вопросам, касающимся их жизнедеятельности, приобретают большую уверенность в своих силах, учатся уважать мнение и потребности других людей, становятся более толерантными, осознают свои права и обязанности (Одинокова В.А., 2019). Эти знания, навыки и способности необходимы детям-сиротам для их успешной интеграции в общество.

Процесс участия детей в принятии решений в условиях институциональной системы по ряду причин затруднен и недостаточно реализуется. В учреждения поступают дети, пережившие разного рода травмы, и сегодня возрастает понимание важности психологического благополучия для их развития и будущего. Увеличивается интерес к методам, способствующим улучшению психологического благополучия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (Diener E., Oishi S., Lucas R.E., 2003). Понимая позитивные эффекты, нам представляется важным и актуальным исследование данного вопроса и распространение опыта вовлечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в принятие решений.

Мы провели исследование, цель которого заключается в определении влияния участия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в при-

нятии решений на их психологическое благополучие в условиях институциональной системы.

Гипотезы исследования:

1. На психологическое благополучие детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, положительно влияет вовлечение их в обсуждение и принятие решений в период проживания в учреждениях институциональной системы.

2. Показатели психологического благополучия у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, вовлеченных в принятие решений выше, чем у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, не имеющих опыта активного участия в обсуждении и принятии решений в условиях институциональной системы.

Эмпирической базой исследования явилась выборка, сформированная из: экспериментальной группы: 20 воспитанников организации для детей – сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в возрасте 14-17 лет с опытом активного участия в принятии решений; контрольной группы: 20 воспитанников организации для детей – сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в возрасте 14-17 лет, где дети не вовлечены в принятие решений; 10 сотрудников, которые знают и используют технологии и инструменты вовлечения детей в принятие решений; 5 выпускников, которые имеют опыт участия в обсуждении и принятии решений.

В качестве методик и инструментов были использованы: «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко), «Шкала позитивного аффекта и негативного аффекта» (в адаптации Е.Н. Осина), гайд для интервьюирования воспитанников, вовлеченных в принятие решений, гайд для фокус-группы с выпускниками, вовлеченными в принятие решений в период проживания в учреждении, анкета для педагогов с целью оценки эффектов вовлечения детей-сирот в принятие решений, карта наблюдения за изменениями в развитии детей в ходе вовлечения их в принятие решений. Применялся статистический анализ данных с применением критерия Колмогорова-Смирнова (показано, что распределение нормальное), t-критерий Стьюдента, коэффициента корреляции Спирмена.

Участники экспериментальной группы активно вовлекались в мероприятия, направленные на развитие опыта принятия решений. На контрольном этапе в экспериментальной группе отмечаются следующие изменения: рост средних значений по шкале «позитивный аффект» и снижение средних значений по шкале «негативный аффект», снижение доли воспитанников с уровнем ниже среднего и рост доли воспитанников со средним уровнем. Между показателями по шкале «Позитивный аффект» и по шкале «Психологическое благополучие»

на контрольном этапе есть статистически значимая связь ($r=0,474$; $p\leq 0,05$), выявленная с применением критерия Спирмена. Уровень значимости – умеренная положительная связь ($0,30\geq 0,474\leq 0,69$).

На следующем этапе для определения влияния участия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в принятии решения на их психологическое благополучие мы провели сравнительный анализ показателей психологического благополучия исследуемых экспериментальной и контрольной групп.

Активное вовлечение испытуемых экспериментальной группы в мероприятия, направленные на принятие решений, привело к значимым различиям по всем субшкалам ($p \leq 0,05$): «Положительные отношения с другими» ($t_{\text{мп}4,2} > t_{\text{кр}2,09}$) «Автономия» ($t_{\text{мп}4,3} > t_{\text{кр}2,09}$) «Управление средой» ($t_{\text{мп}4,2} > t_{\text{кр}2,09}$) «Личностный рост» ($t_{\text{мп}6,0} > t_{\text{кр}2,09}$) «Цель в жизни» ($t_{\text{мп}5,3} > t_{\text{кр}2,09}$), «Самопринятие» ($t_{\text{мп}4,8} > t_{\text{кр}2,09}$), по шкале «Психологическое благополучие» ($t_{\text{мп}7,3} > t_{\text{кр}2,09}$). Наибольшая положительная динамика отмечается по субшкале «Автономия», что характеризует исследуемых экспериментальной группы как самостоятельных, независимых, способных противостоять попыткам заставить думать и действовать определенным образом, способных оценивать себя в соответствии с личными критериями.

В контрольной группе на констатирующем и контрольном этапах статистический анализ данных показал значимые различия только по субшкале «Управление окружением» ($t_{\text{мп}3,3} > t_{\text{кр}2,09}$) и шкале «Психологическое благополучие» ($t_{\text{мп}3,4} > t_{\text{кр}2,09}$).

На констатирующем этапе доля испытуемых со средним уровнем по шкале «Психологическое благополучие» составила 90 % в экспериментальной группе и 70 % в контрольной группе, доля испытуемых с низким уровнем - 10 % и 30 %.

На контрольном этапе доля испытуемых в экспериментальной группе распределилась: 80 % – средний уровень и 20 % высокий уровень, а в контрольной группе показатели не изменились. Полученные данные свидетельствуют о положительном влиянии вовлечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в принятие решений, на их психологическое благополучие

Результаты исследования позволили нам сделать выводы и сформулировать рекомендации по вовлечению детей в принятие решений в условиях учреждений институциональной системы.

Литература

1. «Голос» ребенка: участие детей в принятии решений, касающихся их благополучия / Д.П. Шамрова, Т.О. Арчакова, Э.Ш. Гарифулина, В.Л. Кабанов, Т.Г. Подушкина, А.В. Тихомирова, Н.П. Бусыгина; под науч. ред. Н.П. Бусыгиной. – М.: МГППУ, 2023. – 179 с.

2. Одинокова В.А. Барьеры включения детей в принятие решений в государственной системе защиты детства [Электронный ресурс] // Участие детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы: современное состояние, проблемы и перспективы: материалы международной научной конференции / отв. ред. А.Г. Филипова. – СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2019. – С. 101-105.
3. Русакова М.М., Одинокова В.А. Участие детей, находящихся в организациях для детей-сирот, в принятии решений // Петербургская социология сегодня. – 2019. – №. 11. – С. 128-143.
4. Diener E., Oishi S., Lucas R.E. Personality, culture, and subjective well-being: Emotional and cognitive evaluations of life // Annual review of psychology. – 2003. – Vol. 54(1). – P. 403-425. – doi: 10.1146/annurev.psych.54.101601.

**Нарушения привязанности, чувство одиночества, переживание
отчуждения и социальная дезадаптация у воспитанников социально-
реабилитационных центров**

Романцова Д.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Делибалт В.В.

Социально-реабилитационные центры предназначены для детей, которые оказались в трудной жизненной ситуации и часто сталкиваются с проблемами адаптации к новой среде, отсутствием поддержки и понимания со стороны окружающих. Несмотря на усилия специалистов по социальной работе и психологии, данные нарушения продолжают оказывать негативное влияние на психическое здоровье и адаптацию детей и подростков, находящихся в учреждениях помощи. Многие воспитанники испытывают чувство одиночества, отчуждения от общества, а также имеют нарушения привязанности к другим людям.

Цель исследования описание нарушения привязанности, чувства одиночества, переживания отчуждения и социальной дезадаптации у воспитанников социально-реабилитационных центров.

Задачи исследования:

1. Описать понятия «привязанность», «социальная дезадаптация», «одиночество» и «отчуждение».
2. Изучить теоретические основы привязанности и ее нарушения у детей, выросших в условиях социальной дезадаптации.

3. Определить особенности чувства одиночества и переживания отчуждения у воспитанников социально-реабилитационных центров.
4. Раскрыть факторы, способствующие развитию чувства одиночества у детей и подростков из социально-реабилитационных центров.
5. Рассмотреть влияние нарушений привязанности, чувства одиночества и переживания отчуждения на социальную дезадаптацию воспитанников.
6. Выявить и обобщить особенности нарушения привязанности, чувство одиночества, переживание отчуждения и социальной дезадаптации у воспитанников социально-реабилитационных центров

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что можно выявить и описать специфику нарушений привязанности, чувства одиночества, переживания отчуждения и социальной дезадаптации у воспитанников социально-реабилитационных центров, а именно:

1. У воспитанников социально-реабилитационных центров будет преобладать тревожно-избегающий тип привязанности по сравнению с контрольной группой.
2. У воспитанников социально-реабилитационных центров будет преобладать высокий уровень чувства одиночества, а также проявление семейного одиночества по сравнению с контрольной группой.
3. У воспитанников социально-реабилитационных центров отмечаются более выраженное проявление отчуждения в таких сферах, как: семья, собственная личность, межличностные отношения, а также такие формы субъективного отчуждения, как: бессилие, нигилизм, авантюризм по сравнению с контрольной группой.
4. У воспитанников социально-реабилитационных центров будет обнаружено значимое различие дезадаптивности, неприятия себя, неприятия других и эскапизма по сравнению с контрольной группой.

Характеристика материала исследования. Выборку составили 18 респондентов. Из них 9 человек – школьники в возрасте от 14 до 17 лет и 9 человек – воспитанники из социально-реабилитационного центра. Дополнительную выборку составили 5 человек – воспитанники социально-реабилитационного центра в возрасте от 11 до 13 лет.

Методики исследования: тест на тип привязанности Гибсон (Гибсон Т., 2022); методика субъективного ощущения одиночества Д. Рассела (Водопьянова Н. Е., 2009); шкала одиночества SELSA (D. Tomasso, B. Spinner) (Крюкова Т. Л., 2019); опросник субъективного отчуждения, ОСОтч-У (Е.Н. Осин) (Осин Е. Н., 2007); методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонд (Прихожан А. М., 2024).

Результаты исследования. Согласно результатам теста на тип привязан-

ности Гибсон, было обнаружено, что воспитанники проявляют более выраженный «тревожно-избегающий» тип привязанности по сравнению со школьниками. По «Методике субъективного ощущения одиночества» не было выявлено статистически значимых различий между группой школьников и группой воспитанников. По результатам «Шкалы одиночества SELSA» были обнаружены значимые различия между группой школьников и воспитанников. У группы воспитанников преобладает семейное одиночество по сравнению с контрольной группой. По «Опроснику субъективного отчуждения, ОСОтч-У», мы не выявили значимых различий между контрольной и экспериментальной группами. По «Методике диагностики социально-психологической адаптации» нами также не было обнаружено статистически значимых различий между группой школьников и воспитанников. По результатам качественного анализа отдельной выборки воспитанников СРЦ нами было выявлено следующее: обнаружена тенденция к сочетанности типов привязанности; у всех 5-ти участников наблюдается высокий уровень одиночества в той или иной выраженности; выявлен высокий уровень семейного одиночества у всех 5 участников, а также высокий уровень романтического одиночества у 4 участников и высокий уровень социального одиночества; значительным показателем по методике субъективного отчуждения является шкала «Бессилие», по которой все 5 респондентов набрали высокие значения; по методике социальной-психологической адаптации все 5 участников не стремятся занять главенствующее положение над другими субъектами.

Таким образом, научная работа представляет собой актуальное исследование. Результаты могут быть использованы в процессе обоснования психокоррекционных, развивающих и профилактических программ работы с воспитанниками социально-реабилитационных центров.

Литература

1. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса – СПб.: Питер, 2009. – 336 с.
2. Гибсон Т. Привязанность. Как наладить отношения с теми, кто нам дорог. – СПб.: Питер, 2022. – 224 с.
3. Крюкова Т.Л., Екимчик О.А., Опекина Т.П. Психология совладания с трудностями в близких (межличностных) отношениях. – Кострома: ГКУ, 2019. – 340 с.
4. Осин Е. Н. Смыслоутрата как переживание отчуждения: структура и диагностика: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2007. – 26 с.
5. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психология подросткового возраста: учебник и практикум для вузов. – М.: Юрайт, 2024. – 406 с.

Нарративы взрослых людей об опыте жестокого обращения со стороны родителей в несовершеннолетнем возрасте

Сергеева А.К.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Луковцева З.В.

Жестокое обращение с несовершеннолетними со стороны опекунов представляет собой глобальную проблему для общественного здравоохранения и является нарушением прав человека. Достоверные данные о распространённости насилия над несовершеннолетними в России отсутствуют, МВД РФ не предоставляет статистику насилия в отношении детей. По некоторым оценкам, каждый год из-за насилия со стороны родителей погибает до 2,5 тыс. детей (Хананашвили Н.Л., 2006). Термин «жестокое обращение с несовершеннолетними» определяется как «любое действие или бездействие по отношению к ребенку, в результате которого нарушается здоровье и социальное благополучие ребенка, создаются условия, мешающие его оптимальному физическому и/или психическому развитию, ущемляются его права и свободы» (Журавлёва Т. М., Сафронова Т. Я., Цымбал Е. И., 2006). Жестокое обращение с несовершеннолетними является тяжелой психической травмой и может приводить к пагубным непосредственным и отсроченным последствиям. У взрослых, переживших насилие со стороны родителей в несовершеннолетнем возрасте, чаще выявляются низкая самооценка, трудности с контролем и распознаванием эмоций, проблемы в межличностных взаимоотношениях и сексуальной сфере, суицидальное и самоповреждающее поведение. Выявлена связь между жестоким обращением в детстве и психическими расстройствами во взрослом возрасте. К таким расстройствам относятся ПТСР, КППТСР, депрессивные расстройства, тревожные расстройства, расстройства личности, расстройства пищевого поведения (Качаева М.А., Дозорцева Е.Г., Борисенко Е.В., 2017; Луковцева З.В., 2016; Briere J, Jordan С.Е., 2009).

Понимание того, как жертвы жестокого обращения осмысливают свой травматический опыт и его влияние на жизнь в целом, необходимо для усовершенствования программ по профилактике и выявлению жестокого обращения, а также разработки специфических терапевтических вмешательств. Для решения названных задач представляется релевантным нарративный подход. Анализ нарративов позволяет раскрывать тонкие нюансы формирования идентичности человека, восприятия им событий собственной жизни. Понятие «нарратив» можно определить как рассказ, который создаётся для структурирования личного опыта (Anderson С, Kirkpatrick S., 2016). Нарративный подход позволяет, соответ-

ственно, фиксировать и анализировать субъективный опыт в собственных словах человека, обеспечивая более точное понимание сущности этого опыта и его восприятия человеком на когнитивном и эмоциональном уровнях.

Целью исследования, о котором мы расскажем в данном материале, является типологизация нарративов взрослых людей об опыте жестокого обращения со стороны родителей в несовершеннолетнем возрасте. Выборку составили 20 испытуемых в возрасте от 19 до 29 лет, имеющих соответствующий опыт. Более половины участников (13 человек) сообщили о том, что субъектом жестокого обращения была мать, четверо подвергались жестокому обращению со стороны обоих родителей, остальные – со стороны отца. При этом только 10 обследованных воспитывались в полных семьях. 7 испытуемых подвергались психологическому, физическому насилию и пренебрежению основными нуждами одновременно, 5 – физическому и психологическому насилию, 5 только психологическому и трое – психологическому насилию и пренебрежению основными нуждами. 8 участников впервые столкнулись с жестоким обращением в младшем школьном возрасте, 6 – в дошкольном возрасте, 5 – в раннем детстве, и 1 испытуемый – в подростковом возрасте.

Для получения нарративов об опыте жестокого обращения использовался метод полуструктурированного интервью, а для последующего анализа текстов – метод контент-анализа. Кроме того, необходимо было провести стандартизованную оценку выраженности у испытуемых посттравматических проявлений, для чего мы избрали «Международный опросник травмы (International trauma questionnaire – ITQ)» и «Шкалу оценки влияния травматического события (IES-R)». Полученные результаты были подвергнуты математико-статистическому анализу с применением U-критерия Манна-Уитни ($p < 0,05$).

По итогам эмпирического исследования было выявлено следующее.

Нарративы взрослых людей об опыте жестокого обращения со стороны родителей в несовершеннолетнем возрасте позволяют составить достаточно полную картину происходившего. Важно отметить в первую очередь, что в большинстве случаев речь идет об одновременном пренебрежении основными нуждами испытуемых, когда те были детьми/подростками, психологическому и физическому насилию. В структуре жестокого обращения, согласно проанализированным нарративам, преобладает психологическое насилие со стороны матерей.

При описании субъекта жестокого обращения пострадавшие чаще всего давали ему амбивалентную характеристику, встречались также негативный и положительный варианты характеристик. Близкие взрослые, бывшие свидетелями происходившего, характеризовались как поддерживающие фигуры или, чаще, как «соучастники насилия».

В изученных нами нарративах упоминались как условно нормативные, так и клинически значимые последствия перенесенного испытуемыми жестокого обращения. К первой категории можно отнести трудности в межличностных взаимоотношениях и с регуляцией эмоций, низкую самооценку в сочетании с ощущением собственной «дефектности» и чувством вины, повышенную тревожность. Во вторую категорию вошли переживания и состояния, которые испытуемые квалифицировали как симптомы ПТСР и депрессии, а также разнообразные нарушения психосоматического характера.

Среди нарративов о реагировании пострадавших на жестокое обращение отчетливо выявились два типа. В первом из них преобладала стратегия «сопротивление», отражающая активную позицию с готовностью противостоять и противодействовать виновнику насилия, во втором – стратегия «приспособление», отражающая тенденцию к пассивности, предпочтение уклониться от конфронтации и склонность к внешнему подчинению. Последний тип нарративов отличался тем, что пострадавшие чаще упоминали о наличии у себя симптомов ПТСР и психосоматических проявлений.

Сравнительный анализ картины посттравматических проявлений (методики ITQ и IES-R) у авторов нарративов двух типов показал, что у испытуемых со стратегией «приспособление» выраженность симптомов ПТСР и КПТСР достоверно более высока. Можно предположить, что стратегия реагирования несовершеннолетнего на жестокое обращение со стороны родителей (по крайней мере, если судить по ретроспективному повествованию пострадавшего о собственных реакциях на жестокое обращение в детско-подростковые годы) влияет на тяжесть последствий подобного травматического опыта. Полученный результат определяет ориентиры для спецификации методов психотерапевтической помощи лицам, пережившим жестокое обращение со стороны близких взрослых, в зависимости от стратегии реагирования на жестокое обращение, отраженной в нарративах пострадавших.

Литература

1. Журавлёва Т.М., Сафронова Т.Я., Цымбал Е.И. Помощь детям – жертвам насилия. – М.: Генезис, 2006. – 109 с.
2. Качаева М.А., Дозорцева Е.Г., Борисенко Е.В. Отсроченные последствия пережитого домашнего насилия у женщин и девочек [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2017. – Том 7. – № 3. – С. 110-126.
3. Луковцева З.В. Жестокое обращение с ребенком в семье: анализ последствий с нейропсихологической точки зрения // Символ науки. – 2016. – №10-3. – С. 159-163.

4. Хананашвили Н.Л. Защита прав ребенка в России: пространства взрослой жестокости // Вопросы ювенальной юстиции. – 2006. – № 1. – С. 32-35.
5. Anderson C., Kirkpatrick S. Narrative interviewing // Int J Clin Pharm. – 2016. – Vol. 38(3). – P. 631-634. – doi: 10.1007/s11096-015-0222-0.
6. Briere J., Jordan C.E. Childhood maltreatment, intervening variables, and adult psychological difficulties in women: an overview // Trauma Violence Abuse. – 2009. – Vol.10(4). – P. 375-388. – doi: 10.1177/1524838009339757.

Мотивация волонтерской деятельности в индивидуальном наставничестве

Скотникова (Лемишко) О.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Чиркина Р.В.

Проблема сиротства – одна из острейших социальных проблем современной России. Тенденция последних лет состоит в постепенном отказе от институциональных форм воспитания детей-сирот и максимальном развитии их семейного жизнеустройства.

Установлено, что психологическими ресурсами выпускников являются социальные навыки, эмоциональный интеллект и некоторые конструктивные копинг-стратегии (Семья Г.В., 2022).

В рамках модели социального поведения А.П. Гольдштейна залогом успешной социально-психологической адаптации выпускников выступают социальные навыки, то есть умения, позволяющие успешно взаимодействовать с окружающим миром. Выделяют следующие начальные навыки (минимальные умения):

- вступление в контакт и участие в разговоре;
- самовыражение в разговоре, умение выразить свои чувства и переживания, передача информации другому человеку;
- реакция на мнение другого человека в разговоре или на то, что он переживает;
- навыки планирования предстоящих действий;
- альтернативы агрессивному поведению, наиболее продуктивные способы выхода из конфликтной ситуации (Ивашкина Ю.Ю. и др., 2015, Васина Е.А. 2021).

Проблемы адаптации подростков-сирот также рассматриваются с учетом психологического совладания в разрезе использования ими неконструктивных

моделей копинг-поведения: избегание, приспособление, агрессию и др. (Исакова О.Е., 2010; Моисеева Т.А., 2019).

Чувствовать привязанность, быть нужным и любимым – очень важные потребности для каждого человека, а особенно для сирот. У сирот нет значимых взрослых, которым они по-настоящему дороги. И встретить такого человека, когда живёшь в замкнутом пространстве детского дома, непросто.

Наставник становится для подростка настоящим старшим другом и помогает преодолевать трудности, ориентируюсь на потребности и склонности ребенка.

С 2020 года АНО «Белый Ангел» совместно с ресурсным центром на базе Шахтинского центра помощи детям № 1 реализует программу наставничества в Ростовской области, направленную на поиск, подготовку и сопровождение индивидуальных наставников для воспитанников и выпускников детских домов.

Цель наставничества – помочь воспитанникам и выпускникам организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, подготовиться к самостоятельной жизни через установление прочных долгосрочных отношений между наставником и подопечным.

Подготовка наставников включает в себя несколько этапов – онлайн «школа наставников», индивидуальная консультация с психологом, заключительный тренинг. Сопровождение предусматривает регулярную супервизию и групповую и индивидуальную психотерапию.

В итоге более 60 подростков, которые общаются с наставником, меняются, взрослеют и приобретают навыки, которые помогают им построить нормальную самостоятельную взрослую жизнь – создать свою семью и быть в ней счастливым, работать на любимой и достойно оплачиваемой работе, чувствовать себя полноценным членом нашего общества.

Наконец, программа наставничества – это реальная польза для государства и общества в целом. Выпускники детских домов, которые становятся полноценными членами общества – молодые перспективные работники, налогоплательщики. Люди, имевшие наставника, реже, чем другие выпускники сиротских учреждений, становятся потребителями алкоголя и наркотиков, реже попадают в тюрьмы, они создают полные и счастливые семьи.

Для детального изучения мотивации волонтеров - наставников проведено следующее эмпирическое исследование с участием 39 волонтеров-наставников:

1. Обследование по методике диагностики социально-психологических установок личности О.Ф. Потемкиной. Методика позволяет изучить мотивационно-потребностную сферу личности и определить, что важнее для человека: альтруизм или эгоизм, процесс или результат.

2. Опрос по авторской анкете ожиданий, потребностей, мотивов, необходимой поддержке наставников и происшедших изменений.
3. Качественное глубинное интервью с шестью экспертами в области наставничества.

В результате исследования выделены 3 ведущие установки, мотивы:

1. Люди, ориентирующиеся на результат, – одни из самых надежных.
2. Люди, ориентирующиеся на альтруистические ценности, часто в ущерб себе, заслуживают всяческого уважения. Альтруизм – наиболее ценная общественная мотивация, наличие которой отличает зрелого человека.
3. Люди более ориентированы на процесс.

В индивидуальное социальное наставничество приходят волонтеры с набором мотивом, одним из ведущих является альтруизм, их квалификационные характеристики прямо связаны с целевой аудиторией подшефных и задачами, поставленными авторами технологий.

По результатам интервью с экспертами выявлено, что наставничество в социальной сфере востребовано, активно развивается, но имеет ряд системных проблем.

Литература

1. Васина Е.А. Социальные умения личности: диагностика и подходы к анализу [Электронный ресурс] // Интерактивная наука. – 2021. – № 2(57). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-umeniya-lichnosti-diagnostika-i-podhody-k-analizu> (дата обращения: 14.04.2024).
2. Ивашкина Ю.Ю., Костейчук О.В. Адаптация к условиям самостоятельного проживания выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. – Вып. 4. – СПб.: СПбГБУ «Городской информационно-методический центр «Семья», 2015. – 288 с.
3. Исакова О.Е. Дети-сироты: формирование коммуникативной компетентности // Социальная педагогика. – 2010. – № 3. – С. 64-71.
4. Моисеева Т.А. Копинг-поведение детей, оставшихся без попечения родителей. Как помочь? [Электронный ресурс] // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум». – 2019. – № 11–2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koping-povedenie-detey-ostavshih-sya-bez-porecheniya-roditeley-kak-pomoch> (дата обращения: 14.04.2024).
5. Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В., Колесникова У.В. Психологические ресурсы и личностные дефициты у выпускников организаций для детей-сирот [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. – 2022. – Том 3. – № 2. – С. 69-89. – doi: 10.17759/ssc.2022030205.

Стиль поведения в конфликте у подростков с девиантным поведением

Суханова А.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дозорцева Е.Г.

Подростковый возраст, один из самых сложных периодов развития личности, характеризуется высокой психофизиологической активностью, связанной с серьезными гормональными сдвигами и не менее важной перестройкой социальных отношений. Неравномерность физиологического и психологического созревания приводит к внутренней напряженности и эмоциональной нестабильности подростков. Взаимодействие многих индивидуальных, психологических, социальных факторов в кризисный подростковый период определяет не только нормативное развитие, но и проявление различных девиаций поведения.

Проблема девиантного поведения подростков очень актуальна. Несмотря на постоянное снижение цифр преступности несовершеннолетних в последние годы, растет число подростков, употребляющих наркотики и другие психоактивные вещества, девиантное поведение перемещается в виртуальную сферу, агрессия подростков проявляется как в реальной жизни (школьный буллинг), так и в сети Интернет (кибербуллинг).

При рассмотрении особенностей поведенческих девиаций у подростков важно обратить внимание на их выбор стратегии поведения в конфликте. Особенностью этого возрастного периода является переориентация на социальное взаимодействие со сверстниками (Выготский Л.С., 2013). Подростков больше интересует, как к ним относятся их одноклассники, какое положение они занимают в классе, в то время как оценки взрослых людей, в том числе родителей и педагогов, теряют свою значимость. В общении со сверстниками формируются нравственно-ценностные установки. Развитие рефлексии способствует тому, что подросток стремится познать собственное «Я», выразить себя, иногда выбирая для этого деструктивные способы (Чучукова Е.А., 2024).

При возникновении конфликта подростки часто испытывают трудности в объективном осознании ситуации, особенно если конфликт имеет затяжное течение. Кроме того, поведение подростков в конфликте нередко носит провоцирующий характер. Они стремятся понять «пределы допустимого» во взаимодействии с окружающими людьми, в особенности с учителями и родителями. В некоторой мере это связано со стремлением подчеркнуть собственную взрослость и самостоятельность, с отстаиванием личных границ.

При изучении стилей поведения в конфликте у подростков с девиантным поведением основной гипотезой выступает то, что у подростков с девиантным поведением выбор стратегии в конфликте будет отличаться определенными особенностями от выбора подростков из условно нормативной группы.

В дискурсе проблемы следует рассмотреть пять стратегий поведения в конфликте согласно методике Томаса-Килмена (2001).

Первая стратегия поведения в конфликте – это стратегия конкуренции, которая предполагает стремление удовлетворить свои интересы в ущерб другим участникам конфликта. Выбор данной стратегии поведения в конфликте определяется склонностью к доминированию.

Вторая стратегия – стратегия уклонения (избегания) – предполагает уход от решения проблемы, либо желание оттянуть время или уйти от решения проблемы. Подростки с предпочитаемой стратегией «избегание» не осознают собственных интересов и стремлений, имеют заниженную самооценку, повышенный уровень тревожности.

Третья стратегия – стратегия приспособления, представляет собой подавление или сглаживание конфликта, конформизм, либо вынужденный или добровольный отказ от противостояния и сдачу своих позиций. Субъект соглашается делать то, что хочет его оппонент. Согласно исследованиям Л.О. Ковтун (2012), у подростков, склонных к конфликтному поведению, преобладают такие стратегии, как приспособление, т.е. пассивная подчиняемость внешней силе.

Четвертая стратегия – стратегия компромисса – представляет собой частичное, временное удовлетворение интересов конфликтующих сторон. Состоит в уступках друг другу и отказе от ранее выдвигавшихся требований и прощении. По мнению Ф. Райс (2012), подростки, предпочитающие стратегию поведения «компромисс», отличаются повышенной тревожностью, что не позволяет им спрогнозировать взаимодействие с окружающими, а также отношение окружающих к ним.

Пятая стратегия – стратегия сотрудничества – предполагает признание различий во мнениях и готовность принять позицию оппонента, разобраться в причинах конфликта и найти удовлетворение интересов всех сторон конфликта. Стилль поведения «сотрудничество» присущ подросткам коммуникабельным и дружелюбным. Данные подростки отличаются активностью, ответственностью, стремлением к установлению позитивного взаимодействия с окружающими людьми.

Социальная дезадаптация, свойственная подросткам с девиантным поведением, является, в частности, следствием незрелости навыков коммуникации. Эта проблема исследовалась Л.Н. Антилоговой (2023), которая обнаружила, что

подростки с девиантным поведением используют некомпетентные способы поведения в коммуникативных, в том числе конфликтных, ситуациях.

В последние годы проблема конфликтов и их разрешения подростками изучалась А.И. Шпиловым (2004), определившим причины и проявления конфликтов в подростковой среде, А.А. Реаном (1996), описавшим поведенческий репертуар подростков в конфликтах, Н.В. Гришиной (2008), представившей виды воздействия на личность, находящуюся в ситуации межличностного конфликта. Несмотря на проведенные ранее исследования, тема специфики поведения подростков с девиантным поведением в ситуациях конфликтов до сих пор полностью не освещена. Остаются неизученными связи стратегий поведения в конфликтах, типичные для подростков с девиантным поведением, с индивидуально-психологическими особенностями подростков, которые могут увеличивать вероятность того или иного типа поведения в конфликте. Отсутствие исследований и информации делает невозможным разработку рекомендаций по коррекции поведения в конфликте у подростков с девиантным поведением и спланировать работу по социализации подростков для педагогов, психологов и специалистов смежных профессий.

Для проверки выдвинутых гипотез нами планируется эмпирическое исследование, результаты которого позволят уточнить мишени профилактической работы.

Литература

1. Антилогова Л.Н. Характер межличностных отношений и уровень конфликтности девиантных подростков // Вестник Омского университета. Серия «Психология». – 2023. – №. 4. – С. 39-48.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений. Детская психология. М., 2013. – Том 4. – 432 с.
3. Гур А.В. Стратегии поведения подростков в конфликтах // Аллея науки. – 2017. – Том. 5. – № 16. – С. 210-213.
4. Реан А.А. Агрессия и агрессивность личности // Психологический журнал. – 1996. – № 5. – С. 3-18.
5. Чучукова Е.А. Конфликтное поведение подростков в образовательной среде // Вестник науки. – 2024. – Том 1. – №. 1 (70). – С. 178-187.

Гендерные особенности диссоциальных черт личности у подростков

Уварова Е.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Дозорцева Е.Г.

Специалисты в области права, психиатрии, и психологии в течение многих лет изучают психопатические черты в структуре диссоциальной личности. Наличие психопатических черт сопряжено с формированием у человека характерных установок, оказывающих значительное влияние на реализацию его потребностей и мотивов, на регуляцию эмоций и способы реагирования на различные ситуации. Диссоциальная личность игнорирует общепринятые моральные нормы общества, а также имеет склонность к нарушению закона. Существуют многочисленные исследования, посвященные данной теме как в отечественной, так и в зарубежной литературе (Blair R., 2001; Бурцев А.О., 2014; Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н., 2016). При этом следует отметить, что психопатические черты у взрослых людей изучались существенно больше, чем у детей и подростков. Это связано как с тем обстоятельством, что постановка диагноза личностного расстройства невозможна, когда процесс формирования личности еще не завершен, так и с отсутствием надежного психометрического инструментария для таких исследований.

Первоначально интерес ученых к психопатии был обусловлен необходимостью выделения группы лиц с антисоциальным поведением, имевших нарушения регуляции эмоций. Со временем среди специалистов сложилось несколько подходов к ее изучению. Некоторые исследователи в своих работах отталкивались от анализа антисоциального поведения, другие делали акцент на изучении личностных характеристик дисгармоничной личности, что в итоге нашло отражение в разработке классификации расстройств личности. На данный момент термин «психопатия» зачастую выступает в качестве синонимичного по отношению к диссоциальному расстройству личности, а также антисоциальному расстройству личности, представленных в международных медицинских классификациях. В качестве основных черт диссоциальной личности обычно выделяют антисоциальное поведение, игнорирование чувств других людей, импульсивность, лживость, разные формы агрессии, безответственность и пренебрежение моральными нормами. Сложность выделения психопатических черт связана с тем, что в настоящее время нет общепринятого подхода к их изучению. Однако существуют несколько моделей, на основе которых были разработаны эффектив-

ные диагностические инструменты, которые активно используются в зарубежных исследованиях.

Важность изучения психопатических черт в подростковом возрасте обусловлена различными причинами. В качестве одной из наиболее важных можно выделить то, что доля тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых несовершеннолетними, продолжает оставаться на довольно высоком уровне, несмотря на общую тенденцию к снижению подростковой преступности. Однако в этом возрастном периоде уже можно выделить маркеры будущих личностных расстройств, благодаря чему значительно увеличиваются шансы на проведение успешной профилактической и коррекционной работы, социализации подростка (Сыроквашина К.В., Дозорцева Е.Г., 2020).

Отдельно стоит отметить, что работ, посвященных изучению психопатических черт у девочек, значительно меньше, чем у мальчиков, несмотря на относительно высокий процент тяжких преступлений, совершаемых несовершеннолетними женского пола (Осадчук О.А., 2021). Согласно результатам метаанализа 62 исследований 23 тысяч заключенных обоего пола, антисоциальное расстройство личности встречается у каждой пятой женщины, отбывающей срок за тяжкие и особо тяжкие преступления (Fazel S., Danesh J., 2002). В последнее время некоторые зарубежные ученые начали уделять внимание гендерным особенностям антисоциальных подростков. Девочек стали включать в некоторые лонгитюдные проекты. Специалисты исследуют особенности строения мозга, уровня тревожности, параметры агрессии и траектории развития антисоциального поведения с учетом гендерной специфики (Raine A. et al, 2011; Euler, F., et al, 2015; Stickle T., Marini V., Thomas J., 2011; Javdani S., Sadeh N., Verona E., 2011).

В настоящее время разработан ряд диагностических инструментов, которые используются для оценки психопатической личности у подростков. В качестве одного из наиболее популярных выступает Оценочный лист психопатии (PCL-Y) Р. Хэйра (2009). Он основан на четырехфакторной модели, включающей такие параметры как межличностный стиль общения, характеристики эмоциональной и поведенческой сфер, антисоциальные черты. Часто используемой методикой является Опросник темной триады (Paulhus D., Williams K., 2013), в том числе его адаптированная краткая версия (Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В., 2015). Он направлен на выявление комплекса черт – неклиническую психопатию, нарциссизм и макиавеллизм.

Одним из самых перспективных для работы с несовершеннолетними представляется опросник всесторонней оценки психопатической личности, подростковый вариант (Sellbom, M., Cooke, D. J., Hart, S. D., 2015). Согласно концептуальной модели авторов, психопатическая личность включает в себя шесть доменов, объединяющих те или иные психопатические черты и симптомы психопатии.

тии. Разработка методики включала в себя опрос значительного числа специалистов в области психиатрии и клинической психологии относительно диагностики психопатии и дальнейшую факторизацию результатов. В результате был получен набор из 33 симптомов, каждый из которых представляет собой прилагательное или словосочетание, описывающее черты характера психопатической личности.

В настоящее время необходимы дополнительные исследования психопатических черт у подростков, в частности, важно получить надежные данные о гендерных различиях в этой области, чтобы наметить мишени воздействия и разработать соответствующие программы профилактики и психологической коррекции.

Литература

1. Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н. Проблемы концепта психопатии в современной отечественной и зарубежной психологии // Психологическая наука и образование psyedu.ru. – 2016. – Том 8. – №1. – С. 114-127.
2. Бурцев А.О. Возникновение и развитие понятия «Психопатия»: отечественные и зарубежные исследования личностных расстройств в XIX столетии [Электронный ресурс] // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2014. – Том 3. – №6. – С. 9-27.
3. Осадчук О.А. Преступность несовершеннолетних женского пола: тревожные тенденции // Право и практика. – 2021. – №2. – С.80-84.
4. Сыроковашина К.В., Дозорцева Е.Г. Антисоциальное расстройство личности у подростков и юношей: методология и диагностика // Консультативная психология и психотерапия. – 2020. – Том 28. – № 1. – С. 49-62.
5. Blair R.J. Neurocognitive models of aggression, the antisocial personality disorders, and psychopathy // BMJ Journal. – 2001. – Vol. 71 (6). – P. 727-731.
6. Euler F., Jenkel N., Stadler C. et al. Variants of Girls and Boys with Conduct Disorder: Anxiety Symptoms and Callous-Unemotional Traits // J Abnorm Child Psychol. – 2015. – Vol.43 (4). – P. 773-785.
7. Fazel S., Danesh J. Serious mental disorder in 23 000 prisoners: a systematic review of 62 surveys // The Lancet. – 2002. – Vol. 359 (9306). – P. 545-550.
8. Hare R.D., Neumann C.S. Psychopathy: Assessment and forensic implications // Canadian Journal of Psychiatry. – 2009. – Vol. 54 (2). – P. 791-802.
9. Javdani S., Sadeh N., Verona E. Expanding our lens: female pathways to antisocial behavior in adolescence and adulthood // Clin Psychol Rev. – 2011. – Vol. 31 (8). – P. 1324-1348.

10. Raine A., Yang Y., Narr K. et al. Sex differences in orbitofrontal gray as a partial explanation for sex differences in antisocial personality // *Mol Psychiatry*. – 2011. – Vol.16 (2). – P. 227-236.
11. Sellbom M., Cooke D.J., Hart S.D. Construct Validity of the Comprehensive Assessment of Psychopathic Personality (CAPP) Concept Map: Getting Closer to the Core of Psychopathy // *International Journal of Forensic Mental Health*. – 2015. – Vol.14 (3). – P. 172-180.
12. Stickle T., Marini V., Thomas J. Gender Differences in Psychopathic Traits, Types, and Correlates of Aggression Among Adjudicated Youth // *Journal of abnormal child psychology*. – 2012. – Vol. 40 (4). – P. 513-525.

Исследование сформированности ценностных ориентаций у подростков с девиантным поведением

Шибанкова Е.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Федонкина А.А.

Одной из первостепенных задач в работе психолога с подростками с девиантным поведением является исследование их ценностных ориентаций. В современном мире, где несовершеннолетние зачастую сталкиваются со множеством негативных факторов, оказывающих влияние на их развитие, важно понимать, какие ценности формируются у подростков и каким образом они влияют на поведение и принятие ими значимых жизненных решений.

Актуальность исследования сформированности ценностных ориентаций у подростков с девиантным поведением обусловлена рядом причин. Во-первых, ценности составляют основу мировоззрения, деятельности и образа жизни человека, а их изучение дает возможность лучше понять самого подростка и его мотивы. Во-вторых, девиантное поведение подростков обычно непосредственно связано с неправильным выбором ценностей, что может привести к серьезным последствиям для их будущей жизни. Именно поэтому так важно определить, какие ценности преобладают у подростков с девиантным поведением и как они влияют на их поведение.

Цель исследования заключается в описании теоретических направлений изучения феномена ценностных ориентаций.

Ценностные ориентации представляют собой систему ценностных отношений личности, которые формируются в процессе жизни в результате обрете-

ния человеком практического опыта взаимодействия с теми или иными сторонами действительности. Они отражают восприятие субъектом условий своего бытия как следствие сознательного, оценочного выбора жизненно значимых решений.

Ценностные ориентации оказывают влияние на поведение человека, способы преодоления им различных трудностей и кризисных ситуаций, и, чем выше уровень сформированности этих ориентаций, тем более осознанными являются действия и поступки личности.

Согласно культурно-исторической теории Л.С. Выготского, подростковый возраст является тем периодом развития человека, в котором происходит процесс формирования жизненных смыслов и овладения несовершеннолетним своим внутренним миром.

В.Э. Чудновский (2005) отмечает важность продуктивности ценностных ориентаций, то есть их способности оказывать позитивное влияние на развитие личности. Он выделяет такие признаки адекватности ценностных ориентаций как «конструктивность» и «реалистичность». «Конструктивность» указывает на степень влияния ценностной ориентации (как позитивной, так и негативной) на развитие личности, а также успешность и плодотворность ее деятельности. «Реалистичность» ценностных ориентаций отражает ее соответствие объективным условиям бытия человека и его индивидуальным возможностям.

А.В. Иващенко и Г.П. Савкина (1993) в контексте школьной педагогики выделили критерии, по совокупности которых можно судить о наличии и степени сформированности у несовершеннолетних ценностных ориентаций. Среди них они отмечали «интеллектуальный», «мировоззренческий» и «мотивационно-поведенческий» критерии.

«Интеллектуальный критерий» отражает знания и познавательные интересы личности. «Мировоззренческий критерий» включает в себя установки, составляющие мировоззрение человека, а также проявление в его поведении «разумных» потребностей. «Мотивационно-поведенческий критерий», в свою очередь, олицетворяет трудовую и общественно-политическую активность индивида, его готовность участвовать в жизни общества и приносить ему пользу.

Б.Д. Парыгин (1974) наделял ценностные ориентации другими функциями. Он отмечал, что «интеллектуальный критерий» отражает процесс, в котором субъект набирается знаний о тех ценностях, которые присущи его обществу. «Мировоззренческий критерий» указывает на стереотип восприятия информации, а также на формирование готовности действовать. «Мотивационно-поведенческий критерий» представляет собой побуждение, которое, совместно с волевым усилием, превращает интенцию к действию в сам акт действия.

И.А. Сурина (1996) указывает на наличие в структуре ценностных ориентаций трех подсистем, на основе которых можно судить о сформированности у личности системы ценностных ориентаций. Она выделяет «когнитивную», «эмотивную» и «поведенческую» подсистемы. «Когнитивная» подсистема охватывает знания, убеждения и суждения о том или ином объекте или явлении в окружающей среде. «Эмотивная» подсистема позволяет индивиду ощутить чувственный отклик относительно определенного объекта или явления и дать им эмоциональную оценку. «Поведенческая» подсистема определяет порядок действий и последовательность поведения во взаимодействии с объектом или явлением. Все эти подсистемы являются функциональными только тогда, когда осуществляют свою работу вместе, тем самым образуя целостную систему ценностных ориентаций личности.

Исследования сформированности ценностных ориентаций являются важным инструментом для понимания и изучения подростков с девиантным поведением. Специфичность данной оценки состоит в том, что она должна учитывать не только общепринятые ценности, но и индивидуальные ценностные установки каждого подростка. В процессе исследования необходимо учитывать различные аспекты происхождения ценностных ориентаций, такие как религиозные, социальные, моральные, этические, и другие. Важно также учитывать возрастные особенности подростков, характер их взаимодействия с ближайшим окружением, одноклассниками или одноклассниками, педагогами, наличие увлечений и их влияние на поведение несовершеннолетнего. Необходимо помнить, что девиантное поведение может быть результатом несоответствия между ценностями подростка и нормами, принятыми в данном обществе, поэтому важно понимать, какие именно ценности лежат в основе его действий (Семенова К.Г., 2023).

Таким образом, специфика исследования сформированности ценностных ориентаций у подростков с девиантным поведением заключается в необходимости учитывать их индивидуальные особенности, контекст их жизни, определять соответствие ценностей интеллектуальному, мировоззренческому и мотивационно-поведенческому критерию, проверять ценности на предмет их конструктивности и реалистичности, а также использовать в исследовании различные методы оценки, чтобы получить полную картину и понять причины девиантного поведения у несовершеннолетних.

Литература

1. Иващенко А.В., Савкина Г.П. Нравственные ценности и особенности их освоения подростками. Учебно-методическое пособие. – М., 1993. – 122 с.
2. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. – М., 1974. – 351 с.

3. Семенова К.Г. Теоретические аспекты ценностных ориентаций в концепциях зарубежных и отечественных исследователей // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2023. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-tsennostnyh-orientatsiy-v-kontseptsiiyah-zarubezhnyh-i-otechestvennyh-issledovateley> (дата обращения: 29.04.2024).
4. Сурина И.А. Ценностные ориентации как предмет социологического исследования. Учебно-методическое пособие. – М., 1996. – 40 с.
5. Чудновский В.Э. Становление личности и проблема смысла жизни. – М.: МОДЭК, 2005. – 375 с.

Романтические установки у подростков с девиантным поведением

Щетникова Е.Р.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Гурина О.Д.

Проблема девиантного поведения среди несовершеннолетних в современном обществе является актуальной. В научных исследованиях немало внимания уделяется различным факторам, способствующим и/или препятствующим формированию девиантного поведения среди несовершеннолетних. К числу ведущих причин указанной проблемы относят характерные для подросткового возраста тенденции к самоутверждению; высокую предрасположенность к рискованным поступкам; процессы, связанные с эмансипацией; колебания в эмоциональной сфере и др. Важнейшим фактором в том числе является неблагополучие в семейной среде: наличие выраженных семейных конфликтов, деструктивные детско-родительские отношения, асоциальные модели поведения родителей; материальное неблагополучие; бытовая неорганизованность в семье; неспособность приспособиться к изменяющимся политическим и социально-экономическим условиям общества и др. В этой связи важной сферой для изучения становятся не только семейные взаимоотношения, но и интимно-личностное общение подростков с девиантным поведением, а именно их взгляды и установки относительно любви, романтических отношений, межполовых связей. На наш взгляд, особенности романтических отношений и установок у подростков с девиантным поведением имеют свою специфику, которая может в дальнейшем приводить к формированию неблагополучных, деструктивных отношений в будущей семье подростка.

Цель настоящей работы – описать особенности романтических установок у подростков с условно нормативным и девиантным поведением.

В подростковом возрасте происходит изменение отношений между мальчиками и девочками: они начинают проявлять интерес друг к другу как к представителю другого пола (Яшкова А.Н., 2012). Подростку становится особенно важно, как относятся к нему другие. С этим связывается собственная внешность: в какой мере лицо, прическа, фигура, манера держать себя соответствуют половой идентификации: «Я как мужчина», «Я как женщина». Особое значение придается личной привлекательности – это имеет первостепенное значение в глазах сверстников. У старших подростков общение между мальчиками и девочками становится более открытым: в круг общения включаются подростки своего пола. Привязанность к сверстнику другого пола может быть интенсивной, как правило, ей придается очень большое значение. Отсутствие взаимности иногда становится причиной сильных негативных эмоций.

Таким образом, в подростковом возрасте существуют некоторые условия и факторы развития межличностных отношений. Так, в этом возрасте характерно наличие взрослого, который является примером для подражания. Выделяются три формы общения, свойственные подросткам: интимно-личностное, стихийно-групповое, социально-ориентированное.

Исследованием романтических установок подростков занимались В. В. Ильченко и Ф. Г. Санакоева (2017). Авторами сделаны выводы, что юноши и девушки предпочитают выстраивать отношения со своими партнерами при помощи социальных сетей. Треть юношей к достижению подросткового возраста уже имели сексуальные отношения со своими партнершами. Девушки в данном возрасте достаточно редко вступают в интимные отношения. Юноши, в общем и целом, раньше вступают в романтические отношения, нежели девушки (среднее значение у юношей – 15,5 лет, а у девушек – 17 лет). Помимо этого, авторы отмечают, что девушки, имеющие сексуальные отношения со своим романтическим партнером, более беспокойны и капризны, а также чувствительны к стрессу, хуже контролируют собственные эмоции по сравнению с теми подростками, которые не находятся в половой связи.

Среди современных отечественных исследований, посвященных изучению представлений о любви у подростков, можно выделить работы Н. М. Барадиной (2011), А. С. Чернецкой (2020), М. А. Фотиной, Т. В. Шамовской (2022). В них авторы выделили смысловые конструкты, связанные с представлениями о любви, семье у подростков, в том числе с делинквентным поведением, а также находящимся в сложных жизненных ситуациях.

Так, любовь, по мнению подростков, проявляется в ситуациях взаимопомощи, сочувствия, поддержки в трудных обстоятельствах, умении выслушать,

дать совет, в обмене позитивных эмоций, в совместном отдыхе и досуге, проявлении заботы, внимания, принятии и понимании любимого человека (Чернецкая А.С., 2020). Отдельно стоит отметить характерные особенности представлений о любви у подростков с признаками подросткового кризиса и без таковых: подростки с выраженными признаками подросткового кризиса склонны видеть в любви отрицательные стороны по сравнению с подростками, без характерных признаков кризиса. В целом для подростков, переживающих кризис, наиболее свойственны переживания чувства одиночества, недопонимания со стороны сверстников и взрослых.

Результаты исследования А.С. Чернецкой (2020) позволяют выделить амбивалентность представлений о любви у подростков в зависимости от степени выраженности у них кризисных проявлений. Представленные результаты частично согласуются с выводами Н.М. Барадиной (2011), изучавшей представления о любви у подростков в сложных жизненных ситуациях, к которым могут быть отнесены в том числе и подростки с выраженными признаками подросткового кризиса. Так, было установлено, что для подростков в сложных жизненных ситуациях характерно несформированное представление о любви.

М.А. Фотиной, Т.В. Шамовской (2022), изучавшими у подростков с делинквентным поведением представления о семье, семейных взаимоотношениях (как важной части интимно-личностной сферы), были отмечены такие их характеристики как: ориентация на семейные ценности, стремление к созданию благополучной семьи. При этом четкими представлениями о будущей семье исследуемые подростки не обладали. Исследователи также отметили положительную эмоциональную окраску и стремление к тому, чтобы отношения в собственной семье стали более благополучными, чем в семье родителей (Фотина М.А., Шамовская Т.В., 2022).

Таким образом, подросткам с девиантным поведением, также как и сверстникам с нормативным поведением, важны близкие отношения с противоположным полом, которые могут быть ресурсом для формирования будущей семьи. Благополучные, конструктивные межличностные отношения, адекватные романтические установки могут способствовать благоприятному развитию и преодолению девиантных проявлений у подростков.

Литература

1. Барадина Н.М. Представления о любви у подростков, находящихся в трудных жизненных ситуациях // Сборник статей студентов и молодых исследователей УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – 2011. – С.14-17.

2. Ильченко В.В., Санакоева Ф.Г. Психологические особенности романтических отношений у юношей и девушек // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – № 6. – С. 338-341.
3. Фотина М.А., Шамовская Т.В. Особенности представлений о семейных отношениях у подростков-правонарушителей [Электронный ресурс] // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2022. – №2 (22). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-predstavleniy-o-semeynyh-otnosheniyah-u-podrostkov-pravonarushiteley> (дата обращения: 08.03.2024).
4. Чернецкая А.С. Представления о любви у подростков [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Дневник науки». – 2020. – № 11 (47). – С. 16. — URL: <http://dnevniknauki.ru/images/publications/2020/11/psihology/Chernetskaya.pdf> (дата обращения: 01.04.2024).
5. Яшкова А.Н. Кризисы возрастного развития и психологическое здоровье в детском возрасте // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. – 2012. – Том 18. – №2. – С. 95-100.

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Психологический кризис в жизни осужденных женщин, употреблявших психоактивные вещества

Егорова Е.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

Многочисленные исследования женской преступности как в России, так и за рубежом показывают, что женщин отличают от мужчин такие психологические особенности, как криминальная мотивация, повышенная тревожность, эмоциональность, впечатлительность, демонстративность в поведении. Преступное поведение женщин чаще характеризуется взрывчатостью, агрессией, импульсивностью (Вилюнова А.С., 2020; Ковальчук И.А., 2023).

Употребление ПАВ приводит к личностной деформации, формирует неадекватный способ реагирования на стрессовые ситуации, что также является провоцирующим фактором преступного поведения (Мандель Б.В., 2020).

В ряде научных работ употребление ПАВ связывают с психологическим кризисом. Психологический кризис у осужденных женщин, употреблявших ПАВ, имеет серьезные последствия как для самих осужденных, так и для общества в целом. Нарушение психического здоровья может привести к повторному совершению правонарушений, ухудшению качества жизни в местах лишения свободы и после отбывания наказания, привести к депрессивным состояниям, агрессивному и аутоагрессивному поведению, спровоцировать суицид (Степанова О.П., 2013).

С другой стороны, психологический кризис может способствовать личностному развитию осужденных женщин, переосмыслению своей жизни, осознанию внутренних конфликтов, проблем и травм. Работа над решением проблем в кризисной ситуации способствует развитию умений по поиску адаптивных стратегий, управлению стрессом и разрешению конфликтов.

Однако, несмотря на значимость проблемы, психологические особенности поведения осужденных женщин, употреблявших ПАВ в условиях кризиса, изучены недостаточно. Это определило цель исследования: выявление особенностей проявления психологического кризиса у осужденных женщин, употреблявших ПАВ.

Объект исследования: психологический кризис у осужденных женщин.

Предмет исследования: особенности психологического кризиса у осужденных женщин, употреблявших ПАВ.

Гипотеза исследования: у осужденных женщин, употреблявших ПАВ, психологический кризис носит более выраженный характер; у осужденных женщин, употреблявших ПАВ, выражены показатели нестабильности и неблагоприятной оценки жизненной перспективы.

Задачи исследования: 1). описание теоретических подходов к проблеме психологического кризиса; 2). обобщение исследований, характеризующих осужденных женщин, употреблявших ПАВ; 3). выявление особенностей проявления психологического кризиса у осужденных женщин, употреблявших ПАВ и факторов риска, способствовавших кризису; 4). установление отличий в поведении и показателях кризиса у осужденных женщин, употреблявших ПАВ и не употреблявших ПАВ; 5). разработка практических рекомендаций по профилактике и преодолению психологического кризиса у осужденных женщин, употреблявших ПАВ.

Анализ научной литературы позволил определить сущность понятия «кризис», особенности влияния ПАВ на психику личности, а также дать психологическую характеристику осужденным женщинам.

Ф.Е. Василюк под кризисом понимает критический момент и поворотный пункт на жизненном пути, сопровождающийся внутренним нарушением эмоционального баланса, наступающим под влиянием угрозы, создаваемой внешними обстоятельствами (Василюк Ф.Е., 1984).

Л.Н. Юрьева (Юрьева Л.Н., 1998) рассматривает кризис как неудачную попытку преодоления, под которой понимает реакции на угрожающие проблемы или ситуации. Под кризисным состоянием Л.Н. Юрьева подразумевают временную ситуационно или внутренне обусловленную дезинтеграцию личности. Эта дезинтеграция может иметь позитивный или негативный исход. Позитивной дезинтеграция является тогда, когда кризис является неким условием и шагом в новое качество, новый уровень целостности. Негативная дезинтеграция сопровождается деструктивными изменениями личности.

Следовательно, личностный кризис можно определить следующим образом: это психологическое состояние максимальной дезинтеграции (на внутриспсихическом уровне) и дезадаптации (на социально-психологическом уровне) личности, выражающееся в потере основных жизненных ориентиров и возникающее в результате препятствий в привычном течении жизни субъекта, что приводит к девиантному поведению, нервно-психическим и психосоматическим расстройствам. Под кризисным состоянием мы имеем в виду пролонгированный во времени личностный кризис.

По данным ряда исследований (Менделевич В.Д., 2003; Старшенбаум Г.В., 2006) определяющую предрасположенность к зависимости от наркотиков имеют люди с определенными характерологическими особенностями:

- отсутствие жизнестойкости, личностных смыслообразующих установок;
- высокий уровень напряженности, желание как можно больше получить удовольствий;
- отсутствие волевой регуляции;
- отсутствие хобби и удовольствий, интереса к разным видам деятельности;
- дефектное или неверное усвоение морально-этических норм и общепринятых правил, подверженность внушению, негативному подражанию, ранней криминализацией поведения.

Е.А. Кусакиной (2024) выявлены психологические особенности женщин, осужденных по разным статьям, а также предложены методы работы в зависимости от психологических характеристик.

Для изучения выраженности психологического кризиса в жизни осужденных женщин, употреблявших ПАВ, в настоящее время нами проводится эмпирическое исследование. В нем используются следующие методики:

1. «Методика «Диагностика переживания кризиса личностью» С.В. Духновского;
2. «Тест оценки жизненной и временной перспективы личности (ЖВПЛ)» В.Г. Грязевой-Добишинской и А.С. Мальцевой;
3. Методика «Шкала эмоциональной стабильности – нестабильности (нейротизма)» Г. Айзенка;
4. Авторская анкета для определения социально-демографических показателей.

Для оценки достоверности различий в показателях будет использован критерий Манна-Уитни. С целью выявления связи между показателями будет применен коэффициент корреляции Спирмена.

Проведение данного исследования позволит определить выраженность психологического кризиса у осужденных женщин, употреблявших ПАВ, определить содержание и направленность работы по коррекции смысловой и психоэмоциональной сферы осужденных женщин.

Литература

1. Василюк Ф.Е. Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. – М.: МГУ, 1984. – 200 с.
2. Вилюнова А.С. Психология зависимого поведения // Тенденции развития науки и образования: Сборник научных трудов по материалам III

- Международной научно-практической конференции. – Смоленск, 20 января 2020 года. – Смоленск: МНИЦ «Наукосфера», 2020. – С. 45-47.
3. Ковальчук И.А., Иванова А.М. Психологические особенности осужденных женщин, содержащихся в следственном изоляторе: диагностика и коррекция // Прикладная юридическая психология. – 2023. – № 4(65). – С. 96-105.
 4. Кусакина Е.А. Психолого-педагогические аспекты воздействия на осужденных женщин // Актуальные научные исследования: от теории к практике: сборник материалов XLIV-ой международной очно-заочной научно-практической конференции. 19 января 2024 г. – В 3 томах. Том 3. – М.: НИЦ «Империя», 2024. – С. 172-173.
 5. Мандель Б.В. Психология зависимостей (аддиктология). – М.: НИЦ-Сфера, 2020. – 334 с.
 6. Менделевич В.Д. Наркозависимость и коморбидные расстройства поведения (психологические и психопатологические аспекты). – М.: МЕДпресс-информ, 2003. – 328 с.
 7. Старшенбаум Г.В. Аддиктология. Психология и психотерапия зависимостей. – М.: Когито-центр, 2006. – 366 с.
 8. Степанова О.П. Особенности эмоциональной сферы больных наркоманией и алкоголизмом // Личность в условиях современных социальных изменений. Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. – Магнитогорск, 2013. – С. 80-86.
 9. Юрьева Л.Н. Кризисные состояния: монография. – Днепропетровск: Арт-пресс, 1998. – 161 с.

**Психологические особенности несовершеннолетних подозреваемых,
обвиняемых, осужденных, выросших без родителей**

Зайцева А.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

Одной из актуальных проблем пенитенциарной психологии как науки и практики является выявление психологических особенностей несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных (далее – ПОО), выросших без родителей, и их учет при содержании в следственном изоляторе (далее – СИЗО) и в процессе исполнения наказания в воспитательной колонии (ВК). По данным Генпрокуратуры России, за 2023 год до 40% выпускников детских домов совер-

шают правонарушения, 20% при этом попадают в места заключения (Министерство просвещения РФ, 2024).

По мнению авторитетных психологов, сиротство оказывает существенное влияние на развитие детей (Божович Л.И., 1968; Выготский Л.С., 1995; Лисина М.И., 2009; Рубинштейн С.Л., 2012; Мухина В.С., 2007).

Исследования специалистов по юридической психологии показывают, что отсутствие у подростков родителей является одним из факторов риска девиантного и делинквентного поведения (Дозорцева Е.Г., 2007; Дебольский М.Г., 2020; Богданович Н.В., Делибалт В.В., 2016; Шульга Т.И., Дворянчиков Н.В., 2020). Однако интегральных исследований по выявлению психологических особенностей несовершеннолетних ПОО и их учет в процессе отбывания наказаний не проводилось. В связи с этим, цель проведенного нами исследования – выявление психологических особенностей несовершеннолетних ПОО, выросших без родителей.

В исследовании приняли участие 55 несовершеннолетних ПОО. Респонденты на момент исследования находились в СИЗО и ВК, расположенных в Центральном Федеральном округе РФ. Для проведения исследования испытуемые были разделены на две группы: в первую вошли несовершеннолетние, которые воспитывались без родителей (21 человек). Во вторую группу вошли оставшиеся 34 респондента, выросших в неполных и полных семьях. В обеих группах возраст ПОО варьируется от 15 до 18 лет. Основная возрастная группа – 17 лет (41,8%).

Основные методики эмпирического исследования: Авторская анкета «Психологический анализ жизненного пути ПОО»; Тест «Уровень тревожности» (тест Спилбергера-Ханина); Методика «Диагностика субъективного ощущения одиночества» (Д. Рассел и М. Фергюсон); Тест «Кто я?» (М. Кун, Т. Макпартленд; модификация Т.В. Румянцевой); Методика «Диагностика склонности к отклоняющемуся поведению» (А.Н. Орёл).

Методы математико-статистического анализа: критерий Манна-Уитни, контент-анализ.

Анализируя **анкеты** основной и сравнительной групп, мы выявили, что есть отличия по следующим характеристикам:

- *среда воспитания несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных:* респонденты группы 1 жили в неполной семье (43,5%) и с прародителями (30,4%), некоторые из них в дальнейшем оказались в детском доме (8,7%). Представители группы 2 жили в полных семьях (64,7%) и в неполных (36,4%).

- *значимый взрослый*: в большей степени воспитанием респондентов группы 1 занималась бабушка (46,2%), а в группе 2 – мать (65,9%).
- *субъект привязанности*: особую привязанность участники исследования группы 1 испытывали к матери (30,4%) и бабушке (30,4%), а участники группы 2 в большинстве случаев испытывали привязанность к обоим родителям (42,8%).
- *адаптация к условиям мест лишения свободы*: у группы 1 адаптация прошла легко, поскольку участники общительные и умеют за себя постоять (40,6%). У группы 2 также адаптация прошла благоприятно, однако, благодаря оказываемой помощи сотрудников (39,6%).
- *взаимодействие с близкими родственниками*: на данный момент респонденты группы 1 поддерживают общение больше с бабушкой/дедушкой (42,3%) в формате переговоров по телефону (27,1%), а группа 2 – с мамой (29,6%) посредством переписки (22,1%).

Исследование показало, что **личностная тревожность** членов обеих групп практически не отличается (40,2 и 40,5 баллов). **Ситуативная тревожность** у группы 1 выше, чем у группы 2 (42,3 и 36,1 соответственно). Показатели по личностной и ситуативной тревожности у обеих групп находятся в диапазоне среднего уровня тревожности.

По результатам методики, направленной на определение **субъективного ощущения одиночества**, мы выявили, что у несовершеннолетних, выросших без родителей, показатели находятся на среднем уровне, а у несовершеннолетних, выросших в семье, – на низком.

Анализируя **жизненный путь** ПОО посредством воспоминаний значимых ситуаций в жизни, у несовершеннолетних, выросших без родителей, мы выявили, что респонденты отмечают травмирующий опыт: развод родителей, смерть родителя, переезд, предательство, совершения преступления, вынесение приговора, отмечают затруднения в выстраивании коммуникации с окружающими людьми.

Также в исследовании было выявлено, что несовершеннолетние женского пола **при описании себя** используют больше имена прилагательные (добрая, отзывчивая, интересная), у них наиболее выражена рефлексивная и физическая идентификация. В то время как у несовершеннолетних мужского пола преобладают имена существительные и больше процентов набрала шкала «Социальное Я».

Кроме того, в данной работе были выявлены отличительные характеристики **по склонности к отклоняющемуся поведению**, однако, они находятся в одном диапазоне. Мы можем говорить, что у обеих групп исследования присут-

ствует: выраженная склонность к социально желаемому поведению; склонность скрывать собственные нормы и ценности; невыраженная предрасположенность к уходу от реальности; готовность к реализации саморазрушающего поведения; присутствует невыраженность агрессивных тенденций; слабый волевой контроль эмоциональных реакций; присутствуют делинквентные тенденции.

В публикации представлены только сжатые результаты исследования. Наиболее подробно с результатами можно ознакомиться в ВКР.

При **математико-статистическом анализе** было определено, что по показателям: ситуативная тревожность; субъективное ощущение одиночества, склонность к саморазрушающему поведению присутствуют значимые различия.

Таким образом, в данной работе были выявлены психологические особенности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных, выросших без родителей, которые необходимо учитывать для эффективной ресоциализации.

Литература

1. Богданович Н.В., Делибалт В.В. Модели профилактики, сопровождения и реабилитации детей и подростков с проблемным и отклоняющимся поведением в контексте деятельности психолога // Профилактика и коррекция девиантного (аддиктивного, противоправного) поведения несовершеннолетних: проблемы, методы, технологии / Авторы-составители: Н.Л. Хананашвили, Р. В. Чиркина – М.: «ЭСВЕРО», 2016. – С. 10-20.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – М., «Просвещение», 1968. – 464 с.
3. Выготский Л.С. Культурное развитие аномального и трудновоспитуемого ребенка (Тезисы доклада) // Проблемы дефектологии. – М.: Просвещение, 1995. – С. 175.
4. Дебольский М.Г., Мельникова Д.В., Месниченко А.С. Выявление психических состояний несовершеннолетних обвиняемых и осужденных как предпосылка профилактики их деструктивного поведения [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2020. – Том 10. – № 2. – С. 35-50. – doi: 10.17759/psylaw.2020100204.
5. Дозорцева Е.Г. Психологическая травма у подростков с проблемами в поведении. Диагностика и коррекция. – М.: Генезис, 2007. – 128 с.
6. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 288 с.
7. Лисина М.И. Формирование личности ребёнка в общении. – СПб.: «Питер»,

2009. – 189 с.

8. Министерство просвещения РФ. Официальный сайт. – URL: <https://edu.gov.ru> (дата обращения: 30.04.2024).
9. Мухина В.С., Хвостов А.А. Возрастная психология: детство, отрочество, юность: хрестоматия: [учебное пособие для студентов высших учебных заведений] – 6-е изд., стер. – М.: Академия, 2007. – 623 с.
10. Шульга Т.И., Дворянчиков Н.В. Представления подростков о девиантном поведении [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2020. – Том 10. – № 3. – С. 174 -188. – doi:10.17759/psylaw.2020100312.

Особенности проведения восстановительной программы «Круг сообщества» с осужденными, отбывающими наказание в исправительной колонии строгого режима

Запорожец Д.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

Одним из направлений деятельности пенитенциарного психолога является разрешение и профилактика конфликтов среди осужденных. «Миссия или предназначение психологической службы УИС состоит в повышении эффективности исправительного воздействия на осужденных, в оказании им психологической помощи и оптимизации отношений между персоналом и осужденными» (Дебольский М.Г., 2011, с. 3).

Пенитенциарные психологи принимают участие в разрешении конфликтов между осужденными, проводят профилактическую работу. Одной из форм такой работы является проведение социально-психологических тренингов, направленных на снижение уровня конфликтности и развития коммуникативных навыков у осужденных (Дебольский М.Г., 2016). Однако имеющиеся программы и методики не исчерпывают все возможности работы с этой категорией лиц.

С целью профилактики конфликтов среди осужденных в 2023 году в ФКУ ИК-6 УФСИН России по Хабаровскому краю были апробированы восстановительные программы "Круг сообщества" в работе с осужденными, отбывающими наказание в исправительной колонии строгого режима.

Следует отметить, что в силу специфики пенитенциарной среды и условий изоляции возникали трудности, с которыми пришлось столкнуться в процессе работы. Прежде всего, это необычный и непривычный формат работы с осуж-

денными. Осужденным привычнее слушать психолога, сидя за столом в помещении для воспитательной работы. В такой ситуации можно отмолчаться, или, сказав что-то, «спрятаться» за спину другого осужденного. В «Кругу» всё по-другому, участники видят друг друга, каждому предоставляется возможность высказаться и быть услышанным. Это ориентирует осужденных на открытость, что не свойственно для коммуникации осужденных, которая изменяется и деформируется на фоне изоляции от общества, в условиях ограничения привычных социальных связей (Мазейна О.Н., 2022).

В условиях закрытого пространства с регламентированным порядком жизни, поведения и любых проявлений меняется личность, её отношение к миру, меняется и коммуникативная сфера. Общение как взаимодействие организуется, как правило, в два основных варианта: кооперацию и конкуренцию. В первом случае взаимодействие способствует совместной деятельности, во втором, напротив, препятствует. Крайняя форма проявления конкурентного общения – конфликт (Писарев О.М., 2021).

Конфликты между осужденными, как правило, носят деструктивный характер и сопровождаются агрессивными реакциями. Кроме этого, в среде осужденных общение связано с криминальной стратификацией. Проведение программы, в которой участвуют осужденные – представители разных статусов, требует предварительной подготовки.

Не исключается проявления в тренинге сопротивления у осужденных. «Сопротивление чаще всего выражается в том, что участник не соглашается с какой-то идеей или отказывается сделать что-то. Причинами первичного сопротивления являются личностные особенности, настроения, убеждения и предубеждения участников и/или самих тренеров. Вторичное сопротивление возникает в ответ на действия тренера, как результат его неточных, ошибочных или провоцирующих воздействий. Лучший метод работы с сопротивлением – это его профилактика путем использования вовлекающих игр, интересных заданий и командной работы. Сопротивление — это энергия, которую можно и нужно использовать. Цели «плохого поведения» отражают важные человеческие потребности... С помощью преобразующих техник можно превратить энергию сопротивления в энергию конструктивного действия» (Сидоренко Е.В., 2014. С. 35).

В Круге участники говорят по правилам, обсуждение проблемных актуальных вопросов не подвергается негативной критике и у каждого есть возможность высказаться и быть услышанным, происходит преобразование конфликта в конструктивный диалог. Проведение программы Круг сообщества среди осужденных имеет ряд отличительных черт в связи с особенностями пенитенциарной среды и спецификой коммуникации осужденных.

Этапы подготовки к проведению программы «Круг сообщества» с осужденными следующие: 1) анализ конфликтной ситуации, определение ее пригодности для разрешения в Круге; 2) подготовительная работа с осужденными; 3) специальная подготовка сотрудников, контактирующих с осужденными отряда.

Проведение программ «Круг сообщества» состояло из нескольких фаз: 1) приветствие участников и знакомство с правилами проведения Круга; 2) выбор темы, определяющей цель Круга; 3) определение основных трудностей, которые привели к конфликтной ситуации; 4) поиск внутренних ресурсов, помогающих справиться с трудностями (ответ на вопрос: Что помогает?); 5) поиск внешних ресурсов, помогающих справиться с трудностями (ответ на вопрос: Помощь от кого?); 6) оценка собственной ответственности и готовности решать трудности в конфликтной ситуации; 7) оценка реальных возможностей, позволяющих решать трудности при разрешении конфликтной ситуации (ответ на вопрос: Что я готов сделать, чтобы подобное больше не повторялось?).

Проведение программ «Круг сообщества» сопровождается рефлексией, которая должна присутствовать во всех фазах, связывая их между собой.

Помимо восстановительных программ «Круг сообщества» в отряде с осужденными строгого режима проводились коррекционные и лекционные занятия. В копилку психолога вошли практические упражнения из программ по формированию коммуникативной культуры, такие как «Расскажи о своём имени». Ведущий говорит о том, что во время общения очень важно называть друг друга по имени, и предлагает каждому участнику назвать свое имя и рассказать историю о нем. Ведущий начинает с себя. После того, как все представились, ведущий по кругу называет всех участников по именам (Коновалов А.Ю., Путинцева Н.В., 2018).

Анализ дисциплинарной практики за 2023 год показал уменьшение числа конфликтов с участием осужденных отряда, конфликты стали прорабатываться на этапе возникновения противоречий и недовольств поведением другой стороны. Позитивные изменения участников «Круга сообщества» проявлялись в тот момент, когда они демонстрировали конструктивную инициативу по разрешению конфликтов.

Проведенная работа освещалась на сайте УФСИН России по Хабаровскому краю. Несмотря на трудности и особенности коммуникации в пенитенциарной среде, проведение восстановительных программ "Круг сообщества" с осужденными, отбывающими наказание в исправительной колонии, обладает потенциалом осуществления профилактики конфликтов и формирования коммуникативной культуры.

Литература

1. Дебольский М.Г. Психологическая служба Уголовно-исполнительной системы как типовая модель ведомственной психологической службы [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2011. – № 1. – С. 1-12.
2. Дебольский М.Г. Разрешение и профилактика конфликтов, обусловленных субкультурой социальной среды осужденных // II Международные педагогические чтения, посвящённые памяти профессора С.И. Злобина. Сборник материалов. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2016. – С.173-178.
3. Коновалов А.Ю., Путинцева Н.В. Круг сообщества /Каталог психолого-педагогических программ и технологий в образовательной среде. – М.: Общественная организация «Федерация психологов образования России», 2018. – С. 191-195.
4. Мазейна О.Н. Особенности общения осужденных в местах лишения свободы // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2022. – № 4 (20). – С. 30–36.
5. Писарев О.М. Психология пенитенциарного социума: учебное пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – Томск: Томский ИПКР ФСИН России, 2021. – 89 с.
6. Сидоренко Е.В. Причины и формы сопротивления в тренинге //Петербургский психологический журнал. 2014. № 8. С.1-36.

Особенности детско-родительских отношений несовершеннолетних осужденных

Левин Л.М.

Государственный университет просвещения
(г. Москва)

Научный руководитель – Нестерова А.А.

Анализ официальной статистики показывает заметное снижение количества правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. Уменьшилась также численность несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях. Это свидетельствует о положительных тенденциях динамики преступности несовершеннолетних и совершенствовании профилактической работы с подростками. В то же время качественный состав несовершеннолетних осужденных стал более сложным, несовершеннолетние все чаще отбывают наказание за более тяжкие преступления. Это требует разработки дополнительных психопрофилактических программ для ресоциализации правона-

рушителей, что потребует поиска дополнительных ресурсов у подростков и коррекции различных их личностных особенностей. Одним из таких аспектов могут быть особенности социализации и детско-родительских отношений.

Нарушения детско-родительских отношений часто становятся причиной возникновения психопатологических симптомов, девиаций, аддикций, асоциального поведения в зрелом возрасте. Деструктивные детско-родительские отношения, травматичный детский опыт и воспоминания создают предпосылки для различного рода отклонений и преступного поведения. Представляется актуальным изучение особенностей детско-родительских отношений, детских воспоминаний о взаимодействии с родителями несовершеннолетних осужденных, которые могут стать препятствием для позитивной социализации ребенка и одной из причин асоциального поведения. При этом недостаточно изучен вклад детско-родительских отношений в специфику социализации несовершеннолетних с противоправным поведением.

Нами были исследованы детско-родительские отношения несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание за преступления различной степени тяжести. Общий объем выборки составил 260 человек, из которых:

—120 респондентов, которые отбывают наказание в местах лишения свободы (в воспитательной колонии);

—80 респондентов, осужденных условно и состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции;

—60 просоциальных респондентов, обучающихся в образовательных организациях г. Москвы.

Если говорить о составе семьи опрошенных, то в группе несовершеннолетних, отбывающих наказание в местах лишения свободы, 105 респондентов (87,5%) воспитывались в неполных семьях. Чаще всего воспитанием занималась мать, чуть реже – бабушка и дедушка. В большинстве случаев подростки данной группы своих отцов либо не знали, либо не поддерживали тесного контакта. Часто именно в этой группе несовершеннолетние оценивали обстановку в семье как неблагоприятную, неудовлетворительную. Несовершеннолетние, осужденные условно, в 57,5% случаях воспитывались в полных семьях. Опрошенные просоциальные подростки в 78,3% случаях воспитывались в полных семьях, имеют тесные контакты с семьей. Анализируя личные дела подростков, было выявлено, что в группе несовершеннолетних, приговоренных к реальному сроку, в 45 случаях (37,5%) имело место лишение родительских прав, а в группе условно осужденных – в 35 (43,75%).

В ходе опроса подростков было установлено, что несовершеннолетние осужденные, отбывающие наказание в местах лишения свободы, отмечают, что в большей степени их доверия заслуживает мать – в 85 случаях (70,8%). Это объ-

ясняется тем, что воспитанием подростков чаще всего занималась именно мать. В равной степени осужденные данной группы доверяют бабушкам и дедушкам (по 15 случаев, 12,5%). Это связано с тем, что именно они принимали участие в воспитании ребят в случае отсутствия родителей или отсутствия у них времени. А остальные подростки (5 человек; 4,2%) доверяют другим родственникам (брат или сестра, дядя). Если говорить об условно осужденных, то наиболее заслуживающим доверия оказался дедушка – в 25 случаях (31,25%). Это может объясняться тем, что в отсутствие отцовской фигуры именно он выполнял роль и функции отца. Бабушка также является одним из доверяемых лиц – ей доверяют в 20 случаях (25%), что объясняется ее регулярным участием в воспитании подростков. Матери доверяют также 20 подростков (25%), что является следствием ее основной обязанности по заботе о семье. При этом брату или сестре доверяют 15 подростков (18,75%), т.к. они являются одновременно и сверстниками, и родными людьми.

Статистически достоверно было доказано, что несовершеннолетние осужденные чаще были единственными детьми в семье, в то время как просоциальные подростки чаще воспитывались в многодетных семьях. Данный фактор риска может объясняться тем, что в многодетной семье у ребенка есть больше возможностей для нормальной социализации и адаптации в социуме. При этом семьи несовершеннолетних осужденных статистически значимо чаще характеризуются проблемами с законом у родителей, лишением их родительских прав, алкоголизацией и наркотизацией родителей, неудовлетворенностью материальным положением, неполнотой семьи.

Несовершеннолетние осужденные, отбывающие наказание в местах лишения свободы, статистически значимо более негативно относятся к отцу. Это связано с тем, что в большинстве случаев в данной группе отец либо вообще не принимал участия в жизни ребенка, либо их взаимодействие носило отрицательную окраску (психологическое воздействие и физические наказания в отношении сына, нахождение в местах лишения свободы, частые случаи употребления алкоголя и наркотиков). Эта же группа отрицательно относится и к семье в целом, что обусловлено негативным опытом жизни в собственной семье, отсутствием положительного опыта взаимодействия с родными. Результаты условно осужденных и просоциальных подростков в большей степени схожи, они в целом относятся к семье скорее положительно, т.к. в структуре жизненного опыта есть больше позитивного опыта взаимодействия с семьей. При этом если условно осужденные несовершеннолетние к отцу относятся скорее нейтрально (из-за различного опыта взаимодействия с ним), то просоциальные подростки относятся к нему более положительно, характеризуя его как человека авторитетного, надежного, которому они доверяют.

Изучая систему семейных взаимоотношений, нами было выявлено, что семьи осужденных к лишению свободы характеризуются такими характеристиками, как постоянная критика со стороны родителей, установление запрета на выражение эмоций (их элиминирование) детьми. Непринятие семьей ребенка побуждало респондентов испытывать постоянную тревогу и застревать на негативных переживаниях. При этом с целью выглядеть «как все» у таких семей было выражено стремление соблюдать внешнее семейное благополучие. Постоянное нахождение ребенка в такой обстановке и толкало подростков «выплескивать» свои переживания в тяжких преступлениях, повлекших за собой лишение свободы. Если говорить о результатах условно осужденных и просоциальных подростков, то их результаты сравнительно схожи, что объясняется постоянным контактом с семьей и наличием конструктивного опыта взаимодействия с ней. Однако у подростков, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции, в сравнении с нормативной группой наблюдаются завышенные показатели по наличию чрезмерной критики и индуцированию тревоги, что также толкало их на совершение преступлений.

Таким образом, мы видим, что психологический анализ детско-родительских отношений дает сведения о ряде особенностей семей, которые могут стать основой девиантного и делинквентного поведения.

Психические состояния осужденных в зависимости от оснований направления в ИК-поселение

Тарасова В.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

А.О. Прохоров в своей монографии определяет психическое состояние как «отражение личностью ситуации в виде устойчивого, целостного синдрома (совокупности) в динамике психической деятельности, выражающегося в единстве поведения и переживания в континууме времени» (Прохоров А.О., 2019). Среди качественных признаков психических состояний А.О. Прохоровым выделяются следующие: «целостность, ситуативность, интегративность психологических и организменных характеристик, время – длительность, единство переживания и поведения» (Прохоров А.О., 2019).

Одним из подходов к классификации психических состояний является подход В.Н. Мясищева (1966), основанный на их генезисе: эндогенные, или ауто-

хронные, и реактивные, или психогенные. Причиной возникновения эндогенных состояний являются факторы организма, а возникновение реактивных обусловлено обстоятельствами, которые имеют важное значение, связаны со значимыми обстоятельствами (Карвасарский Б.Д., 2019).

Колония-поселение является местом лишения свободы, однако режимные условия заметно мягче, потому осужденные испытывают на себе минимальные требования изоляции. Особенности правового положения осужденных и условия их содержания в колониях-поселениях определены в ст. 129 УИК РФ. Так, в учреждении осужденные находятся без охраны, но под надзором, пользуются правом свободного передвижения по территории колонии-поселения в часы от подъема до отбоя. Также осужденные могут вне колонии-поселения без надзора передвигаться в пределах муниципального образования, если это необходимо в связи с исполнением рабочих или учебных обязанностей. Условия содержания близки к жизни на свободе, но при этом некоторые режимные условия сохраняются: им не выдается паспорт и они не могут выезжать за пределы муниципального образования, где расположено учреждение (Упоров И.В., 2019).

В нашем исследовании приняли участие 59 осужденных из ФКУ КП-2 и ФКУ КП-3 УФСИН России по Московской области. Выборка набиралась на основании пути в исправительное учреждение: по решению суда с места жительства (регистрации) – 38 человек – или по решению суда по изменению исправительного учреждения – 21 человек. Исследование проводилось анонимно на добровольной основе. Для выявления особенностей психических состояний осужденных использовались опросник САН (самочувствие, активность, настроение) В.А. Доскина, Н.А. Лаврентьевой, В.Б. Шарай и М.П. Мирошникова, опросник самооценки психических состояний Г. Айзенка, а также дополнительно разработанная анкета.

Результаты, полученные по опроснику самооценки психических состояний Г. Айзенка, после их анализа определяют следующее: в обеих выборках средние значения показателей тревожности, агрессивности, фрустрации и ригидности находятся в рамках низких, соответственно данные состояния не выражены среди осужденных вне зависимости от направления в ИКП. Далее обсудим различия в этих выборках.

В выборке осужденных, которым изменили исправительное учреждение, показатели тревожности в рамках средних определяются у 1 человека из 21, показатели фрустрации в рамках средних – у 1 человека и у 1 человека – высокий показатель фрустрации. Показатели агрессивности находятся в рамках средних у 3 человек (14%), а на высоком уровне – у 1 человека, показатели ригидности в рамках средних показателей находятся у 4 человек (19%) и у 1 человека – высокий уровень ригидности. Можно отметить, что среднее значение агрессивности

и ригидности имеет более высокий показатель, чем показатель тревожности и фрустрации.

В выборке осужденных, которые прибыли в учреждения с места жительства (регистрации), в рамках средних показатели тревожности определяются у 5 человек из 38 (13%), показатели фрустрации в рамках средних – у 6 человек (16%) и у 1 человека – высокий показатель фрустрации. Показатели агрессивности находятся в рамках средних у 13 человек (34%), показатели ригидности в рамках средних показателей находятся у 16 человек (42%). Можно отметить, что среднее значение агрессивности и ригидности имеет более высокий показатель, чем показатель тревожности и фрустрации, а показатель ригидности находится на границе со средними значениями и ригидность проявляется у 42% осужденных, прибывших в КП с места регистрации (проживания). Таким образом, более выраженными психические состояния являются у осужденных, которые прибыли в учреждение с места жительства (регистрации), что можно объяснить сменой обстановки и помещением в пенитенциарную среду.

При анализе результатов, полученных по опроснику САН, можно отметить, что средние значения в обеих выборках самочувствия и настроения находятся в рамках высоких, что свидетельствует о благополучном самочувствии и настроении. Однако можно заметить, что значение активности находится в рамках низких показателей. С одной стороны, это может быть показателем состоянии апатии и безразличия, при котором снижен мотивационный компонент (нет желания проявлять активность или та активность, к которой есть интерес, недоступна), а с другой – показателем чувства удовлетворенности или комфорта в текущей сложившейся ситуации, что не будет требовать от человека большой активности.

Обращаясь к субъективной оценке, можно отметить, что осужденные чаще всего на вопрос “Отметьте признаки, которые у Вас стали проявляться с момента заключения под стражу и пребывания в КП” отмечали такие варианты: “Стал чаще курить”, “Недостаточность личного пространства”, “Усталость” и “Беспокойный сон, трудности засыпания”. Осужденные, которым изменили вид пенитенциарного учреждения, также чаще всего отмечали вариант “Чувство одиночества и тоски”. На вопрос “Какие эмоциональные переживания чаще испытываете в КП?” самые частые ответы у осужденных: “Надежду на лучшее будущее, оптимизм”, “Спокойствие, уверенность в себе”, “Тоска, одиночество” и “Чувство вины, раскаяние”.

При сравнении показателей тревожности, фрустрации, агрессивности и ригидности в зависимости от пути попадания в учреждение, не удалось выявить статистически значимых различий ($p = 0,142$, $p = 0,592$, $p = 0,684$, $p = 0,111$ соответственно) (используемый метод: U-критерий Манна-Уитни). При сравнении

показателей самочувствия, активности и настроения в зависимости от пути попадания в КП, не удалось установить статистически значимых различий ($p = 0,829$, $p = 0,872$, $p = 0,769$ соответственно) (используемые методы: t -критерий Стьюдента, t -критерий Стьюдента, U -критерий Манна-Уитни).

В целом можно заметить, что в среднем показатели тревожности и ригидности выше у осужденных, которые прибыли в КП с места регистрации (проживания), чем у осужденных, которые прибыли в КП из других учреждений. Полученные ответы могут свидетельствовать о снижении мотивации осужденных, выражающемся в форме апатии, но при этом сохранении положительного настроения по отношению к настоящему и будущему. Можно предполагать, что более положительное состояние у осужденных, которым изменили вид учреждения, может связываться с предыдущим опытом нахождения в пенитенциарных учреждениях.

Литература

1. Карвасарский Б.Д. Клиническая психология: Учебник для вузов. 5-е изд. – (Серия «Учебник для вузов»). – СПб.: Питер, 2019. – 896 с.
2. Психология состояний. Учебное пособие / А.О. Прохоров, М.Е. Валиуллина, Н.В. Габдреева [и др.]. – М.: Когито-Центр, 2019. – 624 с.
3. Упоров И.В. Колонии-поселения как вид пенитенциарного учреждения // Научный журнал Дискурс. – 2019. – № 2(28). – С. 261-268.

Фольклор как средство оптимизации детско-родительских отношений между матерью и ребенком, находящимся в доме ребенка при исправительной колонии

Туманова Е.П.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

Согласно статье 100 УИК РФ, в 12 исправительных учреждениях, в которых отбывают наказание осужденные женщины, имеющие детей, созданы дома ребенка. На 1 января 2023 г. в них находился 321 ребенок в возрасте до 3 лет. Идея проекта народных игр в исправительной колонии (ИК) состоит в том, чтобы поддерживать эмоциональную связь между ребенком и матерью, а также развивать материнские чувства у женщин, находящихся в местах лишения свободы.

Согласно В.С. Мухиной, «материнство – это особое состояние женщины в период беременности, родов, кормления и взращивания ребенка. Материнство в норме – чувство любви и ответственности за своего ребенка, способность к рефлексии на физические и психические состояния ребенка, а также способность к психологическому его сопровождению и реальному ведению по жизни» (Савеннышева С.С., 2008, с.47).

Дж. Боулби, Р.А. Шпиц и другие отмечали, что разлука инфанта (малолетнего ребенка) с матерью на первых годах жизни вызывает тяжелые последствия, названные «госпитализм», накладывает отпечаток на все сферы формирующейся личности, тормозит интеллектуальное, эмоциональное и соматическое развитие, разрушает физическое благополучие. Опрос осужденных женщин показал, что большинство испытывают подлинные материнские чувства к своим детям, но порой воспроизводят непедагогичные формы воспитания, которые применялись к ним самим в детстве.

В целях эмоционального насыщения и исключения эмоционального голода народная игра в условиях ИК положительно сказывается как на ребенке, показывая ему разнообразный мир эмоций, так и на маме. В процессе взаимодействия во время народной игры навык и умение проживать игру совместно с ребенком, в жизнь матери войдут и другие эмоции – ощущение спокойствия, эмоциональной близости и пр.

Важно, чтобы развитие материнских чувств, обучение педагогике взаимодействия матери с ребенком носило не назидательный характер, а включало народный жизненный опыт, вытекало из глубинных материнских инстинктов к своему ребенку. Этими свойствами обладает фольклор, детские игры с детьми. Народная игра в данном случае является средством, способствующим раскрытию и развитию материнских чувств, создается возможность альтернативного поведения, позволяющая индивиду освоить разные модели поведения и обрести опыт определения индивидуальной стратегии в различных ситуациях (Теплова А.Б., Чернушевич В.А., 2017).

Рассматривая портрет детей, поступающих в дом ребенка при ИК, можно выделить *неблагоприятный биологический, социальный анамнез*, в основе которого лежит алкоголизм, наркомания, ВИЧ-инфекция, туберкулез, курение родителей, патологическое течение беременности и родов, что отражается на значительном росте показателя разнообразных внутриутробных инфекций, врожденных аномалий, заболеваний детей раннего возраста.

Согласно докладу заведующего домом ребенка ФКУЗ МСЧ-13 на совещании руководителей дома ребенка ФСИН России в 2018 г., первое место по заболеваемости занимают болезни нервной системы (перинатальные энцефалопатии) – 42%, наиболее распространены они в первый год жизни. Болезни крови (ане-

мии) составляют 30% от общего числа случаев, а функциональные нарушения, связанные с неблагоприятным анамнезом, составляют 13%. Расстройства питания замечены у 10% детей и обусловлены как предшествующей внутриутробной задержкой развития, так и отягощенным преморбидным фоном. Однако, было бы заблуждением утверждать, что проблемы здоровья касаются только детей осужденных женщин. Известный специалист Е.А. Ямбург отмечает, что состояние здоровья детей в стране в целом нельзя назвать благоприятным. По данным профсоюза педиатров, только 12% детей считаются здоровыми (Ямбург Е.А., 2022).

Известно, что дети, проживающие совместно с матерью, более активны, всесторонне развиты. Это важнейшая предпосылка формирования привязанности как ребенка к матери, так и наоборот (Бурменская Г.В., 2009]. Многие матери, содержащиеся в ИК, будучи на свободе, вели достаточно свободный и безответственный по отношению к детям образ жизни. В 2015 году ФСИН России утвердил программу создания условий для совместного проживания матери с ребенком в исправительных учреждениях. Сейчас уже 60% матерей с детьми живут по такой форме. Это позволяет матерям ухаживать за ребенком и заниматься его развитием и воспитанием. В связи с этим, обучение осужденных женщин использованию фольклора в общении с детьми является актуальным.

Удалось выявить представления осужденных матерей о материнских функциях и особенностях их реализации после освобождения. Преимущественно женщины хотят реализовать себя как матери, но зачастую не имеют представления о том, что необходимо дать ребенку в раннем возрасте для благополучного развития. Женщины имеют ограниченное время общения с ребенком во время отбывания наказания, у многих есть опасение, что ребенок из-за периодических карантинных не узнает мать.

Особое внимание стоит уделить *материнскому фольклору*. Пестушки и потешки в стихотворной форме предлагают детям игровой опыт, чтобы они могли узнать о жизни и окружающем мире. Эти игры помогают детям изучать правила, получать новые эмоции и готовиться к общению с другими. Взрослые играют и одновременно учат детей полезным навыкам. Это также помогает передать традиции, мировоззрение и жизненные навыки. Дети учатся играть и запоминать полезные вещи, которые пригодятся им в жизни.

Пальчиковые игры способствуют развитию мелкой моторики у детей, что в свою очередь стимулирует развитие речевых центров головного мозга. Развитие мелкой моторики подготавливает ребенка к рисованию, письму и манипуляции с предметами. Занятия пальчиковыми играми стимулирует развитие некоторых зон головного мозга, в частности, речевых центров. Таким образом, игры с

пальчиками играют важную роль в развитии ребенка, а взрослый, играющий роль матери, определяет направление этого развития.

При игре вдвоем и в кругу происходит физическое, эмоциональное и психофизиологическое развитие ребенка. Игра рассматривается как модель социальных отношений, которая способствует развитию ребенка. Она дает возможность детям экспериментировать со своими эмоциями и научиться регулировать их. Игра позволяет детям приобрести необходимый опыт владения эмоциями и саморегуляции, а также способствует самовыражению человека, коммуникации. Рассмотрим некоторые игры из программы.

В игре **Каравай** (Стельмах О. Д., Ступина В.Н., Чернушевич В.А., 2014) во время переходов круга из одного состояния в другое тот, кто стоит в центре, чувствует себя то важным и величественным, то вдруг совсем маленьким и беззащитным. Это тренировка жизненной устойчивости протекает в атмосфере игры и безопасности, что для ребенка особенно важно. В конце игры ребенку предоставляется право самому выбрать, кто будет следующим на его месте, что стимулирует собственный выбор ребенка. Игра дает возможность испытать смущение и тревогу, страх, обиду и злость (не выбрали, а хотелось) зависть и ревность и пр.

Игра **Коза** (Стельмах О. Д., Ступина В.Н., Чернушевич В.А., 2014) показывает согласованность крупной моторики верхней и нижней частей тела, а также способности делать определенные движения в заданном ритме. В психологическом плане игра подспудно подготавливает и стимулирует собственный выбор ребенка. Игра способствует развитию общей моторики тела, стимулирует развитие реципрочной координации рук и ног (согласованных перекрестных движений).

Обобщение – состояние контактов осужденных женщин с детьми. Отношения, складывающиеся между матерью и ребенком, из-за периодических карантинных нельзя назвать сформировавшимися и устойчивыми. Были собраны теоретические данные о том, когда формируется детско-родительская привязанность, на основании этого можно сделать вывод, что среди матерей привязанность может быть не сформирована в полной мере, так как некоторые матери периодически не видят своих детей месяцами из-за карантинных.

Было выявлено в лонгитюдном исследовании представление осужденных женщин о материнской роли и сопоставлено с тем, как они ее реализуют. По результатам анкетирования, женщины имеют высокую потребность в контроле своих детей, существует тенденция к снижению агрессии у детей, что корректируется в ходе игры.

Разработка научно обоснованной программы психологической подготовки осужденных женщин, направленной на развитие материнских чувств к своему

ребенку (детям), способствует повышению психологической готовности к выполнению материнской роли в процессе отбывания наказания и после освобождения. Программа оказалась ресурсной и полезной для матерей – это отметили женщины в процессе занятий.

После курса занятий народными играми осужденные женщины отмечают активное улучшение в понимании своего ребенка. Матери отмечают положительную динамику в развитии своего ребенка и в налаживании эмоционального контакта с ним.

Литература

1. Бурменская Г.В. Привязанность ребенка к матери как основание типологии развития // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2009. – №4. – С. 17-31.
2. Савенышева С.С. Отношение к материнству у современных женщин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2008. – №4. – С. 45-54.
3. Стельмах О. Д., Ступина В.Н., Чернушевич В.А. О возможностях игровой практики в детском саду // Эксперимент и инновации в школе. – 2014. – №2. – С. 49-55.
4. Теплова А.Б., Чернушевич В.А. Ресурсы народной игры как социокультурного средства профилактики девиантного поведения // Культурно-историческая психология. – 2017. – Том 13. – № 3. – С. 51-59. – doi:10.17759/chp.2017130307.
5. Ямбург Е.А. После заморозков обязательно будет оттепель// Психологическая газета 13 декабря 2022. – URL: <https://psy.su/feed/9274/> (дата обращения: 11.04.2024).

ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД В РАБОТЕ С КОНФЛИКТНЫМИ, КРИМИНАЛЬНЫМИ И ИНЫМИ СЛОЖНЫМИ СИТУАЦИЯМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Влияние восстановительных технологий на ценностно-мотивационную сферу учащихся-волонтеров школьной службы примирения

Ватагина И.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Теплова А.Б.

Школьная жизнь наполнена разными событиями. Ход событий определяет школьное сообщество: педагоги, учащиеся, родители. Каждый из участников образовательного процесса включается в сложную систему полисубъектных отношений. При этом очень важны микросоциум и макросоциум, так как именно они определяют направленность человека на саморазвитие и самореализацию. В результате личность человека раскрывается не только в деятельности, но и в процессе общения. И часто процесс межличностного общения является самым сложным для всех участников образовательного процесса: появляются ссоры, обиды, разногласия, которые перерастают в конфликты (Андрианова И.Н., Ватагина И.А., 2018).

Восстановительный подход помогает всем участникам образовательного процесса выйти за рамки привычных способов разрешения конфликтных ситуаций и двигаться в направлении развития восстановительной культуры межличностного общения, в основе которой лежит уважение, доверие, принятие, ответственность, поддержка. О ценностях восстановительного подхода важно и нужно говорить (Коновалов А.Ю., 2014).

В настоящее время в нашей стране в разных образовательных учреждениях (детские сады, школы, колледжи, вузы) создаются и развиваются службы примирения.

Деятельность такой службы в школе направлена на разрешение споров, разногласий, конфликтных ситуаций, а также на создание благоприятного психологического климата не только в школе в целом, но и в каждом классе.

Служба примирения – это работа целой команды, где одна из ведущих ролей отводится подросткам-волонтерам. Именно они будут принимать активное участие не только в создании, но и в развитии службы примирения (Коновалов А.Ю., 2008).

Учащиеся-волонтеры школьной службы примирения (далее – ШСП) могут принимать участие в проведении восстановительных программ (восстановительная медиация, круг сообщества), пройдя обучение и освоив необходимые умения и навыки.

В настоящее время существует много разных по содержанию программ обучения начинающих медиаторов. Несмотря на то, что учащиеся-волонтеры не только проходят обучение, но и сами проводят восстановительные программы, исследований о том, как они к этому относятся, с какими трудностями сталкиваются, какие качества приобретают, очень мало.

Цель нашего исследования – выявить особенности ценностно-мотивационной сферы учащихся-волонтеров школьной службы примирения, приобретенные в процессе обучения и проведения восстановительных программ.

Была выдвинута следующая гипотеза: ценностно-мотивационная сфера учащихся-волонтеров службы примирения будет отличаться от ценностно-мотивационной сферы подростков, не состоящих в ШСП, не принимающих участия в проведении восстановительных программ: восстановительная медиация, круг сообщества.

Исследование проводилось на базе средней общеобразовательной школы № 8 (Владимирская область, город Ковров). В исследовании приняли участие 36 человек в возрасте от 14 до 15 лет. Из них юношей – 14 человек, девушек – 22 человека. После первичной обработки выборка была разделена на 2 группы:

- Контрольная группа – подростки, не являющиеся учащимися-волонтерами ШСП, 20 человек, из них юношей – 9 человек, девушек – 11 человек.
- Экспериментальная группа – учащиеся-волонтеры ШСП, 16 человек, из них юношей – 6 человек, девушек – 10 человек.

Диагностический инструментарий составили методики: «Методика исследования ценностных ориентаций подростков» (В.Ф. Сопов, Л.В. Карпушина), «Методика оценки коммуникативных и организаторских способностей личности» (В. В. Синявский, Б. А. Федоришин), «Методика изучения социализированности личности» (М.И. Рожков), авторская анкета для учащихся-волонтеров на основе методики изучения мотивов участия школьников в деятельности (автор Л.В. Байбародова).

По результатам эмпирического исследования влияния восстановительных технологий на ценностно-мотивационную сферу учащихся-волонтеров школьной службы примирения можно сформулировать следующие выводы:

1. Учащиеся-волонтеры, пройдя обучение и принимая активное участие в деятельности школьной службы примирения, демонстрируют более высокую степень развития коммуникативных и организаторских способностей, обладают высокой степенью принятия социальных норм, имеют высокий уровень сформиро-

ванности ценностных ориентаций в сравнении с подростками, не участвующими в деятельности ШСП.

2. Мотивационная сфера учащихся-волонтеров ШСП также изменилась: доминирующими мотивами являются мотивы, направленные на развитие социума и личностных качеств.

3. Мотивы вступления в школьную службу примирения тесно взаимосвязаны с личностными характеристиками по итогам реализации программы. Так, наиболее тесно связанными с социальными и личностными мотивами являются показатели коммуникативных способностей и выраженность ценности «Общественно полезная деятельность».

Таким образом, гипотеза о том, что в процессе обучения у учащихся-волонтеров происходят изменения в ценностно-мотивационной сфере, развиваются новые навыки и качества, нашла свое полное подтверждение.

Литература

1. Андрианова И.А., Ватагина И.А. Школьная служба примирения – новый взгляд на разрешение конфликтов в образовательном учреждении // Традиции и инновации обучения и воспитания: Материалы международной научно-практической конференции. – М.: Московская академия профессиональных компетенций, 2018. – 256 с.
2. Коновалов А.Ю. Школьная служба примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство [Электронный ресурс] / Под общ. ред. Л.М. Карнозовой. изд. 2-е, доработанное. – М.: Судебно-правовая реформа», 2014. – 306 с. – URL: <http://www.8-926-145-87-01.ru/wp-content/uploads/2015/02/%D0%A8%D0%A1%D0%9F-2014.pdf> (дата обращения 26.04.2024).
3. Коновалов А.Ю. Школьная служба примирения // Справочник заместителя директора школы. – 2008. – №2. – С. 29 - 34.

Формирование самоконтроля поведения младших подростков посредством технологий восстановительного подхода

Жбанникова Е.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Буслаева Е.Л.

Актуальность проблемы исследования обусловлена увеличением конфликтных ситуаций среди учащихся и сложностью самостоятельного контроля

поведения в этот возрастной период. Восстановительные технологии помогают организовать коммуникативное пространство, способствующее активному мыслительному процессу подростка, направленного на анализ социальной ситуации и ее последствий.

Цель исследования – выявить и обосновать возможности использования восстановительных технологий в формировании самоконтроля младших подростков.

Самоконтроль в отечественной и зарубежной психолого-педагогической литературе рассматривается в разных подходах. В данном исследовании мы придерживаемся социально-когнитивного подхода, деятельностного и регулятивного, где самоконтроль можно определить как контроль и управление человека собой, своими психологическими процессами, состоянием и поведением, основным механизмом которого является процесс «сличения» и планирование, моделирование, программирование, контроль, оценка (Конопкин О.А., 2008; Моросанова В.И., 2014; Никифоров Г.С., 2022).

Самоконтроль сводится к следующему процессу: постановка цели, моделирование, программирование, контроль и оценка на основе «обратной связи» с ориентацией на «акты хотения» (Петров А.В., 2017).

Ведущая деятельность данного возраста направлена на другого человека, также формируется произвольное внимание, развивается рефлексия (Выготский Л.С., 1984), появляется новообразование подросткового возраста – «чувство взрослости» (Хьелл Л., 1997; Остапенко Г.С., 2013).

Применение восстановительных технологий во внеурочной деятельности с целью снижения уровня конфликтности может стать внешним фактором, способным воздействовать на процесс формирования самоконтроля младших подростков.

Участие младших подростков в восстановительной медиации, кругах общества может быть использовано в качестве инструмента организации социального пространства с целью создания благоприятных условий, способствующих развитию рефлексии и сознательности, так как восстановительные технологии ориентированы на преодоление конфликта через коммуникацию и восстановление справедливости, создание субъект – субъектных отношений в контексте анализа: цель – средство – последствия.

Эмпирическое исследование степени влияния используемых восстановительных технологий на уровень самоконтроля поведения подростков проводилось на базе МБОУ СОШ города Барнаула Алтайского края. Выборку исследования составили младшие подростки (51 человек), ученики двух 6-х классов в возрасте 12 - 13 лет, один класс – экспериментальная группа, второй – контроль-

ная группа. Методики исследования: вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении (социальный самоконтроль) Г.С. Никифорова, В.К. Васильевой и С.В. Фирсова; шкала социального самоконтроля М. Снайдера; оценка конфликтности личности Д.М. Рамендик.

Вся работа в экспериментальной группе строилась на ценностях и принципах восстановительного подхода и включала в себя реализацию следующих задач: поддержание процесса рефлексии социальной ситуации и самосознания в процессе общения с другими людьми; осознание последствий действий и поведения; формирование условий для активного взаимодействия со сверстниками в процессе обсуждения ситуации в классе; поддержание чувства взрослости и самоэффективности.

Анализ полученных результатов

Результаты исследования показали, что проведенная работа в рамках восстановительного подхода в экспериментальной группе по формированию самоконтроля поведения младших подростков имеет положительный результат.

После проведенной работы в экспериментальной группе, согласно Т-критерию Уилкоксона ($p < 0,05$) были выявлены достоверные различия по всем шкалам вопросника Г.С. Никифорова. По шкале социального самоконтроля М. Снайдера до и после экспериментального воздействия Т-критерий Уилкоксона в экспериментальной группе показал отсутствие различий. Отмечается некоторое повышение уровня социального самоконтроля, однако такое повышение не является статистически достоверным. По Т-критерию Уилкоксона ($p < 0,05$) были выявлены достоверные различия по методике «Определение уровня конфликтности индивида» Д.М. Рамендик ($p = 0,027$). После экспериментального воздействия уровень конфликтности школьников достоверно понизился.

Согласно U-критерию Манна-Уитни ($p < 0,05$) между экспериментальной и контрольной группами были выявлены достоверные различия по шкалам «Социальный самоконтроль» ($p = 0,001$) и «Самоконтроль в деятельности» ($p = 0,028$), а также в интегральном показателе самоконтроля ($p = 0,016$) по методике Г.С. Никифорова. U-критерий Манна-Уитни ($p < 0,05$) по Шкале социального самоконтроля М. Снайдера между экспериментальной и контрольной группой не показал достоверных различий. Согласно U-критерию Манна-Уитни ($p < 0,05$) между экспериментальной и контрольной группами после реализации экспериментальной программы не были выявлены достоверные различия по методике «Определение уровня конфликтности индивида» Д.М. Рамендик ($p = 0,078$).

Заключение

Теоретическое и эмпирическое исследование сущности самоконтроля и изучение влияния восстановительных технологий на формирование самоконтроля у подростков позволили получить новые знания о механизмах формирования самоконтроля посредством использования восстановительных программ.

Восстановительные технологии позволяют создать условия для эффективного процесса формирования самоконтроля у подростков, воздействуя на его внутренние и внешние факторы, способствуют развитию планомерного следования поставленной цели; учесть специфику младшего подросткового возраста и выстроить конструктивное социальное взаимодействие с ближайшим окружением, сверстниками; проявить себя и узнать больше другого, что способствует сплочению и снижению уровня конфликтности в коллективе.

Литература

1. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6-ти т. Том 4. Детская психология. / Под ред. Д.Б. Эльконина. – М.: Педагогика, 1984. – 432 с.
2. Конопкин О.А. Осознанная саморегуляция как критерий субъектности // Вопросы психологии. – 2008. – № 3. – С. 22-34.
3. Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция произвольной активности человека как психологический ресурс достижения целей // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2014. – Том 7. – № 4. – С. 62-78.
4. Никифоров Г.С. Психология самоконтроля. – СПб.: Скифия. – 233 с.
5. Остапенко Г.С., Остапенко Р.И. Анализ особенностей личности подростков с девиантным поведением // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 1. – С. 54-60.

Проблемы адаптации подростков, обучающихся по программам среднего профессионального образования

Пан Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бойкина Е.Э.

Востребованность среднего профессионального образования возрастает год от года, оно высоко котируется и само по себе, и в плане перехода к высшему звену. Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ в

2022 году провел исследование востребованности программ подготовки специалистов среднего звена среди молодежи, в котором зафиксирована положительная динамика. В 2021 г. на обучение по программам системы профессионального образования (СПО) были приняты 871 тыс. человек, что составляет +19,8% к уровню 2016 г. (Шугаль Н.Б., 2022). Исследование, проведенное в рамках мониторинга экономики образования, показало: примерно половина студентов организаций СПО планирует в дальнейшем поступать в вуз и примерно столько же студентов реализуют свои планы в течение трёх лет с момента окончания колледжа (Дудырев Ф.Ф., 2022). Таким образом, в настоящее время СПО представляет собой важный этап в жизни каждого студента и само по себе, и как переходная ступень. От уровня подготовки зависит карьера и успехи в жизни будущего специалиста.

Студенты первого курса СПО – это выпускники 9 – 11 классов школ в возрасте 15 - 18 лет. В этот период происходит переход от детства к взрослости, сопровождаемый изменениями в различных сферах развития личности. По мнению исследователей (например, Д.Б. Эльконин, Л.С. Выготский, Ж. Пиаже), подростковый возраст характеризуется формированием новых психологических образований, когда дети начинают строить свою систему взаимоотношений с окружающими. Это формирование системы отношений с определенными чертами личности оказывает прямое воздействие на их психическое развитие. Именно в этот период происходит качественная перестройка всех сторон развития личности, а ведущим видом деятельности становится формирование системы взаимоотношений с окружающими. Развитие у ребенка в этот период может различаться в зависимости от социальных условий, традиций, которые присутствуют в воспитании подростков (Обухова Л.Ф., 2010).

Поступление подростка в СПО сопровождается изменением условий образования, сменой круга общения, сепарацией от родителей. Иногородние студенты сталкиваются с социально-экономическими проблемами: обеспечение себя жильем, финансовая обеспеченность, незнание города, отсутствие поддержки семьи. Социальным переменам может сопутствовать отсутствие ясного представления о выбранной профессии и нехватка необходимых навыков и знаний. Кроме того, в СПО приходят подростки из различных социокультурных сред и социальных групп.

Поэтому при переходе из школы в СПО многие сталкиваются с проблемой адаптации. Различия в ценностях, менталитете и образовании, проблемы личностного характера, связанные с подростковым возрастом, освоение новых социальных ролей, безусловно, создают препятствия для успешной адаптации первокурсников.

Системный подход к решению проблем психолого-педагогической адаптации в СПО обеспечивает изучение проблемы с позиции многообразия факторов и условий и диктует включение в программу адаптации обучающихся СПО необходимых компонентов, которые помогут им быстрее войти в учебный процесс и успешно преодолеть проблемы. Здесь следует отметить, что для успешной адаптации студентов-первокурсников к новым образовательным условиям важно не только индивидуальное сопровождение по результатам диагностики, обеспечение психологической поддержки, помощи в интеграции студентов из различных социокультурных сред со стороны профессионалов в своей области (педагогов-психологов, социальных педагогов, преподавателей), но и использование групповых форм работы, опора на коллектив.

В Красноярском финансово-экономическом колледже – филиале федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Красноярский филиал Финуниверситета) в 2023 году был реализован формирующий эксперимент, целью которого стало обоснование включения восстановительных практик в программу психолого-педагогической адаптации студентов первого курса.

В традиционную по структуре программу адаптации обучающихся СПО был включен дополнительный компонент – восстановительная программа «Круг сообщества» – программа с определенными целями, порядком проведения, ценностями (Коновалов А.Ю., 2015). Данная практика позволяет охватить всех студентов, обучающихся в одной группе, провести работу с опорой на ценности, делегировать участникам ответственность за решение проблемной ситуации (в зависимости от имеющейся проблемы) и способствует сплочению коллектива.

По результатам проведенного эксперимента удалось получить достоверные и статистически значимые данные о том, что включение восстановительных практик в традиционную по структуре программу адаптации студентов/обучающихся повышает степень ее эффективности.

Литература

1. Коновалов А.Ю. Школьная служба примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство/ Под общ. ред. Л.М. Карнозовой. изд. 2-е, доработанное. – М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2014. – 306 с. – URL: <http://www.8-926-145-87-01.ru/wp-content/uploads/2015/02/%D0%A8%D0%A1%D0%9F-2014.pdf> (дата обращения: 27.04.2024).
2. Обухова Л.Ф. Возрастная психология: учебник. – М.: Юрайт; МГППУ, 2011. – 460 с.

3. Переход «учеба – работа» студентов и выпускников программ среднего профессионального образования: информационный бюллетень / Ф. Ф. Дудырев, К. В. Рожкова, О. А. Романова, П. В. Травкин // Мониторинг экономики образования. – М.: Высш. шк. экономики, – 2022. – № 3. – 44 с. – URL: [https://www.hse.ru/data/2022/05/31/1870885439/ib_3\(20\)_2022.pdf](https://www.hse.ru/data/2022/05/31/1870885439/ib_3(20)_2022.pdf) (дата обращения: 27.04.2024).
4. Среднее профессиональное образование в России: статистический обзор / Н.Б. Шугаль, В.И. Кузнецова, Л.Б. Кузьмичева и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2022. – 72 с.

Профилактика и коррекция агрессивного поведения детей младшего школьного возраста с использованием восстановительного подхода

Полякова А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Буслаева Е.Л.

Проблема агрессивного поведения детей является предметом обсуждения как на государственном уровне, так и в профессиональном сообществе различных специалистов. Происходит рост агрессивных тенденций в школьной среде. В настоящее время детская агрессия «помолодела», приобрела актуальность для начальной школы, хотя раньше про агрессию говорили как о черте, свойственной подростковому возрасту.

Многие зарубежные и отечественные психологи занимались проблемой изучения агрессивного поведения. Наиболее общим определением агрессии является поведение, причиняющее ущерб. Причем ущерб может быть как прямым (нападение), так и косвенным (распространение порочащих слухов). В качестве синонимов к понятию агрессии используются понятия «деструктивность», «напористость», «нападение», «насилие», «разрушительность», «жестокость» (Платонова Н.М., 2006).

В зависимости от мотивов выделяют три типа агрессии детей: импульсивно демонстративный, целенаправленно враждебный и нормативно инструментальный (Мосина Т.Н., 2018).

Агрессия бывает разной и имеет различные причины, например, такие, как стремление ребенка найти любовь и признание, привлечь к себе внимание родителей, учителей, других детей. Агрессивные дети иногда проявляют агрессию лишь потому, что не знают других способов выражения своих чувств. Задача

взрослого – научить их выходить из конфликтных ситуаций приемлемыми способами (Лютлова К.К., Моница Г.Б., 2005).

В целях эффективности проводимой коррекции необходима также работа с родителями ребенка, поскольку психологический фон взаимоотношений в семье может носить негативный характер и во многом провоцировать ребенка на агрессивное поведение (Зайцева Л. Н., 2018).

Агрессия детей младшего школьного возраста привлекает особое внимание, в этом возрастном периоде агрессия становится более осознанной и целенаправленной. Одна из особенностей агрессии состоит в том, что она может развиваться и сформироваться как качество личности, поэтому особое внимание стоит обращать на агрессивное поведение именно среди младших школьников. Следовательно, важен вопрос об организации специальной деятельности по профилактике и коррекции агрессивного поведения учащихся начальных классов. Одна из задач родителей, педагогов и других специалистов – научить ребенка контролировать свою агрессию и направлять её в конструктивное русло.

Цель нашего исследования – изучение влияния профилактической и коррекционной работы с агрессивным поведением детей младшего школьного возраста и восстановительного подхода в деятельности, направленной на снижение агрессивного поведения у младших школьников.

Объект исследования: агрессивное поведение в младшем школьном возрасте. Предмет исследования: профилактика и коррекция агрессивного поведения детей младшего школьного возраста с использованием восстановительного подхода.

Выборку исследования составили 67 младших школьников, обучающихся в 1, 3 и 4 классах, в возрасте от 7 до 11 лет. В экспериментальную группу вошли 37 детей, в контрольную – 30 детей. Для оценки результатов были выбраны следующие методики: анкета для учителя «Критерии агрессивности у ребенка» (Г.П. Лаврентьева, Т.М. Титаренко); опросник для родителей «Ребенок глазами взрослого» (А.А. Романов); методика Э. Вагнера «Тест руки» (детский вариант).

Гипотеза исследования заключается в предположении, что использование восстановительного подхода при формировании у младших школьников навыков эффективного взаимодействия с другими людьми, положительных эмоциональных переживаний, положительной самооценки и навыков самоконтроля будет способствовать снижению уровня их агрессивного поведения.

После первичной психодиагностики в контрольной и экспериментальной группах с участниками экспериментальной группы был проведен цикл занятий, включающий 16 встреч. Занятия проводились с периодичностью один раз в неделю, длительность каждого составляла 40 минут.

Программа, которая применялась для профилактики и коррекции агрессивного поведения, включала разные формы работы: восстановительная программа «Круг сообщества», восстановительные беседы, форум-театр, арт-занятия, социальные истории, сказкотерапия, игры, упражнения, восстановительные медиации по конфликтным ситуациям. Занятия с детьми были направлены на развитие умения выстроить доверительный контакт с другими, слушать, задавать вопросы; на работу с чувствами; на обучение безопасным способам выражения гнева; на развитие навыков конструктивного общения, способов выхода из конфликтных ситуаций.

Кроме этого, перед началом восстановительной работы в экспериментальной группе и по ее окончании были проведены круги сообщества для представителей образовательного учреждения и родителей учащихся.

По результатам эмпирического исследования можно сказать о следующем. Изначально в экспериментальной группе у 24% детей был выявлен высокий уровень агрессии, у 16% детей – средний, у 60% детей – низкий. После проведения программы по профилактике и коррекции агрессивного поведения с использованием восстановительного подхода тенденции к агрессивному поведению изменились: высокий уровень агрессии был обнаружен у 3% детей; средний – у 24%; низкий – у 73%. Значимых изменений в контрольной группе не наблюдалось.

Также с использованием критерия знаков были выявлены достоверные различия в экспериментальной группе по шкалам "Тревожность" ($p=0,021$), "Агрессия" ($p=0,0001$), "Коммуникация" ($p=0,0001$), "Дефицитарность" ($p=0,0001$). Указанные данные говорят о снижении тревожности и агрессивности у школьников после реализации программы, а также о повышении готовности к выстраиванию эффективных коммуникаций с окружающими людьми.

Работа, которая проводилась нами с использованием восстановительного подхода, показала свою действенность. Результаты диагностики демонстрируют положительную тенденцию: уменьшение количества тревожных детей, увеличение количества учащихся, которые стали устойчивее к неудачам; изменяются показатели конфликтности, чаще используются способы конструктивного общения.

Учитывая большой профилактический потенциал восстановительных технологий, рекомендуется использовать их в качестве средства, позволяющего уменьшить частоту агрессивных проявлений в поведении младших школьников. Работа в восстановительном подходе с младшими школьниками способствует формированию у них умения конструктивного выхода из конфликта, сплочению детей, сообщества родителей и педагогического состава школы.

Результаты исследования могут быть использованы в практической деятельности педагогов, психологов, медиаторов и других специалистов для профи-

лактики и коррекции агрессивного поведения детей младшего школьного возраста.

Литература

1. Агрессия детей и подростков: учебное пособие / Под ред. Н.М. Платоновой. – СПб.: Речь, 2006. – 336 с.
2. Зайцева Л. Н., Лебедеико И.Ю. Причины, профилактика и коррекция детской агрессии // Педагогический опыт: от теории к практике: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 22 янв. 2018 г.) / Редкол.: О. Н. Широков [и др.] – Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2018. – С. 353-356.
3. Лютова К.К., Моница Г.Б. Тренинг эффективного взаимодействия с детьми. – СПб.: Издательство «Речь», 2005. – 190 с.
4. Мосина Т.Н. Агрессивное поведение детей младшего школьного возраста // Санкт-Петербургский образовательный вестник. – 2018. – № 6 (22). – С. 30-34.

СБОРНИК ТЕЗИСОВ УЧАСТНИКОВ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

В авторской редакции

Редакционная коллегия:

А.А. Марголис, Н.В. Дворянчиков, Е.Г. Дозорцева и др.

Корректор

К.Н.Дворянчикова

Московский государственный психолого-педагогический университет
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29